

©

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА
М. ГОРЬКИМ

*Большая серия
Второе издание*

Л Е Н И Н Г Р А Д * 1 9 5 8

М. ГОРЬКИЙ
И
ПОЭТЫ „ЗНАНИЯ“

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

*Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
С. В. Касторского*

М. ГОРЬКИЙ И ПОЭТЫ-«ЗНАШЕВЦЫ»

1. СТИХОТВОРЕНИЯ М. ГОРЬКОГО

1

«А я пишу стихи каждый день», — сказал М. Горький Всеволоду Иванову в вечер под новый, 1933 год. Сказал это «не то шутя, не то серьезно».¹

Из массы стихов, написанных Горьким, до нас дошло очень мало. Юношеские стихотворения его погибли еще в годы странствований писателя, одна сохранившаяся тетрадь была уничтожена им незадолго до смерти. Наконец, многие стихотворения не предназначались автором для печати. Большинство их также утрачено.

Горький не раз иронически отзывался о себе как о стихотворце. Но примечательно, что, несмотря на это, он не прекращал писать стихи и писал их всю свою творческую жизнь.

Художник революционного пролетариата намеревался вступить в литературу поэмой «Песнь старого дуба». Как известно, В. Г. Короленко, на суд которого юный Горький в 1899 году отдал свое произведение, решительно забраковал его. Горький уничтожил свою поэму. «Разорвал стихи и рукопись, кинул их в топившуюся печь, — рассказывал он, вспоминая впоследствии об этом. — ...Решил не писать больше ни стихов, ни прозы и, действительно, все время жизни в Нижнем — почти два года — ничего не писал. А иногда очень хотелось».²

¹ Всеволод Иванов. Встреча с Максимом Горьким. М., 1947, стр. 74.

² «Литературная учеба», 1941, № 6, стр. 77.

Но вскоре Горький вернулся к стихам. В рассказ «Макар Чудра» он вставил свои стихи — песню Лойка Зобара.

В том же 1892 году им была написана поэма «Девушка и Смерть» и сказка «О маленькой фее и молодом чабане», в текст которой также вошло несколько стихотворений (песни феи и чабана).

Трудно сейчас судить о том, насколько был прав Короленко в своей оценке «Песни старого дуба». Несомненно, в этой «Песне» было много художественно несовершенного, но в то же время в ней было и нечто новое, горьковское. В очерке «Время Короленко» Горький так рассказывает об этом несостоявшемся своем вступлении в литературу:

«В котомке у меня лежала тетрадь стихов и превосходная поэма в прозе и стихах «Песнь старого дуба». Я никогда не болел самонадеянностью, да еще в то время чувствовал себя малограмотным, но я искренне верил, что мною написана замечательная вещь: я затискал в нее все, о чем думал на протяжении десяти лет пестрой, нелегкой жизни. И был убежден, что грамотное человечество, прочитав мою поэму, благотворно изумится перед новизною всего, что я поведал ему, правда повести моей сотрясет сердца всех живущих на земле, и тотчас же после этого взиграет честная, чистая, веселая жизнь — кроме и больше этого я ничего не ждал».¹

Короленко много говорил Горькому о значении формы, но «ни одного слова о сущности поэмы».² А идейное содержание поэмы как раз и свидетельствовало уже о типично горьковском, действенном отношении к жизни. Из поэмы в памяти Горького осталась фраза: «Я в мир пришел, чтобы не соглашаться...» Эта фраза — одно из свидетельств того действенного, энергичного отношения к жизни, с которым Горький вошел в русскую литературу.

О характере гражданской направленности ранней поэзии Горького, предшествовавшей вступлению его в литературу, говорит одно из немногих, к счастью, дошедших до нас стихотворений,

¹ М. Горький. Полное собрание сочинений в тридцати томах, т. 15. М., 1951, стр. 6. В дальнейшем все ссылки на сочинения Горького, за исключением случаев, особо оговоренных, даются по этому изданию (тт. 1—30, М., 1949—1955). Тексты художественных произведений Горького цитируются по этому же изданию без ссылок.

² Там же.

в котором он, тогда еще Пешков, декларировал свою позицию как писателя:

Не браните вы музу мою,
Я другой и не знал, и не знаю,
Не минувшему песнь я слагаю,
А грядущему гимны пою.

Конечно, в юношеской поэзии Горького были и другие мотивы: нотки горечи, разочарования, одиночества. В том же декларативном стихотворении он заявлял:

Пусть порой моя песнь прозвучит
Тихой грустью, тоскою глубокой:
Может быть, вашу душу смягчит
Стон и ропот души одинокой...

Эти настроения в ранней поэзии Горького возникали вследствие столкновения юноши с окружавшей его в буржуазно-мещанской среде ложью, злом, о чем он писал, например, в стихотворении «Тому на свете тяжело...»

Однако ведущим, определяющим началом в ранней поэзии Горького был пафос радости жизни, протеста, борьбы.

Идейно близкие друг другу программные заявления Горького-поэта: «Я в мир пришел, чтобы не соглашаться», «Я грядущему гимны пою» — получили свое развитие, и с каждым разом на новом, более высоком идейном уровне, в его поэтических произведениях 1890-х годов: «Девушка и Смерть», «Песня о Соколе», а также в стихотворных текстах сказок «О маленькой фее и молодом чабане», «О Чиже, который лгал...» Следует отметить, что в «Песне о Соколе», а затем в «Весенних мелодиях» (концом этого произведения была знаменитая «Песня о Буревестнике») Горький вернулся к жанру уничтоженной им поэмы «Песнь старого дуба», то есть к произведению, в котором сочетаются проза и стихи. Примечателен и другой момент, связанный с «Песней старого дуба»: в названиях самых боевых, революционных стихотворений Горького закрепляется слово «песня».

«Девушку и Смерть» обычно относят к группе романтических произведений Горького, таких, как «Макар Чудра», «Старуха Изергиль», характерных для первой половины 1890-х годов. Общее в них — пафос свободолюбия, сильные, смелые люди. Но, в отличие от названных произведений, в поэме «Девушка и Смерть» высокий, героический стиль сочетается с низким, бытовым, гимно-

логия — с сатирой. Этот принцип контраста затем обозначился в рассказе «О Чиже, который лгал...», еще отчетливее — в «Песне о Соколе»; проходит он и через «Песню о Буревестнике», приобретая постепенно все более и более революционный характер. В сказке «Девушка и Смерть» этот композиционно-тематический принцип непосредственно вытекает из ее идейного замысла: *Смерти* противопоставлена *Любовь*.

Любовь горьковской героини возвышается до мужественного и радостного самозабвения, до бесстрашия и героизма:

Милого от Смерти заслоня,
Отвечает ей Девица смело:
«Погоди-ко, не ругай меня!
Не шуми, не испугай беднягу,
Острою косою не звени!
Я сейчас приду, в могилу лягу,
А его — подольше сохрани!
Виновата, не пришла я к сроку,
Думала — до Смерти недалеко...

Девушка, ведущая себя независимо, бесстрашно перед деспотом-царем, девушка, которая «стоит пред Смертью смело», — этот образ всепобеждающей Жизни содержит в себе тот исторический оптимизм, который был органическим свойством Горького как художника пролетариата.

«Девушка и Смерть» интересна и как первый опыт творческого использования Горьким фольклора. В ней в духе сатирических народных сказок нарисован образ царя, но Горький резче обозначил в нем черты жестокого самодура. Особенно смелой и оригинальной в горьковской сказке надо признать трактовку традиционного и в фольклоре, и в литературе образа Смерти. Горький отказался от мрачного и таинственного колорита, переведя этот образ в бытовой план. В его изображении Смерть — это старуха, одетая в лапти, она любит погреться на солнышке, рвет подсолнухи и т. д.

Трудно сказать, редактировал ли Горький эту раннюю свою вещь перед публикацией ее в 1917 году. Некоторые шероховатости стиля, отмеченные Н. К. Пиксановым,¹ заставляют склоняться к тому, что Горький не правил свою сказку в 1917 году, а печатал ее в том виде, в каком она была написана в 1892 году.

Со сказкой «Девушка и Смерть» тесно связано стихотворение

¹ Н. К. Пиксанов. Горький-поэт. Л., 1940, стр. 174.

Горького «Баллада о графине Элли де Курси» (1896), в центре которой также стоит тема любви и смерти. Однако в «Балладе» эта тема развита в другом, противоположном направлении. В этом произведении Горького разоблачается псевдолюбовь — низменное, чисто животное, эгоистическое чувство. Любовь аристократки, графини Элли де Курси, не имеет ничего общего с тем всепобеждающим, высоким, альтруистическим чувством, каким является любовь Девушки. Любовь графини — это прихоть, игра, забава, развлечение, сочетающееся с жестокостью, поэтому такая «любовь» несет с собой смерть; любовь Девушки Горького — всепобеждающая жизнь.

«Балладу о графине Элли де Курси» надо отнести к наиболее совершенным поэтическим творениям Горького. Опираясь на опыт любимого им поэта Г. Гейне, Горький создал оригинальный образец баллады, в которой повествование — драматическая история прерывается авторскими отступлениями или сентенциями, содержащими тонкую иронию, издевку над религией, моралью господ. Среди этих своеобразных лирических мест немало острых, ярких афоризмов («Любовь возникает, как пламя, И мы, сгорая в нем, Чудесно становимся сами Прекрасным и ярким огнем» и т. п.).

Для такого стихотворения с постоянно прерывающейся нитью рассказа удачно найден ритм, который условно можно назвать тоже «прерывающимся». В основе ритмической структуры стихотворения традиционный балладный метр — амфибрахий, чередующийся с другими метрами — дактилем, анапестом.

Одновременно с поэмой «Девушка и Смерть» Горький написал «Валашскую сказку» — «О маленькой фее и молодом чабане» (1892). Стихотворения в ней настолько гармонически слиты с повествованием, с прозаическим текстом, что изъятие их неизбежно привело бы к нарушению, ломке всей структуры произведения, в котором и прозаический текст весьма лиричен, а местами переходит в ритмически организованную прозу.

Искусно создавая в тоне, настроении, в стиле песен феи и чабана соответствие характеру этих героев, Горький в песнях чабана особенно выделяет жажду воли, простора, света. Символом силы, свободы выступает природа, степь, бескрайнее небо, ветер, щедрое солнце. «Царство силы и свободы — степь могучая моя...» — восклицает чабан, и его взволнованность передается слабой, робкой фее, привыкшей прятаться в чаще темного леса, захватывает ее, и она в ответ на песни своего возлюбленного поет: «Я воли хочу, солнца, степи!»

В понимании Горького жить — значило быть действенным, смелым:

.. Хочешь жить — будь смелей!
Поскорей!.. Страх и жалость отбрось!
Только сердце свое ты жалея,
Только с ним не пытайся жить врозь!

Героической выглядит фигура чабана во время грозы: чабан «твердо, как скала... стоял в степи, подставив грудь дождю и порывам ветра...» Есть в настроении чабана, во всем его поведении в бурю и в образе грозы нечто близкое образу Буревестника. В противоположность слабой, робкой фее, чабан — олицетворение силы, мужества. Во время грозы «чабан стоял и пел, и в груди его все горело это могучее, смелое, что позволяло ему одиноко стоять грудью к грозе и не бояться...», «в его черных очах горел... огонь такой же яркий, как сами молнии». Чабан, как и Буревестник, радуется буре.

Описание бури в сказке многими чертами предвещает образ бури в «Песне о Буревестнике», и выдержано оно в том же самом ритмическом строе, что и «Песня о Буревестнике».

Среди песен чабана есть две баллады, в основу сюжета которых Горький положил фольклорные мотивы о русалках. В первой говорится о фее и юноше Марко, во второй — о русалке и старом казаке. В 1903 году легенду о рыбаке Марко и фее Горький выделил в самостоятельное стихотворение,¹ переработал его текст и добавил заключительное четверостишие:

А вы на земле проживете,
Как черви слепые живут:
Ни сказок о вас не расскажут,
Ни песен про вас не споют!

Новое четверостишие содержало в себе гневное обличение мещанства, тех самых не в меру осторожных, эгоистичных личишек, охранителей своего благополучия, стражей косности, застоя, тех врагов освободительного движения, которых Горький нарисовал в образе Ужа («Песня о Соколе»), Дятла («О Чиже, который ггал...»), гагар («Песня о Буревестнике»).

Стихи из «Валашской сказки» позволительно рассматривать

¹ В этом же году баллада была издана при нотах; музыка была написана А. Спендиаровым.

как образцы лирической поэзии молодого писателя, дающие некоторое представление о характере его пейзажной лирики, которая, вероятно, занимала немалое место в творчестве раннего Горького. Многие стихи этого рода являются вдохновенными гимнами природе, проникнутыми жизнерадостным ощущением простора, света:

Песнь моя! громко звеня,
Лейся ты в небо прекрасное!
Солнце! ты песнь мою
Златом лучей облеку
И преврати в огоньки
Чистые, кроткие, ясные!

Аллегорический рассказ «О Чиже, который лгал...» (1893) написан в духе сатирических сказок Щедрина. Об ориентации Горького на сатиру Щедрина свидетельствуют такие его аллегории, как «О комарах», «Мудрая редька». Следы щедринской традиции есть и в «Песне о Соколе» (образ Ужа) и в «Весенних мелодиях» (сатирические образы птиц). Но, сочетая в своих аллегориях сатирический план с возвышенным, героико-романтическим, Горький создал свой особый жанр.

В рассказе «О Чиже, который лгал...» романтическим духом проникнута песня Чижа, противостоящая мрачным, пессимистическим песням ворон, в образе которых нельзя не увидеть литераторов-декадентов.

В призывах Чижа лететь «Туда — в страну счастья! Туда — в это чудесное «вперед»!...» есть что-то родственное героическим устремлениям Данко (рассказ «Старуха Изергиль»), его призыву идти вперед, сквозь дремучий лес.

Данко — натура героическая, исполненная горячей веры, бесстрашия, самоотверженности. Своим благородным мужеством он родствен Соколу, тогда как «Чиж благороден, но не имеет веры и поэтому нищ духом». Вот почему его так легко победил «благоразумный», самодовольный, пошлый доктринер Дятел.

2

«Песня о Соколе» написана в 1895 году, в знаменательный в истории русского пролетариата год, когда В. И. Ленин объединил в Петербурге все марксистские рабочие кружки в один «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

«Песня о Соколе» проникнута страстным революционным духом борьбы с врагом, она — пламенный призыв к свободе,

к свету, к героическим подвигам. Она была и гневным обличением тех реакционных явлений в жизни, тех людей, которые охраняли самодержавие и капитализм. «Летай иль ползай, конец известен: все в землю лягут, всё прахом будет» — такова реакционная «философия», «мудрость» пресмыкающихся, заклеянная автором «Песни о Соколе».

В 1899 году Горький создал вторую редакцию «Песни о Соколе», еще больше усилив ее революционное звучание. Подобно «Песне о Буревестнике» (1901), «Песня о Соколе» отразила боевое революционное настроение рабочих масс в эпоху приближающейся революции.¹

Органически к этому времени вошедший в жизнь и борьбу революционного пролетариата (активное участие в рабочих социал-демократических организациях Нижнего Новгорода и Сормова), Горький становится «буревестником», «буреглашатаем», «так как он, — сообщалось в одном из донесений царской охраны по поводу «Песни о Буревестнике», — не только возвещает о грядущей буре, но зовет бурю за собой».²

М. И. Калинин, называя «Буревестника» предвестником революции 1905 года, отмечал, что в этом стихотворении Горький «как бы обобщил настроение, желание бороться с самодержавием, с его порядками».³

«Песня о Соколе» и «Песня о Буревестнике» сыграли огромную роль в революционном рабочем движении, оказали благотворное влияние на формирование революционного сознания многих пролетарских борцов. Стихотворения эти были действительными революционными прокламациями. Они, по свидетельству Е. Ярославского, «имели не меньшее революционное воздействие на массы, чем прокламации отдельных революционных комитетов партийных организаций; да и сами партийные организации нередко издавали горьковские воззвания и распространяли их широко в массах».⁴

Призывные строки «Песни о Соколе» — «О смелый Сокол, в бою с врагами истек ты кровью» — были взяты эпитафией к прокламации, выпущенной в 1903 году тифлисской и бакинской организациями РСДРП в связи с убийством Ладос Кецховели.

В прокламации И. В. Сталина «Ко всем рабочим», написан-

¹ П. Заломов. Мои встречи с А. М. Горьким. «Правда», 1936, № 172, от 24 июня.

² Сб. «Революционный путь Горького». Центрархив. М., 1933, стр. 50.

³ М. И. Калинин о литературе. Л., 1949, стр. 158.

⁴ Сб. «Революционный путь Горького», стр. 50.

ной в разгар боев первой русской революции, мы находим отзвуки «Песни о Буревестнике». В ней говорится: «Пусть сильнее грянет гром, пусть сильнее разразится буря! Час победы близок!»¹

Статья В. И. Ленина «Перед бурей» (1906) заканчивалась такими словами: «Довольно с нас гегемонии трусливых кадетов, этих «глупых пингвинов», что «робко прячут тело жирное в утесах». «Пусть сильнее грянет буря!»²

В этих стихотворениях-песнях Горький наследовал и развивал лучшие традиции передовой русской поэзии XIX века. Образ бури, распространенный в русской поэзии XIX века, нередко выражал мечту о свободе. В этом значении он фигурирует в «Арионе» Пушкина, «Парусе» Лермонтова, «Пловце» Языкова. В стихотворении Некрасова «Душно! Без счастья и воли...» образ бури символизирует народную революцию, а восклицания поэта: «Буря бы грянула, что ли?.. Грянь над пучиною моря!..» — предшествуют страстному горьковскому призыву: «Пусть сильнее грянет буря!»

В героическом пафосе стихотворений Горького, в пафосе борьбы и утверждения жизни нашли свой отклик и оптимистический пушкинский мотив: «Да здравствует солнце! Да скроется тьма!», и лермонтовская жгучая ненависть к палачам свободы, и его страстная жажда битвы, борьбы за свободу, и некрасовский призыв идти «в огонь за честь отчизны, за убежденья, за любовь!»

Горьковским Соколу и Буревестнику предшествуют и пушкинские «вольные птицы», и узник, мечтающий улететь, подобно орлу, на свободу, на простор широкий, и лермонтовский Мцыри с его жадной битвы, и кольцовский сокол с его порывом к воле, с его восклицанием: «Иль у сокола крылья связаны, иль пути ему все заказаны?», и сокол Никитина (песня больного в стихотворении «Хозяин») — символ закованного в цепи народа.

Но героические Сокол и Буревестник — качественно новые художественные образы. Они отличаются прежде всего неистребимым революционным оптимизмом, знаменующим собою начало нового освободительного периода — периода «движения самих масс».³ Предшественники горьковских героев жаждут свободы, рвутся к воле, но они чаще всего лишены возможности бороться и обычно одиноки. Горьковские герои вступили в борьбу, идут навстречу врагу, радуются смертельной схватке с ним, ибо предчувствуют победу, ибо ощущают начавшееся движение народных масс. Сокол

¹ И. В. Сталин. Сочинения, т. 1, стр. 192.

² В. И. Ленин. Сочинения, т. 11, стр. 117.

³ Там же, т. 18, стр. 15.

и Буревестник олицетворяли собою передовых борцов за дело освобождения трудящихся. Песни Горького были боевой литературной школой для начинающих поэтов — выходцев из низов. Особенно благотворное влияние горьковские песни оказали на пролетарских поэтов-самоучек. Руководимые большевистской партией, рабочие авторы в большинстве своем группировались вокруг «Звезды» и «Правды». Опираясь на революционно-демократические традиции русской поэзии, они, в частности, продолжали развивать революционные мотивы песен Горького. В обстановке цензурного террора пролетарские поэты вынуждены были прибегать в своих стихах к иносказанию. В аллегорических образах взволнованного моря, бури они, подобно Горькому, выражали революционное устремление рабочей массы («Прибой», «Узник» А. Белозерова, «Гребцы», «Зарницы» Самобытника (Маширова), «Гроза играет» А. Сергеева, «Девятый вал» С. Ганшина и другие). Нередки были случаи вариации горьковских образов и даже перепевов его «Песни о Соколе» и «Песни о Буревестнике» (например, «Сокол» А. Гмырева, «На Волге» Е. Тарасова).

В одном ряду с песнями Горького стоит его поэма «Человек», написанная в 1903 году.

Человек Горького не метафизическая абстракция, а символ, собирательный образ реальных людей, страдающих, борющихся, побеждающих. Человек Горького — это воплощение мужества, воли, мысли, жажды творчества и борьбы с социальным и духовным рабством. Человек Горького — это могучая творческая, разумная сила на земле, создатель всех и всяческих ценностей.

Накануне революции поэма «Человек» звучала мобилизующим призывом. Недаром это произведение преломилось в творчестве многих «знаниевцев».

Поэма «Человек» — произведение того же типа, что и песни. Правда, прозаическая речь явно доминирует в ней, но тем не менее признаки стиховой организации текста довольно отчетливо проступают и в этом произведении. На эти признаки в нем указывал и сам автор. Посылая рукопись «Человека» К. П. Пятницкому, Горький писал: «На неровности ритма не обращайтесь внимания, если они не очень уж режут слух... Гладких и слащавых стихов я не хочу...»¹

В отличие от поэмы «Человек», песни о Соколе и Буревестнике метрически соизмеримы. В основе первой из них лежит двух-

¹ М. Горький. Собрание сочинений, т. 5, стр. 488.

стопный ямб, в основе второй — четырехстопный хорей. Такое ритмическое строение в этих своеобразных стихотворениях отвечало духу, характеру героического их содержания.

Была у Горького или нет сознательная установка на то, чтобы эти произведения выполняли агитационно-ораторскую функцию, они в общественной практике играли именно эту роль. Например, те же горьковские афоризмы в данных произведениях имеют характерную лозунговую природу: «Безумство храбрых — вот мудрость жизни!»; «... Не скроют тучи солнца, — нет, не скроют!». То же самое в поэме «Человек»: «Для мысли нет твердынь несокрушимых ни на земле, ни в небе!»

«Песня о Соколе» (редакция 1899 г.), «Песня о Буревестнике» и поэма «Человек», наряду с некоторыми другими произведениями Горького тех же лет, явились весьма удачными художественными опытами в реализации нового эстетического принципа: «Настало время нужды в героическом».¹ Эти стихотворения Горького предвещали начало новой, пролетарской, социалистической литературы.

8

В письме к Г. А. Вяткину (от 12 января 1935 г.) Горький в шутивно-ироническом тоне заметил о своих стихах: «... верно, я грешен, стихи писал, и немало писал, и всегда очень дубоватые. Понимая сие и будучи правоверным прозаиком, я уничтожал их, печатал же в молодости лет — по легкомыслию, а позднее — лишь в случаях крайней необходимости и когда мог оклеветать кого-либо из героев, будто бы — это его, а не мои стихи».²

Никто из русских писателей не использовал в таком обилии своих стихотворений для характеристики литературных героев, как Горький.

Среди литературных героев Горького много поэтов; они проходят через его рассказы, повести, романы, пьесы от начала и до конца его творческой деятельности. Среди этих героев Горького, которым он приписал свои стихи, надо выделить две основные группы: 1) поэты — буржуазные интеллигенты, 2) поэты-самоучки, выходцы из низов.

Стихотворения первой группы выполняют почти исключительно функцию разоблачения буржуазной упадочной поэзии. Это — пародии.

¹ М. Горький. Собрание сочинений, т. 28, стр. 113.

² «Сибирские огни», 1935, № 4, стр. 181.

Горький в течение всей своей творческой жизни разными средствами неустанно вел борьбу с литературным декадансом России и Запада. Молодой Горький вступил в бой с декадентством всем направлением своего творчества — гимнами жизни, человеку, его героическим общественным подвигам. Горький в 1890-е годы выступает и с критическими статьями против русской и зарубежной декадентской поэзии. Обобщая на основе анализа стихов Ф. К. Сологуба свои мысли о декадентах, Горький писал в статье «Еще поэт» (1896): «Пессимизм и полное безучастие к действительности, страстный порыв куда-то вверх, в небо и сознание своего бессилия, ясно ощущаемое отсутствие крыльев у поэтов, отсутствие святого духа в сердцах их — вот основные ноты и темы нашей новой поэзии».¹ В статье «Поль Верлен и декаденты» (1896) Горький вскрывает генезис французского декадентства, как явления, порожденного в стране «жирных и разнузданных купцов» обществом «торжествующих свиней», «узких, тупых, пошлых, не признающих иного закона, кроме инстинкта, и иного права, кроме права сильного».²

Выступившие вначале как «отрицатели и анархисты», декаденты очень скоро превратились в «проповедников морали и учителей жизни». Говоря о французских декадентах, Горький, конечно, имел в виду и русских, а его слова: «Эти песни разлагающейся культуры звучат похоронным звоном зарвавшемуся, нервно-истощенному и эгоистическому обществу и все более истощают его»,³ — пророчески звучали по адресу прогнившего строя российских помещиков и капиталистов, да и сейчас они сохраняют свою силу в отношении зарубежной упадочной, реакционной литературы.

Едко высмеивая, наряду с декадентской живописью, стихи З. Гиппиус и других, Горький ратовал с присущей ему страстностью за реализм. Горький с негодованием клеймил декадентскую школу «свободного искусства»; он называл упражнения декадентов «гайдамачеством в искусстве».⁴

Горький обладал замечательным талантом пародиста. Склонность его к иронии с одобрением отметил еще Короленко. Среди стихов молодого писателя, вероятно, были произведения с пародийным осмыслением тех или иных поэтических мотивов. Об этом говорит случайно сохранившееся стихотворение «Это дивная рамка была!..», написанное, видимо, не без воздействия лирики

¹ М. Горький. Собрание сочинений, т. 23, стр. 122.

² Там же, стр. 127.

³ Там же, стр. 136.

⁴ Там же, стр. 183.

Гейне — поэта, высоко ценившегося Горьким, со стихотворениями которого он познакомился еще в юности.

В борьбе с декадентской поэзией Горький не раз прибегал к такому эффектному средству борьбы, как пародирование ее упадочных мотивов. В этой борьбе он наследовал и успешно развивал традиции революционно-демократической поэзии 1860-х годов — «Свистка» Н. А. Добролюбова, «Искры» В. С. Курочкина.

В рассказе 1895 года с ироническим названием «Грустная история» Горький высмеял тех поэтов-индивидуалистов, которые выше всего ставят благополучие, покой своего маленького «я», и которых малейшее лишение, пустяковая неприятность повергают в пессимизм, заставляют рассматривать себя как трагическую личность. В рассказе говорится, что одного такого поэта кусала блоха, и он разразился скорбным стихотворением «Я жизнью жестоко обманут...», которое заканчивается такими словами: «Господь! Упокой мою душу! Она безнадежно больна!»

В рассказе «Неприятность» (1895) в образе поэта-эстета Милева Горький разоблачил типическое явление в буржуазной поэзии: пошлость, беспринципность, безыдейность, прикрывавшиеся маской поэта «чистого искусства», страдальца, разочаровавшегося в жизни.

В рассказах «Грустная история» и «Неприятность» Горький уничтожающе пародирует в своих стихах «модную» антидемократическую поэзию 1880—1890-х годов, вроде лирики К. Фофанова, М. Лохвицкой и т. п.

В пьесах «Дачники» (1904) и «Дети солнца» (1905) Горький применяет иной прием развенчания декадентской поэзии. В образе Калерии, героини «Дачников», и Лизы Протасовой из «Детей солнца» Горький вывел незаурядных поэтесс-декаденток. Стихами той и другой он показал декадентскую поэзию в ее наиболее сильных сторонах и в то же время разоблачил ее как искусство пустое, враждебное передовым силам эпохи, мешающее развитию революционных идей.

В пьесе «Дачники» Горький использовал пародийный прием, в свое время блестяще осуществленный поэтом-«искровцем» Д. Д. Минаевым, написавшим пародию на стихотворение Фета «Шепот, робкое дыханье...» Сохраняя в своей пародии особенности ритмико-мелодической и синтаксической структуры стихотворения Фета, Минаев наполняет свою пародию совершенно иным, прямо противоположным содержанием, разоблачавшим эстетский характер фетовской лирики.

В пьесе «Дачники» пародию сочиняет революционно настроен-

ный юноша Влас. Сохраняя ритмико-мелодическую интонационную сторону стихов Калерии, стихи Власа одновременно являются жесткой социальной сатирой, вскрывающей подлинное лицо поэтов-декадентов.

В пьесе «Дети солнца» жизнерадостные стихи Вагина противопоставлены пессимистическим стихам Лизы Протасовой. Но следует заметить, что Вагин читает не свои стихи. Сам он сторонник теории «чистого» искусства и стихи читает, вероятно, из чувства противоречия Лизе, но они вместе с тем обращены против декадентской поэзии.

С пародиями Горького на декадентскую поэзию мы еще раз встречаемся в его цикле новелл «Русские сказки» (начало 1910-х гг.). В состав этого цикла Горький включил две сказки, направленные против модной в годы реакции «смертяшкинской» поэзии.

В годы политической реакции, в эту «ночь после битвы» (слова В. В. Воровского), все реакционные течения в литературе необычайно активизировались. Ф. Сологуб, Л. Андреев, З. Гиппиус, М. Арцыбашев и другие «создавали» грязные, пасквильные произведения. Особенно модными стали темы ренегатства, предательства, смерти, культивировалась порнография.

Горький всеми средствами начал борьбу с реакцией, в том числе с литературным декадансом. В этой борьбе он находил поддержку у В. И. Ленина. Еще в начале 1908 года Ленин писал Горькому: «Я тысячу раз согласен с Вами насчет необходимости систематической борьбы с политическим упадничеством, ренегатством, нытьем и проч.»¹

В адрес ренегатской интеллигенции, реакционной литературы Горьким были направлены гневные инвективы — статьи «Разрушение личности», «О цинизме» и другие. Горький использует и свое испытанное боевое поэтическое оружие — пародию-сатиру.

В первой сказке Горький высмеял поэта-обывателя, который «вдохновился» валявшимся на дороге кнутом и написал мрачные стихи о Смерти-Змее. Редактор одобрил их: «Очень в тон настроению времени, очень!..» — и определил гонорар — 16 копеек строка. А один очень хороший юноша застрелился, ибо он не предполагал, что такие «мрачные мысли продаются по 16-ти копеек». Мотив и приемы обличения декадентской поэзии в этой сказке перекликаются с рассказами Горького 1890-х годов («Неприятность» и другие) и находятся в прямой связи с обличительным

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 34, стр. 330.

выступлением Горького в статье «Издалека» против «смертяшкинской» литературы.

Во второй сказке, написанной, как и весь цикл «Русские сказки», в духе сатиры Салтыкова-Щедрина, Горький вывел поэта Евстигнея Закивакина, избравшего себе псевдоним *Смертяшкин*. В прозаический текст сказки Горький включил десять стихотворений — «поэз» Смертяшкина, представляющих собою едкие пародии на декадентскую поэзию. Заметим, что «певец смерти» Смертяшкин, как обобщенный образ писателей-упадочников, этих, по выражению Горького, «клиентов мещанства», особенно расплодившихся в годы реакции, появился у Горького еще в 1908 году, в статье «Разрушение личности». В сказке Смертяшкин со своими «поэзами» предстал, как яркий сатирический образ, образ-пародия, обобщивший в себе наиболее типичные для упадочной поэзии черты. Настолько они были метко схвачены Горьким, настолько они были жизненно правдивы, что в образе Смертяшкина должны были видеть и увидели себя Ф. Сологуб, З. Гиппиус и другие. Сологуб воспринял эту сказку как памфлет на себя и высказал свою обиду в письме к Горькому. В ответном письме Сологубу Горький пояснил, что Смертяшкин — образ собирательный и не имеет в виду лично его.

Горький связывал декадентскую литературу с контрреволюционными «Вехами», с черносотенной политикой «Нового времени» и прочими реакционными общественными явлениями. Горький несколько не преувеличивал пагубного влияния упадочной литературы, когда в статье «О современности» писал, что «некоторые явления в литературе должны были повысить число самоубийств».¹

Стихами Смертяшкина Горький развивал традиции литературной пародии революционных демократов, в частности Н. А. Добролюбова.

В борьбе с антидемократической поэзией Добролюбов создал своеобразный вид пародии — тип фельетона, сочетавшего в себе прозаический текст со стихотворным. Такова, например, «публикация» в «Свистке» стихотворений Аполлона Капелькина. Статья носит такое ироническое заглавие: «Юное дарование, обещающее поглотить всю современную поэзию». Она состоит из иронического уведомления редакции и письма Аполлона Капелькина, в текст которого вставлены его стихотворения. Характеризуя себя как поэта, объясняя свой творческий процесс, Капелькин, по существу, саморазоблачается, показывая всю свою пошлость и пустоту, по-

¹ М. Горький. Статьи 1905—1916 г. Пг., 1918, стр. 96.

ступает в значительной степени так же, как Смертяшкин у Горького.

Пародия была лишь одним из жанров сатирической поэзии Горького. Формы его стихотворной сатиры разнообразны: это и сатирическое послание, и куплеты, и эпиграмма. В своих сатирических стихотворениях Горький едко высмеивал паразитические общественные слои: буржуазию и прислужницу ее — буржуазную интеллигенцию, полицейскую власть и т. д.

В рассказе «О писателе, который зазнался» имеются стихи Горького, которые он приписал лавочнику Семену Ястребову. Горький удачно стилизует в них мещанскую «поэзию» бездарных и невежественных обывателей, писавших с претенциозностью.

В стихотворении «О вестник утра, красный петел!», которое включено в «Русские сказки», Горький разоблачает либералов, буржуазную интеллигенцию, их предательскую контрреволюционную политику.

Горький писал сатирические стихи-афоризмы с острым политическим смыслом. Таково, например, четверостишие в рассказе «Тюрьма». Много сатирических стихотворений Горький ввел в «Жизнь Клима Самгина». Интересны, например, «записи» Дмитрия Самгина — сатира на купцов, мещан, полицейскую власть.

4

Среди литературных героев Горького довольно обширную группу составляют образы поэтов-самоучек, выходцев из низов. В русской литературе до Горького были попытки создания таких образов. Так, например, образ поэта-самоучки был намечен Пушкиным в его незавершенной «Истории села Горюхина»: это крепостной крестьянин Архип Лысый, сочинявший сатирические стихотворения, одно из которых приводится Пушкиным. Приказчик Митя в пьесе Островского «Бедность — не порок» сочиняет стихи в стиле Кольцова. Однако характер поэта-самоучки со всем строем его дум и настроений впервые в русской литературе появляется именно у Горького. С таким образом мы прежде всего встречаемся в повести Горького «Трое». Это сын кузнеца, рабочий парень Павел Грачев. В «Рассказе Филиппа Васильевича» изображен юноша-поэт, простолюдин Платон Багров, служащий дворником. Впечатляющий образ поэта-самоучки Симы Девушкина выведен в повести «Городок Окуров».

Вышедший из низов, прошедший жуткие «университеты» жизни

в царской России с ее волчьими законами, Горький глубоко познал всю трагическую судьбу талантливых выходцев из народа, лишенных возможности получить даже элементарное образование. Горький знал и видел, что сотни и тысячи народных талантов гбли, не успев созреть, в проклятых условиях помещичье-буржуазного государства. Горький видел и знал также, что народ из недр своих выдвигает все новые и новые таланты, что народ — неиссякаемый источник могучей духовной творческой силы.

Стихи Горького, приписанные им своим героям, поэтам-самоучкам, характеризуют не только ту или иную степень одаренности самоучек, они являются эффективным средством социальной и индивидуальной их характеристики. Больше того, эти стихи обрисовывают существенные черты того общественного уклада, быта, в котором рождаются, растут и чаще всего, не созрев, гибнут поэты из народа. Эти стихи — обвинительный акт против общественно-политического строя помещиков, купцов, фабрикантов.

Гибнет безвременно среди жестокого окурковского быта поэт-самородок Сима Девушкин. В этом образе Горький изобразил одного из многочисленных и часто безымянных поэтов — выходцев из низов, которые обычно слагали свои стихи устно. Не записывает своих стихов и Сима, он рассказывает их своим слушателям. Стихи Симы бытуют, подобно произведениям устной народной словесности. Местные окурковские певцы подбирают к стихам Симы песенные мелодии. Так, например, слободской певун Артюшка Пистолет распевает стишок Симы:

Как живут у нас в Заречьи
Худы души человечьи...

Беда Симы в том, что он так же темен, невежествен, неразвит, как и все окурковское мещанство. Сима — во власти религиозных предрассудков. Нередко в своих стихах он обращался за помощью-милостью к богу, к богородице, перефразируя выражения из церковных песнопений и молитв: «Господи, помилуй! Мы — твои рабы!», «Пресвятая богородица, мати господя всевышнего!»

Вывести в те годы на верный жизненный путь таких уездных самоучек мог только революционный рабочий класс, могла только революционная пропаганда. Это Горький убедительно показал в образе поэта-самоучки Павла Грачева из повести «Трое».

Своей незавидной долей, своим мироощущением на первом этапе своей жизни Павел Грачев близок к Симе Девушкину. Бедность, нужда, грубость, жестокость мещанской жизни сопутствовали

Павлу в юности не меньше, чем Симе. Сетования на свою горькую судьбу Павел изливал в таких стихах, как «Судьба меня душит, она меня давит...» Как и Сима Девушкин, Грачев жалуется в стихах на свое одиночество, убогость, скуку жизни. Но только в революционной среде нашел Грачев истинных людей, настоящее товарищество, получил моральную поддержку. Революционная пропаганда открывает рабочему парню Павлу Грачеву глаза на единственно правильный путь в жизни — путь революционной борьбы. В стихотворении, посвященном пропагандистке, Грачев писал:

Да будет проклят этот мрак!
Свободный от его недуга,
Я чувствую — нашел я друга!
И ясно вижу — кто мой враг!..

Образом Павла Грачева, его идейной и поэтической эволюцией, завершающейся политическим пробуждением героя, Горький предсказывал приход в русскую литературу нового, пролетарского писателя из среды рабочих-самоучек, что в действительности осуществилось в начале 1910-х годов, в эпоху большевистских газет «Звезда» и «Правда».

Личные жизненные наблюдения Горького неизменно пополнялись, обогащались интересными материалами, — многочисленными письмами самоучек с приложением их незамысловатого творчества, а также письмами о самоучках с подробными характеристиками обстоятельств их жизни и деятельности. Знакомство Горького с самоучками и одновременно работа с ними начались еще в конце 1890-х годов, когда он стал получать от редакции журнала «Жизнь» рукописи начинающих поэтов и прозаиков. Горький много прочитал рукописей поэтов-самоучек в годы первой революции, еще более — в каприйский период (1907—1913). Конечно, при чтении многочисленных сочинений самоучек перед умственным взором Горького проходили и Павлы Грачевы, и Платоны Багровы, прошел, наверное, не один Сима Девушкин.

О типичности, жизненной правдивости образов горьковских поэтов-самоучек говорят, например, богатые материалы, собранные в свое время А. И. Яцимирским для издания «Галереи русских самородков».¹ Стихи Горького, приписанные им Павлу Грачеву и

¹ Хранится в архиве Института русской литературы Академии наук СССР.

Симе Девушкину, весьма близки к поэзии многих реальных русских самоучек. Н. К. Пиксанов в своей книге «Горький-поэт» приводит для сопоставления со стихами Симы Девушкина близкие к последним по содержанию и по форме стихи самоучек из числа опубликованных Горьким в статье «О писателях-самоучках» (1911). Аналогичные параллели можно построить и на других материалах поэтического творчества самоучек. Так, например, у А. Слюзова в сборнике его стихотворений, изданном в Казани в 1882 году, есть стихотворение «Мещанская жизнь», живо напоминающее и содержание и форму стихов Симы, особенно его стихотворения «Позади у нас — леса...»:

Так же идут дни за днями
Жизни скучной нашей,
Так же мы едим, как ели,
Те же щи и кашу!

Те же мелкие расчеты,
Убыли, наживы
Нас и радуют, и мучат,
Пока мы все живы!

И века еще продлятся,
Нас уже не будет,
А житье мещан все то же,
То же, то же будет!¹

Стихотворение Симы «Боже, мы твои люди...» очень близко стихотворению поэта-самоучки И. А. Назарова «Боже, ты, отец небесный...»²

Примечательны отзывы о горьковских героях поэтах-самоучках самих русских самоучек в письмах к Горькому. Один из корреспондентов Горького в письмах к нему сравнивал с Симой Девушкиным поэта-самородка сибиряка Ивана Тачалова, удивляясь поразительному сходству их жизненных судеб.³

О горьковском поэтическом таланте, о многогранности поэтического творчества Горького говорят не только сочиненные им, исключительные по своей жизненной правде стихи русских само-

¹ Стихотворения А. Слюзова. Казань, 1882, стр. 18.

² Архив А. И. Яцимирского в Институте русской литературы Академии наук СССР.

³ См. «Ученые записки» Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, т. 58, 1947, стр. 72.

учек, но и многочисленные стихотворения другого рода, созданные и приписанные им своим героям — представителям разных народностей России и зарубежных стран.

В уста цыгана Лойко Зобара («Макар Чудра») Горький вложил песню «Гей-гей! В груди горит огонь...», содержание и ритм которой так гармонируют с пылкой, страстной натурой этого свободолюбивого, мужественного юноши.

В одной из «Сказок об Италии» в легенду о Тамерлане Горький ввел свое стихотворение, которое можно назвать гимном «о сердце мира, о волшебном сердце той, кого мы, люди, Матерью зовем!» Эту взволнованную, светлую песню о женщине-матери Горький приписал «веселому поэту» Кермани. В другой сказке из этого же цикла Горький изобразил итальянского поэта-самоучку: это молодой рабочий, маляр Винченцо, поэт-лирик, с острым поэтическим чувством природы. Ему Горький приписал свое стихотворение «На берег пустынный, на старые серые камни...»

К такому же роду произведений надо отнести стихотворения Горького, вложенные в уста калеки, душевнобольной румынской девушки, героини рассказа «На Чангуле», и веселую песенку (типа «тасниф») «Я хочу делать хорошие дела...», которую поет перс в рассказе Горького «Весельчак».

Произведения Горького насыщены также стихами фольклорного характера. Эта поэтическая область творчества Горького тоже многообразна; диапазон ее — от стихотворных прибауток, многочисленных вариантов раёшного стиха до былины, легенды.

Русский народ, создатель и хранитель богатейших сокровищ художественного слова, был вдохновителем и учителем Горького. Горький в детстве жил в атмосфере народной поэзии. Художественным наставником Горького была чудесная русская женщина, его бабушка Акулина Ивановна. «В те годы <детства> я был наполнен стихами бабушки, как улей медом, — писал Горький, — кажется, я и думал в форме ее стихов». Этот поэтический «улей» Горького из года в год неизменно пополнялся новыми и новыми народными стихами, творческой переработкой которых обогащались горьковские произведения. Художественной обработкой фольклорных мотивов Горький преследовал цель как можно глубже, вернее, жизненнее показать духовную силу своего народа, его правду.

Художественная функция таких, условно назовем, фольклоризованных стихов в творчестве Горького в основном та же, что и большинства других стихотворений, приписанных Горьким своим героям. Фольклоризованные стихи являются также средством идей-

ной, психологической, социальной характеристики того или иного героя. Стоит только удалить из повести «Детство» сказы бабушки Акулины Ивановны, и утратит в значительной степени свою колоритность этот замечательный образ русской женщины. Сказительница легенд, бывальщин, она является в повести олицетворением духовной творческой мощи русского народа, его гуманизма, его высоких моральных качеств. Создавая в 1910-е годы образ своей бабушки, Горький, конечно, воспользовался слышанными от нее в детские годы замечательными песнями, поверьями, сказками. Но многое, взятое для характеристики бабушки из ее же поэтической сокровищницы, Горький должен был переосмыслить, творчески переработать, ибо в «Детстве» он изображал не только свою бабушку Акулину Ивановну, он создавал образ русской женщины. Поэтому стихотворные произведения в повести «Детство», выдержанные в духе народной словесности и приписанные бабушке, мы можем рассматривать как часть поэтического наследия Горького.

О том, насколько владел Горький былинной поэтической традицией, говорит, например, монолог Васьки Буслаева для задуманной им пьесы в стихах «Васька Буслаев». Образцом творческого освоения Горьким фольклора может служить «еретический» духовный стих-сказ вольнодумца-дьякона в книге «Жизнь Клима Самгина».

В стихотворении о Ваське Буслаеве Горький идейно переосмысляет былинный образ в духе основных вековых стремлений народа — творца, создателя всех и всяческих ценностей. Горький наградил Ваську идеей жизнестроительства: «Круг земли пошел бы, — говорит Васька, — да всю распахал, век бы ходил — города городил...».

Многие произведения Горького наполнены песенными стихами, в которых трудно установить, что именно сочинено Горьким, а что записано им от других лиц. Так, широко известная песня «Солнце всходит и заходит...» из пьесы «На дне» долгое время приписывалась Горькому, хотя, как это недавно установлено, она была известна до горьковской пьесы. Особенно распространены в произведениях Горького стихи раёшного склада, содержащие в себе то веселую шутку, то насмешку, то острую сатиру. Таковы, например, прибауточные стихи арестанта Зазубрины из рассказа того же названия, сатирические куплеты дьякона про барыню в рассказе «Бывшие люди», своего рода частушки — лирические двустишия Мальвы («Мальва»), шутливые и сатирические — Сережки (герой того же рассказа), балагурно-иронические стишки Драного жениха (в «Канне и Артеме») и т. д.

Горький не прекращал писать стихи до конца своей жизни. По всей вероятности, некоторые из своих стихотворений он включил в «Дело Артамоновых» и в «Жизнь Клима Самгина». И в 1920-е, и в 1930-е годы Горький писал лирические стихи и стихи-шутки, но только не для широкого читателя. Часть стихотворений Горького 1920—1930-х годов была опубликована лишь после его смерти и включена нами в настоящий сборник.

В советские годы Горький много внимания уделял поэзии как литературный критик и теоретик искусства. Это было связано с тем, что он вел огромную культурно-воспитательную работу среди молодых писателей. Велика была его работа с начинающими поэтами.

В это время Горький писал статьи, затрагивавшие принципиальные вопросы поэтического творчества, делясь своими впечатлениями о положении современной поэзии. Горький читал в большом количестве стихи начинающих поэтов, вступал с ними в переписку, выступал на собраниях литераторов с обсуждением проблем поэзии и т. д. Как известно, по инициативе Горького была организована «Библиотека поэта» — серийное издание, призванное, по замыслу его основателя, обобщать опыт русской и мировой поэтической культуры в ее историческом развитии.

Таким образом, на развитие советской поэзии Горький оказывал влияние и как поэт, и как теоретик поэтического творчества, как тонкий и великолепно эрудированный знаток этой области искусства. Естественно, что оба эти аспекта деятельности Горького были неразрывно связаны друг с другом. Когда в статье о «Библиотеке поэта» (1931) Горький писал, что «жизнь требует героической поэзии, поэзии углубления в смысл нарастающей трагедии», о том, что необходимо обновление поэзии другими темами, например, темой «борьбы коллективно организованного разума против стихийных сил природы и вообще против «стихийности» воспитания не классового, а всемирного Человека Человечества, творца «второй природы», создаваемой энергией его воли, разума, воображения»,¹ то нетрудно узнать в этих словах автора «Песни о Буревестнике» и поэмы «Человек». Когда Горький советовал поэту Д. Н. Семеновскому создать пафосный очерк, в котором «проза свободно и естественно перейдет в стихи»,² то в его словах опять-таки легко узнается автор «Песни о Соколе», новеллы «О малень-

¹ М. Горький. Собрание сочинений, т. 26, стр. 182.

² Д. М. Семеновский. А. М. Горький. Письма и встречи. М., 1938, стр. 100—101.

кой фее и молодом чабане» и других стихотворно-прозаических произведений.

Наставническая, воспитательная работа Горького с молодыми поэтами советской эпохи не была неожиданным явлением в его литературно-общественной биографии.

Исследование некоторых малоизученных и вовсе неизвестных материалов позволяет установить видную роль Горького в развитии революционно-демократической поэзии 1900-х годов. Некоторые явления этой поэзии находятся в русле тех традиций, которые послужили исходным пунктом в развитии советской поэзии.

II. ПОЭТЫ-«ЗНАНЬЕВЦЫ»

1

С деятельностью горьковского книгоиздательства — товарищества «Знание» (1901—1912) связана большая и светлая полоса жизни русской литературы первого десятилетия нашего века. Вокруг «Знания» были объединены многие лучшие писатели-реалисты той же эпохи: А. Чехов и А. Куприн, И. Бунин и Н. Гарин-Михайловский, В. Вересаев и А. Серафимович, Л. Андреев и другие.

В центре их высилась могучая фигура М. Горького, который за это десятилетие печатался почти исключительно в «Знании».

Лучшие образцы творчества «знаньевцев» публиковались в сборниках товарищества «Знание»,¹ что отмечал в письме к Горькому и В. И. Ленин,² который перед этим также весьма положительно отозвался о реалистической беллетристике в журнале «Жизнь», где вокруг Горького собралось ядро будущих «знаньевцев».³ Без организующей деятельности Горького все названные писатели-реалисты едва ли могли бы оказать такое значительное влияние на общественно-политическую жизнь, ибо они действовали бы порознь, их сочинения не могли быть изданы таким большим тиражом, каким они вышли в «Знании», да многие, возможно, и совсем не были бы изданы.

«Знаньевская» литература росла и формировалась в грозовой атмосфере первой русской революции; а расцвет «Знания» с закономерностью происходил в героические 1905—1907 годы. За это

¹ Всего с 1901 по 1912 г. было издано 40 сборников.

² В. И. Ленин. Сочинения, т. 34, стр. 380.

³ Там же, стр. 15.

время была издана половина (19) «знаньевских» сборников тиражом, иногда доходившим до 65 000 экземпляров (сборник № 3). На эти годы приходится и основная масса изданных «Знанием» собраний сочинений писателей-реалистов: Л. Андреева, И. Бунина, Д. Айзмана, Н. Гарина, С. Елеонского, С. Елпатьевского, А. Куприна, А. Серафимовича, Скитальца, С. Найденова, Н. Телешова и многих других.

В эпоху первой русской революции по-новому и со всей остротой встал вопрос об участии литературы в освободительном, революционном движении народных масс.

Горький был одним из тех немногих писателей, который раньше и сильнее других почувствовал и определил назначение литератора в это ответственное время: «работать в пользу родной страны и нового читателя ее»; а новым читателем на рубеже двух веков в глазах Горького был *трудящийся* человек, который «требует ответа на коренные вопросы жизни и духа, он хочет знать, где правда, где справедливость, где искать друзей, кто враг».¹

М. Горький — автор повестей «Фома Гордеев» и «Трое», пьесы «Мещане» и «Песни о Буревестнике» — близко, если не вплотную, подошел к великому принципу партийности литературы, сформулированному Лениным в знаменитой программной статье «Партийная организация и партийная литература» (1905), а в таких произведениях, как «Товарищ», «Враги», «Мать», пролетарский писатель с успехом реализовал этот принцип.

Конечно, «знаньевская» литература была далека от последовательно революционной идеологии, свойственной Горькому как великому пролетарскому художнику. Конечно, литературные силы «Знания» в массе своей были далеки от партийной литературы в ленинском понимании. Но в то же время общая демократическая направленность творчества писателей-«знаньевцев» объективно сыграла большую прогрессивную и даже революционную роль. Это великолепно понимал Горький. По свидетельству А. С. Серафимовича, Горький следующим образом определил задачу «знаньевской» литературы: «Революция созревает, рабочий класс все более и более революционизируется, и в этой атмосфере даже легальная (и потому охватывающая широкие массы), но честная литература сыграет большую мобилизующую роль».²

Демократизм, гуманизм, реализм — на этой основе происходи-

¹ «Нижегородский листок», 1899, № 329, 30 ноября.

² А. Серафимович. Собрание сочинений, т. 10. М., 1948, стр. 423.

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Слб., Невскій, 92).

ІХ.

СБОРНИКЪ

ТОВАРИЩЕСТВА „ЗНАНІЕ“ ЗА 1906 ГОДЪ.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

М. Горькій. Варвары.
Ив. Бунинъ. Стихотворенія.
Н. Телешовъ. Надзиратель.
А. Серафимовичъ. Среди ночи.
А. Серафимовичъ. Похоронный маршъ
Л. Сулержицкій. Путь.
Скиталець. Стихотворенія.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1906.

ла консолидация литературных сил в «Знании», и потому «знаниевская» литература была не только эхом, отражавшим мысли, настроения народных масс, их чаяния, но и одним из факторов, содействовавших развитию передового общественного движения.

Вот что писал о «знаниевских» сборниках А. С. Серафимович: «Они стали выходить, когда революционные настроения закипали все больше и больше. Сборники «Знания» помогали подыматься этим настроениям. Помещаемые в них художественные произведения, конечно, не были революционными в прямом значении этого слова, да это и невозможно было при тогдашней цензуре.

Но таково удивительное действие внутренне честной, правдивой художественной вещи, что она, не призывая прямо к революции, прокладывает к ней широкую дорогу в сердцах, в чувствах людей». ¹

Накануне 1905 года многочисленные декадентские объединения (кружки, общества), редакции журналов («Новый путь», «Весы»), издательства («Скорпион», «Гриф») перешли в открытое наступление на революционные традиции. Один из видных декадентских критиков, Д. Философов, выступая против демократической литературы, цинично заявлял: «В данное время имеет значение, в культурно-историческом смысле главным образом, эта борьба «декадентов» с „босяками”». ²

По замыслу Горького, «Знание» должно было организовать идейный отпор воинствующей декадентско-символистской и прочей реакционной литературе. И оно действительно успешно осуществляло эту важную историческую задачу.

2

В начале 1900-х годов обстановка для развития прогрессивной реалистической поэзии была весьма сложной и трудной. Если в художественной прозе и количественно и качественно главенствовали реалисты, то в области поэзии на первый план выдвинулись символисты и другие декадентские писатели. Среди символистов были многие талантливые поэты и такие выдающиеся, как А. Блок, В. Брюсов. Нельзя было не считаться с влиянием этой модной поэзии, во многих образцах своих отличавшейся высокой культурой и мастерством формы. Декадентско-символистские поэ-

¹ А. Серафимович. Собрание сочинений, т. 10. М., 1948, стр. 423—424.

² «Новый путь», 1904, № 1, стр. 244.

тические круги вовлекали в сферу своего влияния талантливых художников-реалистов. А это было тем более опасно, что к началу XX века в истории развития реалистической поэзии образовалась пауза. Собственно говоря, в ту пору реализм в поэзии представлял лишь молодой, еще не окрепший талант И. Бунина. И он в начале нового века начал поддаваться влиянию модернизма.

Принципиальность Горького в проведении «знаньевской» литературной политики особенно проявилась в области поэзии. казалось, ввиду малочисленности поэтов-реалистов, к участию в «Знании» можно было бы привлечь кое-кого из видных символистов, тем более что в творчестве некоторых из них под влиянием революционных событий наметились определенные сдвиги. Сочувственные отклики на революцию 1905 года содержались, например, в стихотворениях «Каменщик» Брюсова, «Митинг» Блока, «Кузнец» Бальмонта. Однако Горький не соблазнился ни крупными именами, ни «революционностью» символистов и не приглашал их сотрудничать в изданиях «Знания». Правда, в начале 1900-х годов он выделил из их рядов Брюсова и Бальмонта, вступил с ними в переписку и, видимо, пытался как-то склонить их на свою сторону. «Настраиваю его <Бальмонта> на демократический лад», — писал он в ноябре 1901 года.¹ В серии «Дешевая библиотека „Знания“» Горький издал книжку стихов Бальмонта, которая была конфискована цензурой. Но после 1906 года Бальмонт не оправдал сколько-нибудь надежд Горького, и последний свои попытки к сотрудничеству с талантливым поэтом прекратил.

При первом же знакомстве с Брюсовым Горький нашел в нем «что-то крепкое, твердое».² Позднее (в 1915—1917 годах) осуществилось тесное сотрудничество В. Брюсова с Горьким. Но к тому времени В. Брюсов был уже далеко не тот, что в начале века. В «знаньевский» же период Горький не считал возможным публиковать в своем издании ни Брюсова, ни Блока, ни других символистов. Только в одном из последних сборников (в 38-м), когда «Знание» уже угасло, появились два стихотворения А. Блока: «Осень» и «Усталость». Напечатаны они были без ведома Горького К. П. Пятницким, компаньоном Горького по книгоиздательству «Знание», ближайшим его помощником.

Уже в 1908 году начал выявляться идейный отход К. П. Пятницкого от Горького. Все попытки последнего удержать своего компаньона по издательству на боевых демократических позициях

¹ М. Горький. Собрание сочинений, т. 28, стр. 199.

² Там же.

успеха не имели. При возникших разногласиях Горькому, находившемуся за тысячи верст от Петербурга, все труднее становилось выдерживать в «Знании» принципиальную линию. Постепенно его интерес к своему издательству начал ослабевать, все меньше он стал вмешиваться в его работу. Таково было положение дел в «Знании» в 1911 году.

Вот что Горький писал Л. Андрееву, когда тот упрекал своего бывшего друга в непоследовательности «знаньевской» линии: «Блока печатают Пятницкий и Миролюбов, а я, как и раньше, не вижу в этом нужды, но и мешать этому не хочу, ибо мое отношение к «Знанию» изменилось.¹

Между тем Пятницкий все более и более нарушал горьковскую программу в «Знании». Этим и объясняется появление в последних знаньевских сборниках отдельных низкопробных повестей, даже под стать произведениям Винниченко или Арцыбашева («Париж» Н. Каржанского), упадочных, натуралистических стихотворений Германа Лазариса.

Следовательно, «знаньевской» поэзией следует считать стихотворные произведения, публиковавшиеся «Знанием» в течение первого десятилетия XX века.

Поэзия в «Знании» в основном представлена шестью именами: И. Бунина, Скитальца, А. Черемнова, Е. Тарасова, И. Воронова, А. Лукьянова. Только первые три поэта опубликовали достаточно стихотворений, чтобы по ним можно было судить о творческой индивидуальности их авторов; поэтическая продукция остальных ограничилась в «Знании» несколькими стихотворениями.

В сравнении с прозой поэзия «Знания» количественно очень бедна. И тем не менее намерение Горького — выдерживать принципиальную линию и в области поэзии была правильной. «Знание» давало читателю образцы в основном гражданской, революционной поэзии, что было очень важным и нужным и в годы революционного подъема, и в годы наступившей реакции. Такая цельная, здоровая поэзия могла быть хорошей школой для рабочих поэтов и подготовительной ступенью к пролетарской, социалистической поэзии.

Неоправданным отступлением Горького от принципов «знаньевской» литературы на первый взгляд может показаться активное участие в сборниках «Знания» такого аполитичного в своих стихах поэта, как И. А. Бунин. Характерно, что у самого Горького в первые годы сотрудничества Бунина в «Знании» возникал вопрос:

¹ М. Горький. Собрание сочинений, т. 29, стр. 235.

целесообразна ли публикация его индифферентных стихов. «Я все думаю, — писал Горький К. П. Пятницкому в ноябре 1901 года, — следует ли «Знанию» ставить свою марку на произведениях индифферентных людей».¹ В следующем году в одном из писем к Пятницкому Горький даже иронически отзывался о бунинских стихотворениях того времени: «Стихи хорошие, вроде конфет от Флея или Абрикосова».²

Однако Горький, как руководитель «Знания», в проведении своей литературной политики был принципиален до конца. «Жизнь требует света, ясности, — писал он еще в 1896 году, — и нимало не нуждается в туманных и некрасивых картинах и в нервно-болезненных стихах, лишенных всякого социалистического значения и неизмеримо далеких от истинного искусства».³ Этим убеждением Горький, несомненно, руководствовался и впоследствии в отношении к стихам Бунина. Печатая их в «Знании» в эпоху революции и в годы реакции, Горький, стало быть, не отступал от «знаньевской» линии в литературе.

В лице Бунина русская поэзия в те годы имела крупного поэта-реалиста, продолжателя традиций классической русской поэзии. Привлечь на свою сторону такого поэта в годы реакции, когда в русской поэзии широкое развитие получили модернистские течения с их изысканной манерностью, значило получить сильное оружие против упадочной поэзии.

Кстати говоря, в годы революционного подъема стихи Бунина не были лишены прогрессивных общественных мотивов, а с другой стороны, в жанрах интимной, созерцательно-психологической лирики, замечательным мастером которых был Бунин, выступали и другие «знаньевцы», в особенности А. Черемнов. Таким образом, между боевой, гражданской лирикой «знаньевцев» и лирикой Бунина не было большого разрыва.

«Знаньевская поэзия» отчетливо делится на два периода: период нарастания революции (1901—1906 годы) и период реакции (1907—1910 годы). Первый период наиболее поэтически продуктивен. В эти годы «Знание» публикует в сборниках и отдельными изданиями основную массу стихотворений Скитальца, И. Бунина, А. Лукьянова, Е. Тарасова; на эти годы падает большинство переводных стихотворений. В период реакции поэзия в «знаньевских» сборниках представлена была в основном стихами И. Бунина, А. Черемнова и И. Воронова.

¹ М. Горький. Собрание сочинений, т. 28, стр. 53.

² «Архив А. М. Горького», т. 4. М., 1954, стр. 92.

³ М. Горький. Собрание сочинений, т. 23, стр. 182.

Несмотря на свой глубокий демократизм, несмотря на свою искреннюю веру в революционное движение, все поэты-«знаньевцы», в отличие от Горького, не смогли утвердиться на последовательно революционной точке зрения. Общественное движение эпохи первой русской революции они воспринимали с абстрактно-демократических позиций. Этим отчасти объясняется отвлеченно-аллегорический характер гражданской поэзии «знаньевцев», отразивший расплывчатость, неопределенность их общественных идеалов. Правда, замечательные песни Горького о Соколе и Буревестнике тоже были аллегорическими произведениями. Но они были созданы на рубеже 1900-х годов, то есть в период перехода Горького с общедемократических позиций на позиции революционного пролетариата, когда перспективы начавшегося революционного движения были еще не вполне ясны.

В «знаньевской» поэзии уже в первый ее период определились характерные черты, обусловленные эпохой. Четко обозначились основные виды агитационно-публицистической лирики: стихотворный гимн или ода в честь революционных масс, сражающихся с брагом, агитационная песня, сатирические стихи. Для агитационно-пропагандистской поэзии «знаньевцев» характерным стал торжественный, взволнованный ораторский стиль, обильно насыщенный риторическими фигурами — вопросами, восклицаниями, страстными, эмоциональными выражениями. Распространенными стали библейские и мифологические образы-аллегии, а также образы стихийных сил природы, символизирующие революционное движение: *море, волны, буря, заря* и т. д. Аллегорические образы Кузнеца и Витязя, которые позднее вошли в рабочую и демократическую поэзию, символизировали революционную силу пролетариата.

Утверждая эти особенности агитационной политической лирики, «знаньевцы» были в ней наследниками традиций демократической поэзии прошлого: Пушкина, декабристов, мятежной, бунтарской лирики Лермонтова, гражданской музыки Некрасова и поэтов-демократов 1860—1870-х годов. Но особенно действенна была традиция их современника и руководителя Горького-поэта, автора песен о Соколе и Буревестнике.

8

Наиболее ярко характерные черты «знаньевской» поэзии обозначились в стихах Скитальца (С. Г. Петрова), который раньше и сильнее прочих поэтов «Знания» выразил подъем демократических настроений в годы приближения революции.

Скиталец как поэт своей известностью в значительной мере был обязан Горькому, который воспитывал его и политически, и литературно. Без него малоизвестный фельетонист «Самарской газеты» едва ли вошел бы в большую литературу. По настоянию Горького стихотворения Скитальца были опубликованы в весьма популярном тогда «Журнале для всех», он содействовал напечатанию стихотворений начинающего литератора в самом передовом и популярном для той поры журнале «Жизнь», а затем прочно обосновал своего воспитанника в «Знании». Горький пропагандировал Скитальца в литературных кругах — в письмах к Н. Телешову, В. Поссе и другим литераторам; характеризуя стихи поэта, он просил обратить на них внимание.

Горький необычайно много и упорно работал со Скитальцем, которому очень не хватало культуры в широком смысле и литературной грамотности в частности. Горький, можно сказать, направлял своей рукой руку Скитальца. Он правил почти каждое стихотворение, каждый рассказ писателя, отредактировал первый том сочинений Скитальца («Рассказы и песни»), изданный «Знанием» в 1902 году.

Для Скитальца Горький был не только учителем и помощником, но и «единственным другом из литераторов». «Он один своей лаской и советом ободрил и заставил меня верить в себя...», — писал Скиталец В. С. Миролюбову, редактору «Журнала для всех». ¹ В одном из лучших своих стихотворений — «Посвящение» (1901) Скиталец нарисовал образ Горького и трогательно рассказал, как Горький спас его, сделал человеком, поэтом. Горькому и посвятил Скиталец свое революционное поэтическое творчество.

Выходец из народа, прошедший горьковские «университеты жизни», Скиталец импонировал Горькому демократичностью своих воззрений, смелым критическим отношением к старому миру, гражданским пафосом, боевым тоном своего поэтического голоса.

Горький упрекал Е. Соловьева-Андреевича в забвении в книге «Философия русской литературы» Скитальца: «Несправедливо, пожалуй, обойден Вами Скиталец, заявивший голосом раба, жаждущего свободы: «Я хочу веселья, радостного пенья...» Стихи характерные, как голос тысяч людей, все громче взывающих: „Я хочу свободы... Потому что жил я скованным рабом!“» ²

¹ Архив Института русской литературы Академии наук СССР (Ленинград).

² Архив А. М. Горького.

По словам Скитальца, Горький призывал его быть в литературе «криком снизу, из глубины... из вулкана, на котором они <враги народа> так легкомысленно танцуют». ¹ Таким голосом, грубым, суровым, но зовущим на борьбу, и были ранние стихотворения Скитальца: «Колокол», «Гусляр», «Кузнец» и другие.

Стихи Скитальца определенно говорили о влиянии на его поэтическое творчество таких горьковских произведений, как «Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике».

Так, стихотворение «Я упал с облаков...» (1902) варьировало мотив горьковской «Песни о Соколе».

Но не жаль мне, что к солнцу я гордо стремился,
Что на крыльях орлиных недолго парил:
Пусть о твердые скалы я грудь разбился...
Только миг — но я жил!

В стихотворениях Скитальца 1900—1902 годов было много условного, аллегорического. В это время в поэзии Скитальца наиболее распространенными были образы моря, волн, бури, орла, и все они ясно выразили предчувствие надвигающейся революции, были призывом к ней. О народной революции, о грядущей народной мести в стихах Скитальца говорили фольклорные мотивы: легендарные повествования о Разине и волжских разбойниках — Чуркине и Ширяе («Волжские легенды», 1898).

В 1900—1902 годы Скиталец писал и стихи интимно-лирического характера — о любви, природе. Эти стихотворения в массе своей изобиловали шаблонными приемами и стертыми мотивами. Только отдельные стихотворения этого типа удались поэту. Они-то и завоевали популярность, как, например, довольно известное стихотворение «Колокольчики-бубенчики звенят...», в котором интимная тема была насыщена мотивами неумейной жажды свободы и борьбы.

По мере приближения к революционному пятому году интимные темы в стихах Скитальца начинают убывать, и поэзия его становится исключительно политической. Аллегорические образы 1900—1902 годов сменяются в стихах Скитальца 1904—1905 годов другими, более конкретными, но тоже инносказательными. Это *узник*, видящий светлый сон — зарю, предвестницу солнца; пурпурный *парус*,двигающийся по волнам в светлую даль («Мы плыли с тобою навстречу заре...»); *отшельник*, бежавший от злобных лю-

¹ М. Горький на родине. Горький, 1937, стр. 136.

дей в пустыню, а потом ставший грозным борцом; *мессия* — спаситель народа от рабства; *витязь* во главе храбрых, вырывающий у смерти несчастный народ. В этих образах более отчетливо выступает революционная действительность. В стихотворении «Тихо стало кругом...» Скиталец непосредственно откликнулся на поражение Московского восстания. Это событие не повергло поэта в безысходный пессимизм. Напротив, он полон предчувствий новых битв. В стихотворении сказано: «победитель усталый», а «побежденные точат мечи». Весьма примечательно, что образами этого стихотворения в брошюре «Победа кадетов и задачи рабочей партии» (1906) воспользовался В. И. Ленин.

Стихотворения Скитальца этих лет более совершенны и в художественном отношении. В них меньше крикливой риторики, больше живописности. Вот, к примеру, картина ночи в стихотворении «Валькирии», иносказательно изображающая поражение революционеров:

Тогда из-за туч темно-синих,
Рыдая, луна проглянула
И мост серебристый спустила
С небес на безмолвное поле.

Примечательно одно из лучших стихотворений Скитальца — «Памяти Чехова», изображающее великого писателя как борца за свободу:

И, оставляя мир, он звал тебя, свобода!
Последний вздох его уже звучал тобой;
Он чувствовал, что даль таит лучи восхода,
А ночь еще сильна и давит край родной.

Стихотворение заканчивалось призывом к революции: «Приди, торжественный, давно желанный день!»

Стихотворение «Четверо» — своего рода реквием революции — одно из наиболее художественно совершенных у Скитальца. Это опыт революционной баллады, в которой просто и в то же время с большим внутренним драматизмом рассказано о поражении героев-революционеров.

«Четверо» и «На Волге» — последние стихотворения Скитальца в сборниках «Знание». Вскоре наступил его полный разрыв с Горьким. Основная причина этого заключалась в том, что революцию 1905 года Скиталец воспринимал с абстрактно-демократических, в

конечном счете мелкобуржуазных позиций: недаром так сильны были в его стихах мотивы стихийности. Поражение революционного движения оттолкнуло Скитальца от Горького, от «Знания». Оскудела и его поэтическая деятельность. Несколько стихотворений, написанных им позднее, ничего существенного не прибавляют к его поэтическому наследию 1900—1906 годов.

Поэзия Скитальца, несомненно, внесла свой скромный вклад в развитие нашей отечественной гражданской поэзии. Характерные черты излюбленного ораторского жанра Скитальца отозвались в творчестве пролетарских поэтов. Так, созданный поэтом образ Кузнеца, олицетворяющий революционный пролетариат, вошел в стихи рабочих поэтов («Песня кузнеца» И. Привалова, «Мы — кузнецы» Ф. Шкулева и т. д.).

Идя от народовольческой поэзии, от традиций революционно-демократической поэзии 1860-х годов, испытывая сильное влияние Горького, Скиталец создал свою агитационно-политическую лирику, лирику ораторского, трибунного характера. «Стих груб, но настроение — ценное»¹ — эту горьковскую оценку ранних стихотворений Скитальца можно распространить и на многие другие, написанные позже. Говоря о грубости стиха Скитальца, Горький имел в виду не их энергическую суровость и жесткость, которые сопряжены были с витийственным, трибунным характером политической лирики поэта. Горький, конечно, обозначал этим словом художественное несовершенство, а иногда и примитивность Скитальца в словесном искусстве.

Надо полагать, что крупные художественные недостатки его стихотворений в те бурные годы воспринимались с меньшей остротой. Вероятно, их затмевало боевое, бунтарское настроение поэта.

Скиталец очень удачно схватывал и передавал революционное настроение эпохи, общедемократический пафос. Его стихи весьма импонировали молодому, революционно настроенному поколению страстностью протеста, силой негодования, эмоциональной динамичностью. Чтение стихотворений Скитальца с эстрады, да еще самим автором, производило в те годы подлинную общественную бурю.² В широких демократических кругах Скиталец был самым популярным поэтом, а его стихотворение «Колокольчики, бубенчики звенят...» распевалось демократической молодежью даже в 1910-х годах.

¹ М. Горький. Собрание сочинений, т. 28, стр. 145.

² См. об этом: Н. Телешов. Записки писателя. М., 1948, стр. 46—47.

Героическими событиями революции 1905—1907 годов были вызваны и другие явления в «знаньевской» поэзии. В 1906 году в сборниках публикуются гражданские стихи А. Лукьянова и Е. Тарасова.

А. Лукьянов пришел в «Знание», имея значительный литературный опыт. Он начал писать стихи еще в 1890-е годы, публикуя их в журнале «Мир божий» и в других изданиях. Это были стихи о любви и природе, из которых Лукьянов впоследствии составил цикл «Сны юности», поместив его в своем сборнике стихотворений, вышедшем в 1908 году.

В ранних стихах поэта отчетливо прослеживается традиция фетовской лирики. На короткий срок в 1890-е годы Лукьянов сближается с неоромантиками, ранними символистами, симпатизирует религиозно-мистической поэзии Владимира Соловьева.

В начале 1900-х годов в творчестве Лукьянова происходит перелом. Вслед за декларативным стихотворением «О, если б колокол раздался в тишине...», полным предчувствий надвигающейся бури, Лукьянов пишет более отчетливое программное стихотворение — «Поэту», основной мотив которого: «Пой только о жизни свободной».

Существенно меняется и интимная лирика поэта. Если прежде пейзажно-любовная лирика отражала чувства и мысли человека, лишенного связей с большим внешним миром, то теперь в интимных темах отчетливо проступает другой мир — мир общественный, властно призывающий к борьбе за свободу («Песня звонкая слышится снова...», «Угрюма старая сосна...»).

Постепенно образы пейзажной лирики Лукьянова приобретают символический характер.

Образы бурного моря, грозы, урагана в его стихах, как и в стихотворениях Горького и Скитальца, символизировали революционное движение.

На революцию 1905—1907 годов Лукьянов отозвался многими стихотворениями: «Рабочему», «Из песен о свободе», «И жизнь и смерть слились в глухой борьбе...», «Меч врагов» и другие. По своему жанру и художественным особенностям эти стихотворения А. Лукьянова близки к стихам Скитальца: в них тот же боевой, ораторский пафос, те же призывные, резкие слова: «горящие сердца», «кровавый венец», «обагренная плаха».

Стихотворения Лукьянова «Меч врагов», «Страдалица страна», «Кровь... трупы... порвавшийся стон...» стоят в одном ряду со

стихотворением Скитальца «Струны порваны...», в них говорится о народном восстании и его разгроме. Говоря о поражении восставших, Лукьянов заявляет: «Там головы пали, но дух победил!», и потому победители полны «мертвящего, жуткого страха». Чувствуется, что в восприятии Лукьяновым событий 1905 года он приближался к пониманию главной, ведущей силы в революции, что такой силой в его глазах был пролетариат. Об этом свидетельствуют, кроме перечисленных, и другие стихотворения: «Рабочему», «Кузнец» (По Верхарну).

Лукьянов как «знаниевский» поэт был и незаурядным переводчиком. Кстати говоря, произведения зарубежных поэтов, публиковавшихся в сборниках «Знания» в переводе на русский язык («Громче ударь, барабан...» У. Уитмена, «Гимн гарибальдийцев» Л. Меркантини, поэма Г. Даниловского «На острове» и другие), свидетельствуют об общей ориентации поэтов «Знания» на гражданскую, обличительную, насыщенную революционными мотивами поэзию за рубежом и об использовании ими ее опыта. В этом отношении характерны переводные стихотворения Лукьянова. Он перевел революционные стихотворения «Восстание» Э. Верхарна и «Рудокопы» Марио Раприсарди, которые были опубликованы в годы революции в сборниках «Знания». К удачным опытам Лукьянова-переводчика следует отнести его переводы стихов выдающегося еврейского поэта Х. Бялика, которого так высоко ценил Горький, и польских поэтов А. Асныка и К. Тетмайера.

Е. Тарасов пришел в «Знание» тоже сложившимся поэтом. В 1906 году вышел сборник его стихотворений, включавших произведения, написанные в 1903—1905 годах.¹ Они отражали биографию поэта-революционера и его современников — борцов с самодержавием. Стихотворения первых двух разделов книжки — «Из-под замка», «Изгнание» — раскрывали духовный мир революционера-интеллигента, находящегося в тюрьме и в ссылке. Эти стихи правдиво говорили о мужестве революционеров, вступивших в смертный бой с царизмом, о их благородном самоотвержении, о товарищеской солидарности («Тени», «Стуки», «Грезы», «Один из многих») и о минутах скорби, душевных муках, страданиях («Долгие дни», «Намеки», «Твои цветы», «В склепе»). Третий, последний, раздел книжки, озаглавленный «Город», содержал стихотворения, написанные под впечатлением событий 1905 года, в основном революционных битв, участником которых был поэт. В них уже нет места ноткам индивидуализма, пессимизма, характерным

¹ Е в г. Т а р а с о в. Стихи. 1903—1905. СПб., 1906.

для некоторых стихотворений 1903—1904 годов. Лирический герой стихов 1905 года слил свою судьбу с восставшим народом, говорит от его имени («Ты говоришь, что мы устали...»), героем стихотворений этого времени становится борющаяся народная масса («Руки прочь...», «Дерзости — слава!», «Смолкли залпы запоздалые...»).

В стихах Тарасова сказалось влияние символистской поэзии К. Бальмонта. Временами увлечение Тарасова эффектными приемами символистской поэтической школы приводило к противоречиям между формой и содержанием, лишало его стихи политической действенности. Таковы в сборнике стихотворения «Тени», «Звездам», «Если скажут...» Диссонанс между формой и содержанием особенно ощутим в стихотворении «Крепость»; изображаемой в нем глубоко драматической ситуации совершенно не соответствует игривая, типично бальмонтская, ритмико-мелодическая структура.

В стихах Тарасова, опубликованных в 1906 году в сборниках «Знания», рисовались картины разгрома революционного движения. В своих стихотворениях Тарасов с болью и возмущением говорит об ужасах тюрьмы, чудовищных зверствах, истязаниях, надругательствах. Среди них особенно выделяется стихотворение «Черный суд», повествующее о жестокой расправе с революционеркой.

В отличие от стихов Скитальца и Лукьянова, поэзия Тарасова почти совершенно лишена аллегорий и иносказаний. Она психологичнее, богаче разнообразными и тонкими настроениями.

В годы реакции Тарасов постепенно отходит от недавних боевых гражданских тем, а затем и вовсе прекращает свою поэтическую деятельность. Из лучших стихотворений Тарасова, написанных в 1907—1908 годы и идейно еще связанных с его поэзией революционной поры, надо выделить «К революции» и «Недосказанную поэму».

5

После поражения революции начался отход от «Знания», от Горького, от реализма многих писателей — Л. Андреева, Д. Айзмана, Е. Чирикова, С. Юшкевича и других. С наступлением реакции перестали печататься в «Знании» Скиталец, А. Лукьянов, Е. Тарасов. Вскоре они и совсем замолчали как поэты. На смену им в «Знание» пришли два новых поэта-демократа — А. Черемнов и И. Воронов. Они продолжали революционную традицию «знаниевской поэзии» 1904—1906 годов.

Черемнов и Воронов одними из первых смело и громко, насколько это было возможно в условиях цензурного террора, за-

явили о неизбежности и близости нового революционного подъема. В 1910 году поэты создают образы, символизирующие мощь и крепость пролетариата. Это Витязь Воронова и Кузнец Черемнова в стихотворениях «Витязи» и «Кузнец». Оба стихотворения написаны одновременно и опубликованы в 32-м сборнике «Знание». Характерно еще одно совпадение: интеллигентской мягкотелости и разочарованности в революционной борьбе поэты противопоставляют спокойную и твердую уверенность рабочего в близости и реальности освобождения.

В стихотворении Воронова, балладе со сказочным сюжетом из рыцарских времен, рассказывается, как в башне под замком у палачей томится княжна (родина — Россия); двое витязей (старый и молодой), которых молит княжна, бессильны ее освободить, освобождает третий; в нем без труда опознается рабочий:

Без меча он и кольчуги,
С непокрытой головой,
Но в руке его могучей
Тяжкий молот боевой.

У Черемнова нарисован кузнец у горна. В его изображении кузнец — это обобщенный образ пролетариата:

Сосед-кузнец могуч и молод,
И грудь на зависть широка...
...Всегда в труде, угрюм и черен,
А голос звучен, как труба,
А взгляд открыт и непокорен,
А речь правдива и груба.

Рассказчик-интеллигент сообщает о поражении в бою. Он устал и разочарован:

Всему конец! Напрасна трата
Трудов, и доблести, и сил!

К такому мрачному выводу приходит недавний революционер. Но раздающиеся удары молота по стали снова вселяют в него веру в освободительную борьбу. Стихотворение заканчивается гимном рабочему классу.

О неизбежности новой революции поэты говорили и в других стихах. Черемнов, в частности, писал об этом в обличительном стихотворении «Пировать в горящем доме...»

Революционный оптимизм Черемнов и Воронов сохраняли и в самые мрачные дни реакции. Горький придавал большое значение деятельности этих поэтов.

В 1910 году, в ответ на просьбу редактора-издателя «Современника» Амфитеатрова назвать наиболее ценных сотрудников среди поэтов, Горький выделил Черемнова и Воронова.

За социально здоровое настроение, за гражданский пафос ценил М. Горький стихи И. Воронова, поэта, не блещущего талантом, но искреннего, горячо любившего свой народ. «Мне они очень нравятся и бодрым тоном, и хорошей умной улыбкой...» — писал Горький Воронову в январе 1910 года о его стихах, которые печатались в «Знании». На позиции поэта-гражданина, поэта-борца стремился он укрепить Воронова. «Желаю Вам вдохновения, твердости духа, — писал Горький, — хорошего смеха, горячих слез. И — главное — мучительной любви к несчастной родине нашей! Да исторгнет она из сердца Вашего слова кровавые, речи огненные и — добрый, любовный смех вместе с тем...»¹

В большинстве своих стихов, опубликованных в «Знании», Воронов продолжал развивать мотивы произведений замолчавшего Е. Тарасова. Но стихотворения Воронова отличаются большим оптимизмом, хотя и были написаны в глухую, мрачную пору.

Воронов с большой эмоциональной силой передал лихолетье в жизни борцов за свободу — тяжкое томление за тюремной решеткой, дикие, зверские расправы тюремщиков. Вслед за Е. Тарасовым Воронов строит некоторые свои стихотворения на контрастах: чудесная природа — и страшная тюрьма. Весенним днем девушка прильнула к решетке окна своей камеры, где она была расстреляна:

Светлые весенние денечки!
Праздник мира, света и любви!
Только там, под сводом одиночки,
Теплый труп купается в крови.

В содержании, в идейных мотивах стихотворений этого тематического цикла закономерны неоднократные переключки с повестью М. Горького «Мать». Описанная в стихотворении «Обыск» ситуация напоминает известный эпизод горьковской повести, в котором рассказывается, как сторожа грубо обыскивали рабочих при входе на фабричный двор и как один из молодых рабочих крикнул: «Вы, черти, в голове ищите, а не в кармане!»

¹ М. Горький. Собрание сочинений, т. 29, стр. 108—109.

Вероятно, под влиянием горьковской повести написано стихотворение «Мать» с остро драматической ситуацией. Сын приговорен к смертной казни. Мать думает о последней встрече с ним, о том, чтобы своим горем, слезами не взволновать его перед смертью. Великий трагизм души русской матери, героизм ее духа поэт передал простыми и потому вдохновенно сильными стихами:

О нет! она его не станет обнимать;
Поддержит мужество борца и гражданина...
Сумеет всё она, истерзанная мать,
Обнять не смеющая сына!

Интересны стихотворения Воронова на мотивы английских поэтов Джонса («Свобода») и Карпентера («Слесарь»). Сохраняя в них мотивы оригиналов, Воронов придает этим стихам злободневно русское звучание.

Стихотворениям Воронова о природе также свойственна революционная символика с очень отчетливым социальным звучанием:

Пойте ж, волны! Буря, пой же!
О, расти, напев мятежный!
Загремит напев такой же
И по всей стране прибрежной...

...И поднимутся высоко
Волны праведного гнева...

...Пощатнутся и застонут
Жизни мрачные утесы...

Пронизанная волнующими социально-гуманистическими мотивами пейзажная лирика Воронова хорошо передавала душевное состояние борцов за свободу в мрачные годы реакции.

6

А. С. Черемнов — поэт более широкого диапазона, чем другие поэты-«знаниевцы». Впервые в «Знании» он выступил на закате революции, в 1907 году. С эпохой первой революции совпадает начальный этап творчества Черемнова. Но уже в ту пору проявилось своеобразие талантливого поэта — лирика-романтика и сатирика. В годы революции Черемнов создал замечательную револю-

ционно-романтическую поэму «Красный корабль» и много сатирических произведений.

Среди основных явлений «знаньевской» поэзии, отразивших героическую борьбу народа в 1905 году, «Красный корабль» должен занять место в первом ее ряду.

Романтическая поэма Черемнова представляет большой интерес с точки зрения ее жанрового своеобразия. Это не обычная поэма, а поэма-мистерия.

Возрождение в поэзии 1900-х годов этого жанра, по всей вероятности, объясняется потребностью осмыслить в поэтической форме колоссальные и не вполне ясные исторические перемены, вызванные революцией. Поэма Черемнова явно создавалась с учетом прежде всего классических образцов мистерийных поэм типа байроновских «Каина» и «Неба и земли». Кстати сказать, оба названных произведения в 1903 году были опубликованы на русском языке в переводе И. А. Бунина.

В поэме «Красный корабль» действие протекает как бы в космическом пространстве. Среди действующих лиц выступают мифологические персонажи. Движение корабля позволяет постоянно менять панораму мира, разоблачать тайны его бытия. При этом таинственные, фантастические явления в ходе повествования получают вполне реальное истолкование благодаря намекам на современность.

Несмотря на условность и отвлеченность образов, в поэме Черемнова отражены основные события революционной эпохи: борьба и поражение восставших, черносотенный террор, чудовищные зверства царизма и в то же время неуклонное движение вперед революционной массы, объявившей войну насилию. Примечательно, что кормчим корабля является вдохновенный певец, стало быть поэт, величавый бард, которого рассказчик, тоже поэт, называет «учителем». Так Черемнов осмысляет роль писателя-художника как воина, борца в грозные дни великой человеческой драмы.

Красный корабль — это символ революции, самоотверженной борьбы народа с заклятым вековым врагом, зловещим хищником — двуглавым орлом, олицетворявшим самодержавную власть.

Двуглавый орел в передовой, демократической поэзии не раз служил средством гневного обличения царизма (например, стихотворение «Двуглавый орел», приписываемое В. С. Курочкину). Обратился к этому средству и Черемнов и, опираясь на фольклор, решил художественную задачу весьма оригинально. Его орел — чудовище, отвратительное, отталкивающее, «уродливое чудо»:

Огромная чернела голова
На длинной шее, точно у верблюда,
И с клёкотом другая поднялась
Еще страшней — с огнистыми глазами...
И свет померк, как будто за крылами
Чудовища незримо ночь неслась.

Мрачным силам в поэме противопоставлен главный герой произведения — не бунтарь-одиночка, а коллектив, сильный единством своих устремлений. Его девиз: «из всех даров вселенной мы взяли злобу, ненависть и месть» — является лейтмотивом поэмы, который созвучен революционному стихотворению Г. Кржижановского «Вихри враждебные...», ставшему песней пролетарских борцов.

М. Горький высоко оценил поэму Черемнова. «„Красный корабль“, думается мне, — писал Горький автору, — должен дать сильное впечатление читателю-демократу — лучшему читателю наших дней. Мне Ваша поэма нравится, я искренне рад, что Вы написали ее так сильно, ярко, благородным стихом».¹ Но поэма не была опубликована «Знанием»: публикация ее неизбежно вызвала бы конфискацию всего сборника.

По той же причине не было опубликовано и большинство стихотворных сатир Черемнова. В портфеле редакции «Знания» накопилось за 1905—1906 годы немало сатирических произведений талантливого поэта: басни, притчи, гимны, памфлеты, оды. В них поэт показал себя незаурядным мастером сатирического жанра. Используя, например, архаичные стихотворные жанры (ода, гимн) в целях сатиры, Черемнов удачно применяет стилизацию под казенные торжественные стихи XVIII века. Такова, например, «Ода на пришествие зимы». Под зимой подразумевалась реакция. Прославление зимы-реакции вложено в уста угодливого приспешника самодержавия, бездарного и продажного пиита. Этот сатирический прием давал Черемнову возможность при изобличении всех позорных и преступных деяний черносотенной царской власти, оттенить, может быть, самое гиблое для дома Романовых: то, что прогнившую систему поддерживает лишь самое гнилое, гнусное, рептильное; в литературе, например, такие «гении», как черносотенные журналисты Меньшиков и Суворин. Следует, однако, заметить, что многие из сатир Черемнова не были опубликованы «Знанием» по другой причине. Горький считал их полезными, но полагал, что по своему характеру они более подходят для газеты. Таковы стихотворные

¹ М. Горький. Собрание сочинений, т. 29, стр. 10.

памфлеты «Из галереи современных портретов», «Иуда» (против Меньшикова) или «Купчина», в котором дан собирательный образ черной сотни («Союз русского народа», «Союз Михаила-архангела» и другие).

Черемнов полностью согласился с мнением Горького. «Что касается моих пьес злободневного характера, — писал он ему 17 мая 1907 года, — то Вы совершенно правы. Там у меня юмор переходит в легкий шарж, годный больше для газеты, ненужное обилие слов лишает эти стихи сатирической силы».¹

Художественно более удачной надо признать сатиру Черемнова в духе народных шуточных сказок, где за шутливостью скрывалась глубокая ирония. В этих стихах поэт использовал приемы сатиры-былин А. К. Толстого. В «Песне о бедном Макаре» Черемнова в живом, фельетонного склада стихе, ритмическая основа которого напоминает балладный стих А. К. Толстого, говорится о том, как выносливый, терпеливый русский народ, поилец-кормилец всех тунецев, прозрел, почувствовал себя гражданином. В стихотворении Черемнова как бы варьируется картина, изображенная Н. А. Добролюбовым в статье «Что такое обломовщина?» У Добролюбова белоручки, объявившие себя жожаками, залезли на вершины деревьев, чтобы высмотреть выход из темного леса. Уселись там, греются на солнышке, едят вкусные плоды, а скорлупки бросают вниз народу. У Черемнова изображены такими же бездельниками Емели, сидевшие на высоких елях. Они утешали — угощали Макара еловыми шишками. У Добролюбова народ, чтобы выйти из лесной трущобы, начал валить деревья с сидевшими на них господами. У Черемнова Макар плюнул «на землю, иль в рожу кому из Емель...»

Картина черносотенного разгула иносказательно изображена также в «Балладе о гордом графе».

В 1909 году Черемнов создал цикл «Молитвы», состоящий из гражданских стихотворений на сюжеты библейско-религиозного характера («На мотив из Иоанна Дамаскина», «Хорал», «Симон Киринейский» и другие). В мрачные годы реакции такая форма эзоповского языка была удобной для обличения преступлений царского самодержавия. Цензура не могла запретить такого рода стихи, не имея на то очевидных оснований.

Религиозные мотивы в стихотворении «На мотив из Иоанна Дамаскина» позволили Черемнову обнародовать беспощадное осуждение реакции, может быть наиболее сильное среди боевых «знаньевских» произведений:

¹ Архив А. М. Горького.

Мы, от плача истомленные,
Предаем земле твоей
Трупы, кровью обогранные,
Жалом смерти уязвленные,
Падших братьев и друзей.
Их уста земле поведали
Скорбь и ужас бытия,
Их Иуды тайно предали,
Им Пилат был судия.
Над могилой их кровавою
Не поет церковный клир:
Он бежит за тленной славой,
Дорожит земной державой,
Ценит блеск земных порфир.

В стихотворении «Симон Киринейский», излагая одну из легенд о шествии Христа на Голгофу, Черемнов прозрачно намекает на современность, говорит о тяжких муках народа и неистовстве его врагов.

Как разъяренные пантеры,
Толпяся, злобою горя,
Рабы, купцы, вожди, гетеры,
Жрецы святого алтаря.

Устами жадного удава
Иуда славит черный грех,
Ликует бешено Варрава,
И Каиафы слышен смех.

В те годы и враги и друзья легко расшифровывали инносказательность этих «религиозных» стихов Черемнова.

С большей яркостью талант Черемнова раскрылся в его пейзажной лирике, в особенности в двух циклах «Крым» (1910) и «Белоруссия» (1911). Мягкий, светлый и задушевный лиризм поэта родствен лиризму Я. П. Полонского, влияние которого вообще заметно в поэзии Черемнова.

Несомненное влияние на нее оказало также и поэтическое творчество И. А. Бунина. В цикле «Крым» Черемнов как бы вступил в творческое соревнование с Буниным, который несколько ранее описал крымские пейзажи в стихотворениях, тоже опубликованных в «Знамяевских» сборниках. Примечательно, что оба поэта создали

стихотворения с одноименным названием «Горный лес», в которых изобразили один и тот же вдохновивший их крымский пейзаж.

Бунинские реминисценции (особенно из «Листопада») чувствуются в ряде некоторых стихотворений Черемнова, например в «Бабьем лете»:

Тихо в чаще. Ласковая осень
Золотит берез поблекший лист.
Даль прозрачна. Воздух свеж и чист,
Но бледна задумчивая просинь.

Близок Черемнов к Бунину и в своих миниатюрных стихотворных новеллах, изображающих отдельные эпизоды в жизни патриархальной деревни. У него полностью отсутствует тенденция к идеализации патриархальной старины. Черемнов правдиво изображает темные стороны деревенской жизни, свидетельствующие о ее страшной отсталости («Ухарь», «Ведьма», «Конокрад»). Например, он рисует образ старухи-знахарки, которую мужики простодушно считают ведьмой и винят во всех несчастьях, картину зверской расправы с конокрадом и проч.

Некоторые пейзажные стихи Черемнова проникнуты гражданским настроением (и это отличает его от Бунина). В них иногда проступает глубоко скорбное чувство, в котором нельзя не видеть отклика поэта на тяжелую трагедию, которую переживала родина в годы реакции. Мрачную картину пейзажа, нарисованную в стихотворении «Северные сны», несомненно, следует рассматривать как символическое изображение русской действительности эпохи реакции.

Существенно для понимания указанной особенности пейзажной лирики Черемнова стихотворение «Матери-земле». В родной природе лирический герой Черемнова постигает красоту и силу своей израненной, но не сдающейся страны. Родная земля освобождает его от ложных мистико-романтических мечтаний, исцеляет от расслабляющей тоски и указывает ему верную дорогу в жизни — к труду, к земной радости.

Именно в этих посвященных русской природе стихах Черемнову удалось создать зарисовки, довольно примечательные в художественном отношении. Ограничимся демонстрацией хотя бы следующих строк:

Там утки спят под свежую осокой,
Как поплавки качаясь над водой...

В вышине над синей бездной
Тихо стелет полог звездный
Ночи темная рука...

В эту ночь заря с зарей встречается,
Тихий вечер утро сторожит...

Горькому очень нравились оба пейзажно-лирических цикла поэта: «Хорошие стихи, Александр Сергеевич! — писал он по поводу «Крыма» и «Белоруссии». — Растете Вы, а я — радуюсь. Не рассердитесь, если скажу: бросьте сатиру. Ваше дело — лирика и жанр!»¹ Излагая свое мнение, Горький хотел указать поэту ту область поэтического творчества, в которой, по его убеждению, талант Черемнова развертывался с наибольшей силой. В то же время Горький отнюдь не желал отвлекать поэта от его участия в общественной борьбе.

Между тем к концу 1900-х годов Черемнов действительно отказывается от сатиры. Это отречение от нее было связано с кризисом мировоззрения поэта. Торжество реакционных сил на некоторое время поколебало его веру в революционные идеалы. В письме к К. П. Пятницкому Черемнов заявил, что за последние два года (1908—1909) он «перерос свои прежние идеи и воззрения». Далее Черемнов высказывал опасение, как бы публика не причислила его к социалистическим поэтам, и заявлял, что он будто бы «такой же убежденный враг социализма, как и друг и идейный ученик Максима Горького».² Трудно, однако, представить человека, который бы в те годы был одновременно и врагом истинного социализма, и идейным учеником Горького, того Горького, который в ту же пору твердо и резко заявлял А. В. Амфитеатрову, пытавшемуся увести пролетарского писателя от социализма, что ему дорог большевизм и что только это учение — настоящий путь. Растерявшийся в годы реакции Черемнов просто очень сбивчиво пытался объяснить свое идейное «сгедо». О растерянности Черемнова в годы реакции, об утрате им веры в революцию красноречиво говорят его слова о ней: «великое, но именно безнадежное общественное движение» (из письма Горькому от 6 июля 1910 года).³

Горький, несомненно, чувствовал опасность разрыва Черемнова с передовыми взглядами и очень тактично старался удержать поэта

¹ М. Горький. Собрание сочинений, т. 29, стр. 144.

² Архив А. М. Горького.

³ Там же.

на прогрессивных позициях. Переписка учителя и ученика иногда принимала характер острого идейного спора. Но побеждал явно Горький.

Черемнов вновь возвращается к злободневной политической сатире. Он пишет сатирические стихи «О пастыре и пластыре», обличительный в адрес буржуазии и буржуазной интеллигенции роман в стихах «Сергей Луганов» и, как всегда, посылает его Горькому. В смелом стихотворном памфлете «Король Купон» Черемнов нарисовал страшный образ капитализма. Поэт подумывает об издании своих сатир эпохи революции, сожалеет о невозможности опубликовать целиком свою поэму «Красный корабль». Все это свидетельствует о том, что Черемнов под влиянием Горького преодолел свое распутье.

Уже в 1910 году в письме к Горькому он называет столичных писателей-ренегатов «петербургской литературной сволочью». По его словам, «идти об руку с этими господами можно, только забыв всякий стыд и потеряв последние остатки нравственной безразличности».¹

Черемнов полностью солидаризировался с Горьким и в оценке модернистских течений в современной русской литературе: символистов, футуристов и прочих. В письме от 30 мая 1913 года он дал злую и меткую характеристику футуристам. Заслуживает внимания тот факт, что в отрицательной оценке модернистских течений Черемнов совпал с Буниным в его речи на юбилее газеты «Русские ведомости» в 1913 году.

Черемнов был одним из самых деятельных сотрудников «Знания». Его стихи публиковались в сборниках вплоть до их прекращения.

7

К началу 1900-х годов стихи Ивана Алексеевича Бунина пользовались широкой известностью. Еще в 1901 году, ознакомившись со сборником стихотворений «Листопад», Горький писал В. Я. Брюсову: «С благодарностью извещаю, что получил прекрасную книжку стихов Бунина, коего считаю первым поэтом наших дней».² Уже в то время Бунин был великолепным мастером пейзажной и любовной лирики. В разнообразных картинах русской природы, сельского быта, дворянской усадьбы поэт с большой лирической выразитель-

¹ Архив А. М. Горького.

² М. Горький. Собрание сочинений, т. 28, стр. 152.

ностью передал свою любовь к родной стране, свое сочувствие к простым людям, близким к природе. Стихи Бунина отличались спокойным, мягким лиризмом с его тончайшими психологическими нюансами, пластической рельефностью образов, стройностью художественного рисунка. В 1890—1900 годы Бунин был одним из тех немногих поэтов, чей поэтический стиль развивался в русле традиций русского классического стиха, и прежде всего стиха Пушкина, Баратынского, Майкова, Тютчева.

После временных колебаний в начале 1900-х годов, выразившихся в тяготении к декадентско-символистским кругам, Бунин надолго связывает свою литературную судьбу как поэта с горьковским «Знанием». Из всех поэтов-«знаниевцев» в сборниках этого книгоиздательства он принял наибольшее участие. Бунин выступил со стихами в пятнадцати книгах, начав печататься в первой и закончив в тридцатой. Всего им было опубликовано 67 стихотворений. «Знанием» в 1903—1908 годах были изданы три тома стихотворений Бунина, а в 1906 году — книжка стихов в серии «Дешевая библиотека».

Как уже отмечалось, публикация бунинских стихотворений в сборниках «Знания» вначале вызвала у Горького сомнения. Великий пролетарский писатель хорошо понимал слабые стороны художественной деятельности Бунина — ее оторванность от больших социальных проблем современности, отчужденность писателя от передового, революционного движения. Все это существенно ограничивало реализм творчества Бунина, широту его поэтического диапазона.

Однако реалистический талант писателя, гуманизм, эстетическое обаяние его поэзии давали Горькому основание рассматривать ее как органическую часть передовой литературы 1900-х годов.

В годы сотрудничества в «Знании» поэзия Бунина крепнет в своем реализме, она освобождается от импрессионистических тенденций, очень заметных в стихах 1900—1902 годов. Стихотворения поэта накануне революции становятся богаче, разнообразнее по содержанию, а некоторые из них наполняются общественной проблематикой.

Бунин, большой поэт-реалист, хотя и далекий по своим политическим убеждениям от революционных событий и находившийся в те годы вдали от родины, не мог не отозваться на происходящее в родной стране. Ощущение приближающейся бури, сознание обреченности старой жизни и взволнованное ожидание светлого будущего — все эти думы и настроения отразились в ряде стихотворений Бунина 1902—1904 годов. Среди них особенно примечательно

стихотворение «Над Окой» («Запустение»), лирическая настроенность которого близка к «Вишневному саду» Чехова и рассказу Бунина «Золотое дно». В этом стихотворении своеобразно раскрывается традиционная в русской поэзии тема дворянской усадьбы. Бунин изображает запустение «дворянских гнезд», их неизбежную гибель. Он пишет:

...Пора родному краю
Сменить хозяев в нашей стороне,
Нам жутко здесь. Мы все в тоске,
в тревоге...

Стихотворение заканчивается иносказательно — речью старого барского дома:

Я жду веселых звуков топора,
Жду разрушенья дерзостной работы,
Могучих рук и смелых голосов!
Я жду, чтоб жизнь — пусть даже
в грубой силе —
Вновь расцвела из праха на могиле...

К стихотворению «Над Окой» примыкают написанные в те годы «Детская» и особенно «Тлен». В них нарисована та же картина распада, умирания дворянской усадьбы, что и в рассказе «Золотое дно».

Тонкий художник, Бунин умеет мастерски использовать совсем незначашие, казалось бы, будничные детали, чтобы этими деталями подчеркнуть драматический смысл изображаемой картины. Так, в стихотворении «Тлен» картину распада, умирания дворянского гнезда Бунин великолепно дорисовывает такими мелочами, как *моль* и *бабочка*. Моль — символ тления, и одинокая, тревожно снующая по стеклам наглухо закрытого окна бабочка — тоже символ смерти. Добиваясь нужного эффекта, поэт с ажурной точностью вырисовывает эти детали:

Как мелкий перламутр, беззвучно моль плывет.
По стеклам радужным, как бархатка сухая,
Тревожно бабочка лиловая снует...

В 1906 году в 14-й книге «Знания», вместе с пьесой Горького «Враги», были опубликованы стихотворение «Джордано Бруно» и перевод поэмы А. Теннисона «Годива» — произведения, очень важные для характеристики поэтической эволюции Бунина в годы рево-

люционных событий. Гуманизм бунинской поэзии приобретает новые черты. Поэт воспевает мужество, героизм, самопожертвование, силу разума. Джордано Бруно в его изображении — это бунтарь, восставший против мракобесия, изуверства во имя торжества разума, красоты. Он восстал на все — «вплоть до небес». Вот его гневные сентенции, смелые афоризмы: «Ковчег под предводительством осла — вот мир людей»; «Вы все — рабы. Царь вашей веры — зверь»; «Я свергну трон слепой и мрачной веры». Нетрудно понять, насколько злободневно звучали тогда эти энергичные инвективы.

Необычен для Бунина и самый жанр стихотворения, близкий к гражданской, агитационно-политической лирике поэтов-«знамьенцев».

Главный мотив поэмы «Годива» — прославление подвига, жертвенности ради спасения народа. В поэме излагается легенда о Годиве, супруге жестокого деспота, графа Ковентри, которая ради освобождения народа от тяжких податей, обрекавших людей на голодную смерть, подвергла себя тяжелому испытанию. Благородная женщина стала бессмертной в памяти народа.

Правда, и в этих произведениях Бунин не преодолел отвлеченности своего гуманизма (характерно, что в них он обращался к темам, далеким от русской жизни). Ко второй половине 1900-х годов относятся два поэтические цикла Бунина: «Восток» (1905) и «Русь» (1908), принадлежащие к числу вершинных достижений Бунина-поэта.

Стихотворения цикла «Восток» — это не только великолепная стилизация под восточную, арабскую поэзию. В своем цикле Бунин впечатляюще передал своеобразный, яркий колорит жизни Ближнего Востока, особенности его природы, нравов, обычаев, верований. К циклу «Восток» примыкают более поздний цикл «Иудея», стихотворения 1907 года «Магомет в изгнании» и «Бессмертный», а также «Истара» и «Египет», в которых образы языческих божеств хорошо передают мифологический характер мышления древних людей.

Не рискуя впасть в преувеличение, можно сказать, что по силе поэтического перевоплощения в цикле «Восток» Бунин приблизился к гениальным пушкинским «Подражаниям Корану». Стихи бунинского цикла отличаются необыкновенной пластичностью и музыкальностью формы, что можно видеть хотя бы на следующих примерах:

Он на клинок дохнул — и жало
Его сирийского кинжала
Померкло в дымке голубой:

Под дымкой ярче заблистали
Узоры золота на стали
Своей червонною резьбой.

Как чернец, над белым саркофагом,
В синем небе замер кипарис.

Нежные, как девушки, мимозы
Льют под ним узор своих ветвей...

В стихах Бунина 1906—1908 годов (в цикле «Цветные стекла» и других) продолжается одна из центральных тем его поэтического наследия — тема увядания дворянской, патриархально-усадебной жизни. В стихотворениях на эту тему отчетливо выявилось и сознание поэтом неизбежного конца усадебной жизни русского дворянства, и жалость по уходящему.

В цикле «Русь» важную роль играет стихотворение «Пустошь». В нем рукою большого художника лаконично, но в то же время и удивительно впечатляюще изображена скорбная, трагическая судьба русского крестьянства:

...Жили в страхе,
В неизвестности почили. Иногда
В селе ковали цепи, засекали,
На поселенье гнали. Но стихал
Однообразный бабий плач — и снова
Шли дни труда, покорности и страха...

Это стихотворение — прямой отклик поэта на неистовства реакции. Оно содержит осуждение преступлений, творимых черносотенной царской властью, и пассивности тех людей, которые были бессильны встать на защиту народа:

...Свидетель
Великого и подлого, бессильный
Свидетель зверств, расстрелов, пыток, казней,
Я, чье чело отмечено навеки
Клеймом раба, невольника, холопа,
Я говорю почившим: «Спите, спите!
Не вы одни страдали: внуки ваших
Владык и повелителей испили
Не меньше вас из горькой чаши рабства!»

Эти заключительные строки стихотворения «Пустошь» превосходно вскрывают противоречивость и классовую ограниченность мировоззрения поэта. С одной стороны, он справедливо осуждает пассивность, малодушие своего лирического героя, а с другой — утверждает иллюзорную мысль об общности тяжелой судьбы народных масс и дворянской интеллигенции, мысль, вытекавшую из ложных представлений об исконном единстве дворянского и крестьянского патриархального жизненного уклада.

Для стихотворений цикла «Русь» и ряда других, в которых доминирует тема крестьянского быта, деревенской жизни, характерен жанр миниатюрной стихотворной новеллы, обозначившийся еще в цикле «Восток». Таково стихотворение «В роще», содержащее рассказ о встрече в лесу охотника с деревенской девочкой и об ее испуге, или стихотворение «Сиротка».

Великолепным образцом того же жанра является стихотворение «С обезьяной», объединенное Буниным со стихотворением «Трон Соломона» в один цикл под характерным названием: «Рассказы в стихах». В первом «рассказе» колоритно изображен странствующий старик-шарманщик из Загреба:

Ай, тяжела турецкая шарманка!
Бредет худой, согнувшийся хорват
По дачам утром. В юбке обезьянка
Бежит за ним, смешно поднявши зад.

Бунин избегает прямых сентенций или анализа данной ситуации; пафос его — в точности изображения:

И детское, и старческое что-то
В ее глазах печальных. Как цыган,
Сожжен хорват. Пыль, солнце, зной, забота...

Внимательное отношение поэта к деталям не ослабляет гуманного чувства, которым проникнута вся картина:

...Хорват от жажды пьян.
Но пьет зверок: лиловая ладонка
Хватает жадно пенистый стакан...

В итоге получилась яркая, надолго запоминающаяся картина трогательной дружбы человека с животным. В этой и других стихотворных новеллах поэт достиг изумительной экономии художественных средств и в то же время насыщенности стиха содержанием.

О высокой реалистичности, какой достиг Бунин в стихах во второй половине 1900-х годов, говорят его сонеты. Бунин существенно обогатил традиционные темы сонетной лирики. Для этого изысканного лирического жанра он использовал самую разностороннюю — от «высокой» до «низкой» — тематику.

Для Бунина-поэта не было ограничений в выборе тем: предметом его вдохновенной поэзии могла быть самая что ни на есть житейская проза, повседневный убогий быт («Балагула», «Кружево», «Дворецкий» и т. д.). И все под пером острого и тонкого художника слова превращалось в золото поэзии, сохраняя простоту глубокой жизненной правды. Так и в сонетах. Содержание их — душевная боль, драма стареющей женщины, и грубоватая рыбачка в убогой хижине, разговаривающая через дверь с поклонником, и суровый горно-лесной пейзаж, и корабль в море.

В 1910-е годы заметно начинает ослабевать реализм в поэзии Бунина. Из его стихов постепенно начинают уходить самые реалистические мотивы — мотивы народной жизни, такой живой и близкой в недавних бунинских стихах.

Бунин и в дальнейшем остался в основном поэтом-реалистом, но уже не той чистоты и силы, каким был в 1900-е годы. И причина этого — все большее и большее замыкание в пределах своего узкого, а подчас и личного мира, что безусловно определялось классовой ограниченностью поэта. Неприязнь к активным революционным выступлениям пролетариата и крестьянства в конечном итоге увела Бунина в белоэмиграцию.

Резюмируя изложенное, можно, таким образом, сказать, что в 1905—1909 годы поэзия Бунина достигла наивысшей точки в своем развитии к реализму. Помимо главного фактора — революционного подъема в стране, приведшего в движение все общественные силы России, — в судьбе Бунина-поэта «знаньевского» периода немаловажную роль играло и его тесное общение с Горьким, его участие в горьковском «Знании». Эта добровольная связь накладывала в то же время на Бунина определенные четкие обязательства и тем самым в какой-то мере организовывала в духе горьковской «знаньевской» программы его поэтический талант.

Творчество поэтов-«знаньевцев» до последнего времени мало привлекало внимание исследователей. Между тем без учета их поэтической деятельности невозможно составить сколько-нибудь полную картину развития русской поэзии в первое десятилетие XX века.

Изучение поэтического наследия «знаньевцев» уточняет наши представления о богатстве революционно-демократических традиций русской поэзии. Оно в то же время позволяет осветить малоизвестный и весьма примечательный эпизод в истории поэтического движения 1900-х годов — сильнейшее влияние основоположника социалистического реализма Горького на развитие революционно-демократической поэзии в тот период.

Исключая Бунину, все поэты-«знаньевцы» не были талантами первостепенными. Тем не менее все они, вместе с Демьяном Бедным и другими революционными поэтами, а затем и Маяковским, идя разными дорогами, прокладывали пути к поэзии социалистической эпохи.

С. Касторский

М. ГОРЬКИЙ

I

ДЕВУШКА И СМЕРТЬ

Сказка

1

По деревне ехал царь с войны.
Едет — черной злобой сердце точит.
Слышит — за кустами бузины
 Девушка хохочет.
Грозно брови рыжие нахмуря,
Царь ударил шпорами коня,
Налетел на Девушку, как буря,
И кричит, доспехами звеня:
«Ты чего, — кричит он зло и грубо, —
Ты чего, девчонка, скалишь зубы?
Одержал враг надо мной победу,
Вся моя дружина перебита,
В плен попала половина свиты,
Я домой, за новой ратью еду,
Я — твой царь, я в горе и обиде, —
Каково мне глупый смех твой видеть?»
Кофточку оправя на груди,
Девушка ответила царю:
«Отойди, — я с милым говорю!
Батюшка, ты лучше отойди».

Любишь, так уж тут не до царей, —
Некогда беседовать с царями!

Иногда любовь горит скорей
Тонкой свечки в жарком божьем храме.

Царь затрясся весь от дикой злости,
Приказал своей покорной свите:
«Нуте-ко, в тюрьму девчонку бросьте,
Или, лучше, — сразу удавите!»
Исказив угодливые рожи,
Бросились к девице, словно черти,
Конюхи царевы и вельможи, —
Предали Девицу в руки Смерти.

2

Смерть всегда злым демонам покорна,
Но в тот день она была не в духе, —
Ведь весной любви и жизни зерна
Набухают даже в ней, старухе.
Скучно век возиться с тухлым мясом,
Истреблять в нем разные болезни;
Скучно мерять время смертным часом —
Хочется пожить побесполезней.
Все пред неизбежной с нею встречей
Ощущают только страх нелепый,
Надоел ей ужас человеческий,
Надоели похороны, склепы.
Занята неблагодарным делом
На земле и грязной, и недужной,
Делает она его умело, —
Люди же считают Смерть ненужной.
Ну, конечно, ей обидно это,
Злит ее людское наше стадо,
И, озлясь, сживает Смерть со света
Иногда не тех, кого бы надо.
Полюбить бы Сатану ей, что ли,
Подышать бы вволю адским зноем,
Зарыдать бы от любовной боли
Вместе с огнекудрым Сатаню!

Девушка стоит пред Смертью, смело
 Грозного удара ожидая.
 Смерть бормочет — жертву пожалела:
 «Ишь ты ведь, какая молодая!
 Что ты нагрубила там царю?
 Я тебя за это уморю!»
 — «Не сердись, — ответила Девица, —
 За́ что на меня тебе сердиться?
 Целовал меня впервые милый
 Под кустом зеленой бузины, —
 До царя ли мне в ту пору было?
 Ну, а царь — на грех — бежит с войны.
 Я и говорю ему, царю,
 Отойди, мол, батюшка, отсюда!
 Хорошо, как будто, говорю,
 А — гляди-ко, вышло-то как худо!
 Что ж?! От Смерти некуда деваться,
 Видно, я умру, не долюбя.
 Смертушка! Душой прошу тебя —
 Дай ты мне еще поцеловаться!»
 Странны были Смерти речи эти, —
 Смерть об этом никогда не просят!
 Думает: «Чем буду жить на свете,
 Если люди целоваться бросят?»
 И, на вешнем солнце кости грея,
 Смерть сказала, подманив змею:
 «Ну, ступай, целуйся, да — скорее!
 Ночь — твоя, а на заре — убью!»
 И на камень села, — ожидает,
 А змея ей жалом косу лижет.
 Девушка от счастья рыдает,
 Смерть ворчит: «Иди скорей, иди же!»

Вешним солнцем ласково согрета,
 Смерть разула стоптанные лапти,
 Прилегла на камень и — уснула.
 Нехороший сон приснился Смерти!
 Будто бы ее родитель, Каин,
 С правнуком своим, Искарриотом,

Дряхленькие оба, лезут в гору —
Точно две змеи ползут тихонько.
«Господи!» — угрюмо стонет Каин,
Глядя в небо тусклыми глазами,
«Господи!» — взывает злой Иуда,
От земли очей не поднимая.
Над горою, в облаке румяном
Возлежит господь — читает книгу:
Звездами написана та книга,
Млечный Путь — один ее листочек!
На верху горы стоит архангел,
Снопик молний в белой ручке держит.
Говорит он путникам сурово:
«Прочь идите! Вас господь не примет!»
— «Михаиле! — жалуется Каин, —
Знаю я — велик мой грех пред миром!
Я родил убийцу светлой Жизни,
Я отец проклятой, подлой Смерти!»
— «Михаиле! — говорит Иуда, —
Знаю, что я Каина грешнее,
Потому что предал подлой Смерти
Светлое, как солнце, божье сердце!»
И взывают оба они в голос:
«Михаиле! Пусть господь хоть слово
Скажет нам, хоть только пожалеет —
Ведь прощенья мы уже не молим!»
Тихо отвечает им архангел:
«Трижды говорил ему я это,
Дважды ничего он не сказал мне,
В третий раз, качнув главою, молвил:
«Знай, — доколе Смерть живое губит,
Каину с Иудой нет прощенья.
Пусть их тот простит, чья сила может
Побороть навеки силу Смерти».
Тут Братоубийца и Предатель
Горестно завыли, зарыдали
И, обнявшись, оба покатались
В смрадное болото под горою.
А в болоте бесятся, ликуя,
Упыри, кикиморы и черти.
И плюют на Каина с Иудой
Синими болотными огнями.

Смерть проснулась около полудня,
 Смотрит — а Девица не пришла!
 Смерть бормочет сонно: «Ишь ты, блудня!
 Видно, ночь-то коротка была!»
 Сорвала подсолнух за плетнем,
 Нюхает, любитесь, как солнце
 Золотит живым своим огнем
 Лист осины в желтые червонцы.
 И, на солнце глядя, вдруг запела
 Тихо и гнусаво, как умела:

«Беспощадною рукой
 Люди ближнего убьют
 И хоронят. И поют:
 „Со святыми упокой!”

Не пойму я ничего!
 Деспот бьет людей и гонит,
 А издохнет — и его
 С той же песенкой хоронят!

Честный помер или вор —
 С одинаковой тоской
 Распевает грустный хор:
 „Со святыми упокой!”

Дурака, скота иль хама
 Я убью моей рукой,
 Но для всех поют упрямо:
 „Со святыми упокой!”»

Спела песню — начинает злиться:
 Уж прошло гораздо больше суток,
 А — не возвращается Девица,
 Это — плохо. Смерти — не до шуток.
 Становясь всё злее и жесточе,
 Смерть обула лапти и онучи
 И, едва дождавшись лунной ночи,
 В путь идет, грозней осенней тучи.
 Час прошла и видит: в перелеске,

Под росистой молодой орешней,
На траве атласной, в лунном блеске
Девушка сидит богиней вешней.
Как земля гола весною ранней,
Грудь ее обнажена бесстыдно,
И на коже шелковистой, ланьей,
Звезды поцелуев ярко видны.
Два соска, как звезды, красят грудь,
И — как звезды — кротко смотрят очи
В небеса, на светлый Млечный Путь,
На тропу синеволосой ночи.
Под глазами голубые тени,
Точно рана — губы влажно алы.
Положив ей голову в колени,
Дремлет парень, как олень усталый.
Смерть глядит, и тихо пламя гнева
Гаснет в ее черепе пустом.
«Ты чего же это, словно Ева,
Спряталась от бога за кустом?»
Точно небом — лунно-звездным телом
Милого от Смерти заслоня,
Отвечает ей Девица смело:
«Погоди-ко, не ругай меня!
Не шуми, не испугай беднягу,
Острою косою не звени!
Я сейчас приду, в могилу лягу,
А его — подольше сохрани!
Виновата, не пришла я к сроку,
Думала — до Смерти недалеко,
Дай еще парнишку обниму:
Больно хорошо со мной ему!
Да и он — хорош! Ты погляди,
Вон какие он оставил знаки
На щеках моих и на груди,
Вишь, цветут, как огненные маки!»
Смерть, стыдась, тихонько засмеялась:
«Да, ты будто с солнцем целовалась,
Но — ведь у меня ты не одна —
Тысячи я убивать должна!
Я ведь честно времени служу,
Дела — много, а уж я — стара,
Каждую минутой дорожу,

Собирайся, Девушка, пора!»

Девушка — свое:

«Обнимет милый,
Ни земли, ни неба больше нет.
И душа полна нездешней силой,
И горит в душе нездешний свет.
Нету больше страха пред Судьбой,
И ни бога, ни людей не надо!
Как дитя — собою радость рада,
И любовь любит себя!»
Смерть молчит задумчиво и строго,
Видит — не прервать ей этой песни!
Краше солнца — нету в мире бога,
Нет огня — огня любви чудесней!

7

Смерть молчит, а Девушкины речи
Зависти огнем ей кости плавят,
В жар и холод властно ее мечут;
Что же сердце Смерти миру явит?
Смерть не мать, но — женщина, и в ней
Сердце тоже разума сильней;
В темном сердце Смерти есть ростки
Жалости, и гнева, и тоски.
Тем, кого она полюбит крепко,
Кто ужален в душу злой тоскою,
Как она любовно ночью шепчет
О великой радости покоя!
«Что ж, — сказала Смерть, — пусть будет чудо!
Разрешаю я тебе — живи!
Только я с тобою рядом буду,
Вечно буду около Любви!»

С той поры Любовь и Смерть, как сестры,
Ходят неразлучно до сего дня,
За Любовью Смерть с косою острой
Ташится повсюду, точно сводня.
Ходит, околдована сестрою,
И везде — на свадьбе и на тризне —
Неустанно, неуклонно строит
Радости Любви и счастье Жизни.

1892

ПЕСНЯ О СОБОЛЕ

1

Высоко в горы вполз Уж и лег там в сыром ущелье, свернувшись в узел и глядя в море.

Высоко в небе сияло солнце, а горы зноем дышали в небо, и бились волны внизу о камень...

А по ущелью, во тьме и брызгах, поток стремился навстречу морю, гремя камнями...

Весь в белой пене, седой и сильный, он резал гору и падал в море, сердито воя.

Вдруг в то ущелье, где Уж свернулся, пал с неба Сокол с разбитой грудью, в крови на перьях...

С коротким криком он пал на землю и бился грудью в бессильном гневе о твердый камень...

Уж испугался, отполз проворно, но скоро понял, что жизни птицы две-три минуты...

Подполз он ближе к разбитой птице, и прошипел ей прямо в очи:

— Что, умираешь?

— Да, умираю! — ответил Сокол, вздохнув глубоко. — Я славно пожил!.. Я знаю счастье!.. Я храбро бился!.. Я видел небо... Ты не увидишь его так близко!.. Эх ты, бедняга!

— Ну, что же — небо? — пустое место... Как мне там ползать? Мне здесь прекрасно... тепло и сыро!

Так Уж ответил свободной птице и усмехнулся в душе над нею за эти бредни.

И так подумал: «Летай иль ползай, конец известен: все в землю лягут, всё прахом будет...»

Но Сокол смелый вдруг встрепенулся, привстал немного и по ущелью повел очами.

Сквозь серый камень вода сочилась, и было душно в ущелье темном и пахло гнилью.

И крикнул Сокол с тоской и болью, собрав все силы:

— О, если б в небо хоть раз подняться!.. Врага прижал бы я... к ранам груди и... захлебнулся б моей он кровью!.. О, счастье битвы!..

А Уж подумал: «Должно быть, в небе и в самом деле пожить приятно, коль он так стонет!..»

И предложил он свободной птице: — А ты подвинься

на край ущелья и вниз бросайся. Быть может, крылья тебя поднимут, и проживешь еще немного в твоей стихии.

И дрогнул Сокол и, гордо крикнув, пошел к обрыву, скользя когтями по слизи камня.

И подошел он, расправил крылья, вздохнул всей грудью, сверкнул очами и — вниз скатился.

И сам, как камень, скользя по скалам, он быстро падал, ломая крылья, теряя перья...

Волна потока его схватила и, кровь оmyвши, одела в пену, умчала в море.

А волны моря с печальным ревом о камень бились... И труп птицы не видно было в морском пространстве...

2

В ущелье лежа, Уж долго думал о смерти птицы, о страсти к небу.

И вот взглянул он в ту даль, что вечно ласкает очи мечтой о счастье.

— А что он видел, умерший Сокол, в пустыне этой без дна и края? Зачем такие, как он, умерши, смущают душу своей любовью к полетам в небо? Что им там ясно? А я ведь мог бы узнать всё это, взлетевши в небо хоть ненадолго.

Сказал и — сделал. В кольцо свернувшись, он прынул в воздух и узкой лентой блеснул на солнце.

Рожденный ползать — летать не может!.. Забыв об этом, он пал на камни, но не убился, а рассмеялся...

— Так вот в чем прелесть полетов в небо! Она — в паденьи!.. Смешные птицы! Земли не зная, на ней тоскуя, они стремятся высоко в небо и ищут жизни в пустыне знойной. Там только пусто. Там много света, но нет там пищи, и нет опоры живому телу. Зачем же гордость? Зачем укору? Затем, чтоб ею прикрыть безумство своих желаний и скрыть за ними свою негодность для дела жизни? Смешные птицы!.. Но не обманут теперь уж больше меня их речи! Я сам всё знаю! Я — видел небо... Взлетел в него я, его измерил, познал паденье, но не разбился, а только крепче в себя я верю. Пусть те, что землю любить не могут, живут обманом.

Я знаю правду. И их призывам я не поверю. Земли творенье — землей живу я.

И он свернулся в клубок на камне, гордясь собою.

Блестело море, всё в ярком свете, и грозно волны о берег бились.

В их львином реве гремела песня о гордой птице, дрожали скалы от их ударов, дрожало небо от грозной песни:

«Безумству храбрых поем мы славу!

Безумство храбрых — вот мудрость жизни! О смелый Сокол! В бою с врагами истек ты кровью... Но будет время — и капли крови твоей горячей, как искры, вспыхнут во мраке жизни и много смелых сердец зажгут безумной жаждой свободы, света!

Пусть ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!

Безумству храбрых поем мы песню!..»

1895

ПРОЩАЙ!

Прощай! Я поднял паруса
И встал со вздохом у руля,
И резвых чаек голоса
Да белой пены полоса —
Всё, чем прощается земля
Со мной... Прощай!
Мне даль пути грозит бедой,
И червь тоски мне сердце гложет,
И машет гривой вал седой...
Но — море всей своей водой
Тебя из сердца смыть не может!..

О нет!.. Прощай!
Не замедляй последний час,
Который я с тобой вдвоем
Переживал уже не раз!
Нет, больше он не сблизит нас,
Напрасно мы чего-то ждем...

Прощай!

Зачем тебя я одевал
Роскошной мантией мечты?
Любя тебя, я сознавал,
Что я себе красиво лгал
И что мечта моя — не ты!

Зачем? Прощай!

Любовь — всегда немножко ложь,
И правда вечно в ссоре с ней;
Любви достойных долго ждешь,
А их всё нет... И создаешь
Из мяса в тряпках — нежных фей...

Прощай!

Прощай! Я поднял паруса
И встал со вздохом у руля,
И резвых чаек голоса
Да белой пены полоса —
Всё, чем прощается земля
Со мной... Прощай!

1895

В ЧЕРНОМОРЬЕ

Знойно. Тихо... Чудный вид!
Там, далеко — море спит.
С берегов же в волны пали
Тени тонких миндалей,
И чинары в них купали
Зелень пышную ветвей;
И в прибрежной белой пене,
Как улыбка — эти тени, —
Как улыбка старых гор,
Чьи угрюмые вершины
Вознеслись туда, в пустынный,
Голубой небес простор,
Где суровый их гранит
От земли туманом скрыт.

Важно, молча и сурово
В бархат неба голубого
Смотрят главы старых гор,
Сизой дымкою объаты.

И пугают мысль и взор
Их крутые к морю скаты.
Им в дали небес не слышны
Вздохи волн и пены пышной —
Этот стройный плеск и шум,
Полный нежной, сладкой ложью,
Шум, притекший к их подножью,
Чтоб нарушить мир их дум.
Но, безмолвны и угрюмы,
Схоронили скалы думы
Глубоко в гранит сырой.
И, одеты облаками,
Так стоят они веками,
Тешась шумной волн игрой.
В мягком пухе нежной пены
Волны скалам, как сирены,
Что-то нежно так поют,
Но в ответ на их набег
Тайн суровые ковчег
Ничего им не дают:
Ни намека, ни полслова,
Ничего из тайн былого...

Между камней выползали
Полусонные кусты
Роз, жасминов и азалий,
И кадили их цветы
Душной, сочною истомой
Небесам, объатым дремой,
Морю, серым грудам скал,
На которых чинно в ряд
Сели чайки и следят:
Не дарит ли их тот вал,
Что пришел из дали зыбкой,
Золотистой, вкусной рыбкой?

Но седой, на эти груды
Набегая, им дарил
Только брызги-изумруды
И о чем-то говорил...
И, взмахнувши гребнем белым,

Вновь бросал движеньем смелым
Разноцветных брызг каскад.
А ему с вершины горной
Лысый гриф свой крик задорный
Вниз кидал... И вал назад
Уходил, кипя сердито,
О твердыни скал разбитый.

Моря даль покрыта сонной
Дымкой нежного опала.
Глубиной своей бездонной
В волны небо там упало
И смешалось с ними странно.
Мягко эти два титана,
Оба полны южным зноем,
Грудь на грудь друг другу пали,
Обнялись, слились — и спали.
И не видным глазу роем
Там, по светлой синей выси,
Надо мной в ту даль неслися
Грез гирлянды...
В чудном сне
Сам я жил — казалось мне...

1895

**БАЛЛАДА О ГРАФИНЕ ЭЛЛЕН ДЕ КУРСИ,
УКРАШЕННАЯ РАЗЛИЧНЫМИ СЕНТЕНЦИЯМИ,
СРЕДИ КОТОРЫХ ЕСТЬ ВЕСЬМА ЗАБАВНЫЕ**

Известно ли вам, о мой друг, в Бретани
Нет лучше — хоть камни спроси!
Нет лучше средь божьих созданий
Графини Эллен де Курси?

Всё, что творится в мире,
Мы видеть и слышать должны,
Для этого нам добрым богом
Глаза и уши даны.

Из замка она выплывает, как лебедь,
К подъемному мосту идет.
Солнце смеется в небе.
Нищий стоит у ворот.

Но если случится — излишне
Остер и зорек глаз,
Тогда это значит — всевышний
Хочет помучить нас.

Влюбленные очи поднять не дерзая,
За ней юный паж по следам,
А также собака борзая,
Любимица доброй madame.

Мы знаем — нередко собака
Любимого друга честней,
И приятно любить собаку —
Никто не ревнует к ней!

Скажу вам, что нищий был молод и строен
И — был он слеп, как поэт.
Но — разве слепой недостойн
Внимания дамы, — нет?

Слепой завидует зрячим.
О, если б он знал, сколько мы
В душе нашей тайно прячем
Тяжелой и страшной тьмы!

Вздрогнуло сердце графини, в котором
Любовь обитала всегда.
Бретонка окинула нищего взором:
«Достойн внимания, да!»

У всех есть мысли сердца,
У льва, у тебя, у змеи.
Но — кто эти мысли знает?
И — знаешь ли ты свои?

И вот говорит она нищему: «Слушай!
С тобою — графиня Эллен.
Мне жаль твою темную душу.
Чем я облегчу ее плен?»

Когда ты почувствуешь в сердце
Избыток меда иль яда,
Отдай его близким скорее —
Зачем тебе лишнее надо?

«Madame! — отвечает ей нищий покорно, —
Моя дорогая madame!
Все дни моей жизни черной
За ваш поцелуй я отдам!»

О правде красивой тоскуя,
Так жадно душой ее ждешь,
Что любишь безумно, как правду,
Тобой же рожденную ложь.

«Мой маленький, ты отвернись немного! —
Сказала графиня пажу. —
Для славы доброго бога
Я скромность мою не щажу!»

Как всё — и женщина тоже
Игрушка в божьих руках!
Подумаем лучше о детях,
О ласточках, о мотыльках.

Слепой обнимает стан гордой графини,
Устами прижался к устам,
Туманится взор ее синий,
Сгибается тонкий стан.

Друзья! Да здравствует счастье!
Что ж, пусть его жизнь — только миг!
Но мудрости в счастье больше,
Чем в сотне толстых книг.

Тут гордость графини вдруг страсть одолела.
Румяней вечерней зари,
Бретонка пажу повелела:
«Этьен, о дитя, не смотри!»

Враги наши — черт и случай —
Всегда побеждают нас,
И как ты себя ни мучай —
Греха неизбежен час!

Потом, поднимаясь с земли утомленно,
«Убей!» — приказала пажу.
И радостно мальчик влюбленный
Дал волю руке и ножу.

Кто пьет из единой чаши
Любовь и ревность вместе, —
Тот неизбежно выпьет
Красный напиток мести.

Вот, влажные губы платком отирая,
Графиня сказала Христу:
«Тебе, повелитель рая,
Дала я мою чистоту!»

О том, куда ветер дует,
Нам честно былинка скажет;
Но то, чего женщина хочет, —
Сам бог не знает даже!

А мальчика нежно и кротко спросила:
«Не правда ли, как я добра?
О чем же ты плачешь, милый?
Идем, нам домой пора!»

Любовь возникает, как пламя,
И мы, сгорая в нем,
Чудесно становимся сами
Прекрасным и ярким огнем.

Он ей не ответил, он только беретом
Смахнул капли слез со щек,
Но тяжкого вздоха при этом
Этьен удержать не мог.

Мы щедро жизнь одаряем!
Ведь каждый в нее принес
Немножко веселого смеха
И полное сердце слез.

Нахмурила черные брови бретонка
И, злые сдержав слова,
Сбросила с моста ребенка
В зеленую воду рва.

Если мы строго осудим
Всех, кто достоин кары, —
Мы счастливей не будем,
Но — опустеет мир старый!

И вновь свои гордые синие очи
Эллен в небеса подняла:
«Будь мне судьбою, отче,
Будь добр, как я была!»

Мы знаем: грехи красоток —
Не больше как милые шутки.
А бог — так добр и кроток,
А он такой мягкий и чуткий!

Ночью графиня, позвав аббата,
Рассказала грехи свои,
И были с души ее сняты
Грехи за пятнадцать луи.

Всё, что творится в мире,
Мы видеть и слышать должны,
Для этого нам добрым богом
Глаза и уши даны.

Всё это для мира осталось бы тайной,
Не знал бы об этом свет,
Но — в лепту попало случайно
Девять фальшивых монет.

Но если бывает — излишне
Остер и зорек глаз,
Тогда это значит — всевышний
Хочет помучить нас.

И вот, раздавая их бедным вилланам,
Монах позлословить рад —
Нескромность его и дала нам
Одну из прекрасных баллад.

Мучительны сердца скорби,
И часто помочь ему нечем, —
Тогда мы забавной шуткой
Боль сердца успешно лечим!

1896

ПЕСНЯ О БУРЕВЕСТНИКЕ

Над седой равниной моря ветер тучи собирает.
Между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной
молнии подобный.

То крылом волны касаясь, то стрелой взмывая к тучам,
он кричит, и — тучи слышат радость в смелом крике птицы.

В этом крике — жажда бури! Силу гнева, пламя страсти
и уверенность в победе слышат тучи в этом крике.

Чайки стонут перед бурей, — стонут, мечутся над морем
и на дно его готовы спрятать ужас свой пред бурей.

И гагары тоже стонут, — им, гагарам, недоступно
наслаждение битвой жизни: гром ударов их пугает.

Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах...
Только гордый Буревестник реет смело и свободно над седым
от пены морем!

Всё мрачней и ниже тучи опускаются над морем, и поют,
и рвутся волны к высоте навстречу грому.

~~на самом деле это было исследование.~~
~~во время работы.~~

В то время
года, на выборах в парламенте
сидит с вами и Лифшица,
~~и Лифшица,~~
~~и Лифшица,~~

и очень мне мне влек-
новенно посылать посылать
идею посылать посылать
о Буревестнике.

"Каждый знает факт, что
замеряли пути собираются
мучаешь и морем гряде расе
Буревестник перной ша-
ки и подвиги."

"Но всякие крики кажутся,
по сравнению с криком
мучаешь, а не крики - ~~крики!~~
и крики в крики - ~~крики!~~

и крики в крики радостно в ~~крики~~ шанс

крики и крики.

Гром грохочет. В пене гнева стонут волны, с ветром споря. Вот охватывает ветер стаи волн объятьем крепким и бросает их с размаху в дикой злобе на утесы, разбивая в пыль и брызги изумрудные громады.

Буревестник с криком реет, черной молнии подобный, как стрела пронзает тучи, пену волн крылом срывает.

Вот он носится, как демон — гордый, черный демон бури, — и смеется, и рыдает... Он над тучами смеется, он от радости рыдает!

В гневе грома — чуткий демон — он давно усталость слышит, он уверен, что не скроют тучи солнца, — нет, не скроют!

Ветер воет... Гром грохочет...

Синим пламенем пылают стаи туч над бездной моря. Море ловит стрелы молний и в своей пучине гасит. Точно огненные змеи, выются в море, исчезая, отраженья этих молний.

— Буря! Скоро грянет буря!

Это смелый Буревестник гордо реет между молний над ревушим гневно морем; то кричит пророк победы:

— Пусть сильнее грянет буря!..

1901

ЛЕГЕНДА О МАРКО

В лесу над рекой жила фея.
В реке она часто купалась;
И раз, позабыв осторожность,
В рыбацкие сети попалась.

Ее рыбаки испугались,
Но был с ними юноша Марко;
Схватил он красавицу фею
И стал целовать ее жарко.

А фея, как гибкая ветка,
В могучих руках извивалась,
Да в Марковы очи глядела
И тихо над чем-то смеялась.

Весь день она Марка ласкала;
А как только ночь наступила,
Пропала веселая фея...
У Марка душа загрустила...

И дни ходит Марко, и ночи
В лесу, над рекою Дунаем,
Всё ищет, всё стонет: «Где фея?»
А волны смеются: «Не знаем!»
Но он закричал им: «Вы лжете!
Вы сами целуетесь с нею!»
И бросился юноша глупый
В Дунай, чтоб найти свою фею...
Купается фея в Дунае,
Как раньше, до Марка, купалась;
А Марка — уж нету...

Но всё же

От Марка хоть песня осталась.
А вы на земле проживете,
Как черви слепые живут:
Ни сказок о вас не расскажут,
Ни песен про вас не споют!

<1903>

СТИХОТВОРЕНИЯ,
НЕ ПУБЛИКОВАВШИЕСЯ
М. ГОРЬКИМ

* * *

Не браните вы музу мою,
Я другой и не знал, и не знаю,
Не минувшему песнь я слагаю,
А грядущему гимны пою.

В незатейливой песне моей
Я пою о стремлении к свету,
Отнеситесь по-дружески к ней
И ко мне, самоучке-поэту.

Пусть порой моя песнь прозвучит
Тихой грустью, тоскою глубокой:
Может быть, вашу душу смягчит
Стон и ропот души одинокой.

Не встречайте же музу мою
Невнимательно и безучастно:
В этой жизни, больной и несчастной,
Я грядущему гимны пою.

Конец 1880 — начало 1890-х годов

* * *

Я плыву, за мною следом
Грозно пенятся валы.
Путь морской душе неведом,
Даль — закрыта тогой мглы.

Но плыву с глубокой верой,
Что победно из-за туч
Заблестит над далью серой
Солнца радостного луч.

Пусть волна грозит бедою,
Море, гнев свой усьмири!
Я отважною душою
Чую проблески зари!

Конец 1880 — начало 1890-х годов

* * *

Тому на свете тяжело,
Кто сердце чуткое имеет,
Кто всюду видит ложь и зло,
Но правды высказать не смеет;

Кто в омут бедствий погружен
И неразумною толпою
Невежд лукавых окружен, —
Невежд, с их совестью слепою;

Кто в мире одинок живет
И видит — правду презирают
И крику правды не внимают,
Когда он песню запоет.

Конец 1880 — начало 1890-х годов

* * *

М. И. Метлиной

Нет! Там бессильна голова,
Где сердце хочет говорить:
Святую речь его в слова
И мудрецу не перелить.

Где сердце хочет говорить,
Молчать там должен робко ум,

Чтоб звуками не исказить
Святых и чистых сердца дум.

Тот, кто бы захотел излить
Словами смысл его идей,
Не человеком должен быть,
А выше, чище и святей.

5 апреля 1891

* * *

Как странники по большой дороге,
Сквозь сердце мое прошли
В печали, сомнениях, тревоге
Тысячи детей земли.

Не многих с грустью милой
Я в памяти сердца храню
За то, что они дали силу
Сердца моего огню.

А тех, что его топтали,
Желая, чтоб он погас,
Забыл я — как их звали? —
И так же забуду вас.

1892

* * *

Это дивная рамка была!
В небе белая тучка плыла,

Тень ее упала в ручей,
В нем вились, точно медные змейки,
Ленты тонкие лунных лучей,
И акаций листва круг скамейки

Сеть душистую нежно сплела, —
Это дивная рамка была!

Это острая шутка была!
Он сказал: «О, зачем ты зажгла
Мое сердце огнем этой страсти?
Грезы, силу — ты всё погубила!

Помоги! Ведь в твоей это власти!»
И сказала она: «Я шутила —
Но тебе не желала я зла».
Это острая шутка была!

1892

* * *

1

Живу я на Вэре без веры —
И в горе живу на горе!

2

Живя ошущеньями новыми,
Исполненный новыми силами,
Сие знаменую — лиловыми
Отныне пишу я чернилами!

3

Мечты оказались вздорными,
А силы — увы! — (очень) хилыми,
И снова поэтому черными,
Как раньше, пишу (я) чернилами.

1892

РАССВЕТ

*Н. А. Патаркалашвили,
любительнице экипажей*

Яркий луч золотой денницы
Мне улыбку бросил в очи,
И умчались колесницы
Молчаливо-мрачной ночи.

Или: Нежно лазурь неба
Встречу утра трепетала,
И из туч коляска Феба,
Ослепляя, вылетала.

Иль: Пролетка Аполлона
Тихо в небо выезжала,
И старуха-ночь, смущенно
Удаляясь, задрожала.

Или: Утро. В сонной неге
Ночь устало удалялась,
В небе Солнце на телеге
Серой тучи показалось.

Но — готов поклясться даже! —
Шея ближнего издревле
Всех возможных экипажей
И удобней, и дешевле!

Вы сказали: «О рассвете
Что ни то мне сочините!»
Вот извольте! Только эти
Рифмы — тоненькие нити.

Ах, они лишь шалость музыки —
Музы, мысли коей хмуры,
И... из них не свяжет узы
Для моей Амур фигуры.

1892 (?)

«САТИРЫ НА Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО»

1

Здесь кончил я мою поэму
О суетности бытия.
Зачем я взял такую тему?
Увы! Ей-ей, не знаю я!
Должно быть, мне шепнули черти:
«Димитрий! Напиши о смерти!»

Я сел за стол, и взял перо,
И, обмакнув его в чернила,
Писал и чувствовал — старо!
Но думал — лишь бы гладко было!
Ведь мир наш тоже очень стар...
А мне... так нужен гонорар!

Без гонорара жизнь поэта
Скучна, уныла и пуста!
Идеи, люди, слава — это
Одна банальность... тьфу! Мечта!
Одна мечта, хотел сказать я.
Ах, господа! Ведь вы мне братья!
Поэты — это люди тоже —
Представьте ж ваших вы супруг.
Чуть что — сейчас упрек на роже
Изобразят, порою вдруг
Плевков слетает с пышных губок...
Да! Кисл и горек жизни кубок!

О господи! Помилуй нас!
Здесь в настроении игривом
Заехал Митя на Парнас
С фрегатом и локомотивом!

Он ради вящего комизма
Здесь мистицизмом накурил,
И храбро в бездне пантеизма
Здесь здравый смысл он уморил!

Между 1892 и 1896

* * *

Как медведь в железной клетке,
Дрыхнет в башне № 3-й
Государственный преступник
Алексей Максимов Пешков.

Спит и — видит: собрались
Триста семь клопов на сходку
И усердно рассуждают,
Как бы Пешкова сожрать.

1 или 2 мая 1901

* * *

Поутру штору подымая,
Я вижу: под моим окном
Стремглав летит вагон трамвая,
Солидно мчатся немцы в нем...
О, если бы я был вагоном
Или хотя бы немцем в оном!
Умчался б я туда, где нет
Ни либералов, ни газет!

24 декабря 1904

* * *

На страницы вашего альбома
Я смотрел в смущении немом
И затем сказал, что лучше дома
Напишу я вам стихи в альбом.

Вы в глаза мне томно посмотрели,
Но попал мне в сердце этот взор.
И — увы! Вот с лишком две недели
Я не сплю, сударыня, с тех пор.

Чтоб ослабить эту силу взора,
Драхму брома я себе куплю,
Но боюсь, что я издохну скоро,
Оттого что по ночам не сплю.

Ах! когда в объятья хладной смерти
Я со стоном тихим упаду,
В тот же миг меня подхватят черти
И навеки поместят в аду.

Буду вечно сдвлен я обузой
Совершенных на земле грехов,
Но зато — никто уже нас с музой
Не попросит написать стихов.

Между 1892 и 1904 (?)

* * *

Сим докладываю вам,
Что рассказа я не дам,
Ибо нынче утром вновь
Показалась горлом кровь,
Так что мне запрещено
Пить чернила и вино,
А приказано лежать
И покой свой — уважать.
Сим приказам следуя,
Не скоро уеду я
В горние селения
Для увеселения
Тамошних читателей,
Для обогащения
Тамошних издателей,
А пребуду здесь здоров
Для забавы цензоров.

*Конец 1890 —
начало 1900-х годов (?)*

* * *

День сгоревший хороня,
Ходит Ночь в немой тревоге
От огня и до огня
По дороге, без дороги.

Потеряв от скорби разум,
Смотрит Ночь печальным глазом
Во дворцы и окна хат —
Всюду, где огни горят.

Встанет тихо под оконцем:
«О, зачем горят огни?
Умер день, рожденный солнцем,
Не зажечь другие дни!»

Вот — глядит в мое окно:
«Слушай, спать пора давно.
Боль бессонницей не лечат!
Погаси же свои свечи!»

Я — смеюсь: «Ошиблась ты!
Разве здесь свеча пылает?
Здесь горят мои мечты,
Это — сердце догорает!»

Слышу тихий вздох вдовы,
Шелест шелковой травы.
Птицы, вспугнуты совою,
Осыпают сосен хвою.

Листья черные латаний,
Точно пальцы злой руки,
Разрывают Ночи ткани.
Как шаги ее легки!

И под нежными шагами
Светят росы жемчугами,
Шепчет росная трава
Ночи нежные слова.

...Так до самого рассвета,
День сгоревший хороня,
В бархат траурный одета,
Ходит Ночь вокруг меня.

1910-е годы (?)

* * *

Нравится мне вся земля.
Но всего лучше на ней —
Вы, молодые цветы
Около старых камней.

Душа художника, как свод небес,
Сияет яркими звездами.

Свобода любит красоту,
А красота — свободу.

То, что красиво, — красиво,
Даже когда увядает.
То, что мы любим, — мы любим,
Даже когда умираем.

1917

* * *

Уважаемые покупатели!
Мои книги — это сердце мое.
И вот я продаю вам его
По целковому за порцию.

Превосходные ценители искусства,
Совершите ваш строгий суд:
Все ли запятые на месте у меня?
Хороша ли музыка слов?

Предлагая вам эту забаву,
Я не имею скрытых мыслей
И не думаю о суде осла
Над соловьем, вечным пленником песни.

Но, когда изнемогаешь от любви
В болоте, где любить некого,
Готов спросить и ядовитую змею:
«Хорошо ли я умею петь, родная?»

Конец 1910-х или 1920-е годы

* * *

Рыжая, как ржавое железо,
Высохшим пятном горячей крови
Распростерлась предо мной бескрайно
Звонкая, песчаная пустыня.

Ни единой птицы в синем небе,
Только — солнце, точно рана в сердце.
А в песчаном море — ни былинки,
Только я один блуждаю зверем.

Посреди пустыни — колокольня,
Маленькая, серая монашка, —
Стонет над песками медный голос,
Стонет, замирая безответно.

Тоненькая змейка цвета стали
Смотрит изумрудными глазами
На монашку эту — колокольню —
И смеется над бесплодным зовом.

...Это мне приснилось вьюжной ночью
Средь лесов Финляндии холодной.
Смысла в этом сне не нахожу я,
Но — печаль его душе понятна.

Конец 1910-х или 1920-е годы

* * *

Под медным оком злой луны
Лес и болото — жутко немые.
Средь кочек камни-валуны
Лежат, как рыцарские шлемы.
Колышут спутанные травы
Султаны темные свои,
И тускло блещут сталью ржавой
Седые мхи и лишай.

Как много странной красоты
Возникло этой ночью странной!

Горбины кочек — что щиты,
А мох на них — узор чеканный.
Березы тень кольчужной сеткой
На камень выпуклый легла.
И в эту тень вонзился метко
Сучок, как гибкая стрела.

Меж кочек, в желтом лунном свете,
Красно сияет медь воды.
Уходят к лесу пятна эти,
Злой битвы жуткие следы.
Лес — точно крепкая стена,
Воздвигнутая силой ночи.
И видно, как за ней луна
Иззубренные копыя точит.
Как смерть, беззвучен сон земли,
И тени ночи ей на лоно
Покровом бархатным легли,
Как будто черные знамена.

Вторая половина 1910-х или 1920-е годы

* * *

Иду межой среди овса
На скрытую в кустах дорогу,
А впереди горят леса —
Приносит леший жертву богу.

Над желтым полем — желтый дым,
И крепко пахнет едким чадом.
Еж пробежал, а вслед за ним
Крот и мышонок мчатся рядом.

Ползут ватагой муравьи
И гибнут на земле горячей,
В пыли дорожной колеи
Навозный жук свой шарик прячет.

Желтеет робкий лист осин,
Ель — рыжей ржавчиной одета,
А солнце — точно апельсин —
Совсем оранжевого цвета.

Тяжел полет шмелей и пчел
В угарном дыме надо мной.
Вот — можжевельник вдруг расцвел
Неопалимой купиной.

Огней собачьи языки
Траву сухую жадно лизут,
И вижу я, что огоньки
Ползут ко мне всё ближе, ближе...

Смотрю на них, едва дыша
Горячей, едкой влагой смрада,
И странная моя душа
Поет, чему-то детски рада.

1920-е годы (?)

* * *

О, сколь разнородны
Арабы и рыбы,
Сороки и рыси,
И жабы, и крысы!

Помилуй мя, боже!
Зачем так похожи
Барсук и — писатель,
Скворец и — поэт?

О мать... пресвятая!
Рычу и мечтаю:
Чем стукнуть их в лоб,
Одумались чтоб?

Первая половина 1930-х годов (?)

II

ПЕСНЯ ЛОЙКА ЗОБАРА

Из рассказа «Макар Чудра»

Гей-гей! В груди горит огонь,
А степь так широка!
Как ветер, быстр мой борзый конь,
Тверда моя рука!
Гей, гоп-гей! Ну, товарищ мой!
Поскачем, что ль, вперед?!

Одета степь суровой мглой,
А там рассвет нас ждет!
Гей-гей! Летим и встретим день.
Взвивайся в вышину!
Да только гривой не задень
Красавицу луну!

Гей-гоп! Вдруг день придет сюда,
А мы с тобою спим.
Эй, гей! Ведь мы с тобой тогда
В огне стыда сгорим!

1892

ПЕСНИ ФЕИ И ЧАБАНА

Из сказки «О маленькой фее и молодом чабане»

Ф е я

Хорошо на ветках бука
В ясный майский день качаться
И волной душистой звука
Песни леса упиваться!

Хорошо веселой белкой
Прыгать с той на эту ветку,
Разрывая белой ножкой
Паука лесную сетку! . .

Ч а б а н

1

Хорошо в степном просторе,
Напоенном мягким зноем,
Наблюдать, как в небе-море
Мчатся тучи легким строем!

Ветра буйного порывы
Степью бешено летят,
Точно в небе крошки-звезды
Погасить они хотят!

2

Степь родная! От края до края
Ковылем поросла ты седым;
Вольный ветер, с ним нежно играя,
Над тобой мощной птицей летает
И веселые сны навевает. . .
И плывут, и клубятся, как дым,
Стаи туч с высоты голубой
Далеко, далеко над тобой! . .

8

Сеть из сучьев черных сплел
Этот старый, хмурый лес,
И лазурный свод небес
Глаз мой в нем бы не нашел.

Ф е я

1

Если по степи проносятся вьюги,
Дико и буйно в ней ветер поет,
Лес в это время в тоске и испуге
Страшно шумит и мне спать не дает!

2

Лесу хвалу я пою!
Слушайте, птицы, меня!..
Песнь моя! громко звеня,
Лейся ты в небо прекрасное!
Солнце! ты песнь мою
Златом лучей облеку
И преврати в огоньки,
Чистые, кроткие, ясные!..
Пусть они песнью без слов
Ночью по лесу летают
И светляками сияют
В зелени мощных дубов!..

3

Мой старый, добрый, чудный лес!
Ты тайны мир, ты мир чудес!

Купаясь в запахе густом
Тобой взлелеянных цветов,
Веселых пташек дивный хор
Тебе хвалы поет!..

Под каждой веткой и листком
Живут букашки, мотыльки...
А меж корнями в мраке нор
Живет суровый крот;

И робкий кролик, и лиса,
И желтый уж, и острый еж,
И резвый эльф, и мудрый гном
В тебе нашли приют!

О лес!.. Всех птичек голоса,
Пусть хоть век они звенят —
За ночью ночь и день за днем, —
Тебя не воспоют,

Мой старый, чудный, мощный лес!

Ч а б а н

1

Тихо ветер тучки гонит,
Тени их на степь упали...
И ковыль головки клонит, —
Это тени стебли смяли.

Тихий шорох ковыля
Плавно льется в небеса,
Точно чьи-то голоса
Шепчут сказки, веселя
Душу юную мою.

Хищный беркут плавно вьется
Там высоко точкой черной.
И оттуда клёкот льется,
Клёкот мощный и задорный.
Царство силы и свободы —
Степь могучая моя...

2

В лесу над рекой жила фея,
В реке она ночью купалась
И раз, позабыв осторожность,
В рыбацкие сети попалась.

Смотрели рыбаки, дивились...
Любимый товарищ их, Марко,
Взял на руки нежную фею
И стал целовать ее жарко.

А фея, как гибкая ветка,
В могучих руках извивалась
Да в Марковы очи смотрела
И тихо над чем-то смеялась.

День целый они целовались,
А чуть только ночь наступила, —
Пропала красавица фея,
А с нею и Маркова сила.

Дни Марко всё рыскал по лесу,
А ночи сидел над Дунаем
И спрашивал волны: «Где фея?»
А волны смеются: «Не знаем!»

Повесился Марко на горькой,
Трусливо дрожащей осине...
И други его схоронили
Над синим Дунаем в теснине.

Ночами к нему на могилу
Та фея сидеть приходила...
Сидит и над чем-то смеется...
Ведь вот как веселье любила!

Купается фея в Дунае,
Как раньше, до Марка, купалась...
А Марка уж нету! От Марка
Лишь песня вот эта осталась!

3

А то еще есть песня
О старом казаке,
Что плыл куда-то ночью
На лодке по реке.

Будил он рыб и воду
Ударами весла...
А в сонном небе ночи
Над ним луна плыла.

И нежно там сияли
Красавиц звезд огни,
И знали всё, что будет
Со стариком, они.

А было вот что: в лодку
Русалка села вдруг
И вырвала со смехом
Весло из старых рук...

Была она красива,
Нага и молода,
С волос ее струилась
Алмазная вода.

Смеясь, она играла
Казацкой бородой
И говорила: «Хочешь
Любить меня, седой?»

Но, впрочем, где тебе уж!
Вот ты и дряхл, и стар,
Ты не погасишь лаской
Кипучей страсти жар!

Ты не обнимешь крепко,
Ты слишком слаб, казак...
А ну-ка, поцелуй-ка,
Как я!.. вот так!.. вот так!..»

Она его схватила
И стала целовать,
И стала в уши песни
Тихонько напевать.

Остатки силы юной
Проснулись в казаке...
«Могу!..» — пронесся шепот
По дремлющей реке.

Он берегов уснувших
Во мгле не разбудил...

Как тучка в небе ясном,
Он, тихо тая, плыл

И замер где-то грустно...
Мир божий сладко спал,
И больше ничего уж
В ту ночь он не слышал.

Как раньше, катит волны
Красавица река...
Но средь живых уж нету
Бедняги казака!

Теперь русалки око
Не соблазнит его...
Зарыт бедняк глубоко
И... больше ничего!

4

Терять минуты не годится
Тому, кто хочет много жить,
Кто хочет жизнью насладиться!
Тому, кто хочет счастлив быть,
Терять минуты не годится.

О, иди! Я тебя страстно жду!
Поскорей!.. Для тебя я в груди
Много песен веселых найду...
О, иди! Поскорее иди!..

О, иди!.. Счастьем жизнь так бедна!..
Торопись же! Она так кратка!
Нужно пить чашу жизни до дна
Поскорей — не остыла пока!..

О, иди!.. Хочешь жить — будь смелей!
Поскорей!.. Страх и жалость отбрось!
Только сердце свое ты жалей,
Только с ним не пытайся жить врозь!

Ф е я

Звук этих чарующих песен
Отраду мне в грудь тихо льет.
О лес! Почему ты стал тесен?
Мне страшно!.. Мне больше дает
Звук этих чарующих песен!..
Мой лес! В тебе солнца так мало,
В тебе не умеют так петь!..
Мне скучно! Я жить здесь устала!
Угрюма ветвей твоих сеть...
И солнца в ней мало, так мало!
Я воли хочу, хочу степи!
Мне грудь тяжело давит твой мрак!
Прочь эти зеленые цепи!..
Пусти!.. А не то ты — мой враг!
Я воли хочу, солнца, степи!..

Ч а б а н

1

О цветок мой! Бархат скинь
С утомленных зноем плеч...
Неба свод так чист и синь,
Так прохладна эта тень!
Славно в ней на отдых лечь
В этот жаркий день!
Ветер нежен и душист,
Он несет со всех сторон
Тихий шелест, стрекот, свист...
О, как сладко мы уснем!
Сон наш будет тих и чист
Этим чудным днем!..

2

Э! Э!.. Почему тебя нет?
Давно уже солнце блестит,
Но нынче я им не согрет,
И сердце в груди моей спит!

И что-то в нем петь не дает...
Этой!.. Как тот жалок, кто ждет!
Э! Э!.. Кабы я да умел
По ясному небу летать,
Я много бы огненных стрел
У грома старался отнять
И той, что вчера целовал,
Из них бы корону сковал!..

Ф е я

Весь покоем и мглой
Лес угрюмый объят...
Лишь деревья листвою
Тихо, нежно шумят.
Вот в просвете меж туч
Пышных, темных ветвей
Солнце бросило луч
В скрытый тенью ручей.
Оживлен, освещен
Этим ярким лучом,
Загорелся весь он
Разноцветным огнем, —
Точно гном-чародей
Щедрой дланью своей
Бросил в этот ручей
Драгоценных камней!..

Ч а б а н

Лентами песни твоей
Сердце себе я украшу!
Солнце сияет светлей,
Слушая песенки наши!
Эх, как я жадно ловлю
Трель твоих маленьких песен!
Степи простор стал мне тесен,
Вот как тебя я люблю!

Ф е я

Я дыханьем цветов
Ароматным дышу,
И тебя я спешу
Целовать!

«Понеси ты ему
Сладкий наш аромат!» —
Мне цветы говорят, —
Я иду!..

Ч а б а н

Пусть бы тот, кто первый влил
В чашу жизни страсти яд,
Сам бы чашу эту пил
Долго, долго, бесконечно!..
И, желая смерти, жил,
Жил бы вечно!

1892

ПЕСНИ ВОРОН И ЧИЖА

*Из рассказа «О Чиже, который лгал,
и о Дятле — любителе истины»*

ПЕСНЯ ВОРОН

Карр!.. В борьбе с суровым роком
Нам, ничтожным, нет спасенья.
Всё, на что ни взглянешь оком, —
Боль и горе, прах и тленье...
Карр!.. Страшны удары рока!..
Мудрый пусть им покорится...

ПЕСНИ ЧИЖА

1

Я слышу карканье ворон,
Смущенных холодом и тьмой...
Я вижу мрак, — но что мне он,
Коль бодр и ясен разум мой?..
За мной, кто смел! Да сгинет тьма!
Душе живой — в ней места нет!
Зажжем сердца огнем ума,
И воцарится всюду свет!..

Кто честно смерть приял в бою,
Тот разве пал и побежден?
Пал тот, кто, робко грудь свою
Прикрыв, ушел из битвы вон...
Друзья! И тот пал, кто, боясь
Труда, волнений, боли ран,
О битве судит, погрузясь
В философический туман...

Друзья! Пусть падшие молчат.
Им очи съел сомнений дым;
В сердцах их честь и гордость спят.
Друзья! Давайте крикнем им:
«Прочь! Ваших мудрствований чад
Темнее сделал эту ночь,
И отравляет он, как яд,
Умы и души юных... Прочь!..
Прочь!.. Здесь объявлена богам
За право первенства война!»

2

Во тьме нами созданной ночи
Пронесются серые совы...
И блещут их мрачные очи,
И злы, и угрюмо суровы!..
И гулко их крики несутся,
Смеются они и рыдают,
Проклятья в них дню раздаются,
А ночь они смехом встречают...
О, если бы мрака оковы
С моей юной рощи упали,
Исчезли бы дикие совы,
И соколы только б летали!..
Но соколы — слабы и хилы —
Забилися робко в ущелья
И злятся без чести и силы
Под звуки чужого веселья.
Их крылья уныло повисли,
Постыдно сердца у них дремлют,
И голосу чести и мысли
Свободные птицы не внемлют...

1898

СТИХИ_ПОРОБА

Из рассказа «Разговор по душе»

Жизнь — мгновение...
Ощущение — .
Суть и смысл жизни всей.
Всего менее
Преступление
Порицать нужно в ней!
К черту проповедь любви!
Разве нам она понятна?..
Жизнь — минута — и живи
Тем, что просто и приятно!..
Только начал жить, ан глядь —
Уж Плутон вблизи затопал...
Торопись цветы срывать!..
Кашку слопал — чашку об пол!
Право, проще сей морали
Ничего нельзя сказать;
Чтоб другие не орали!
Без сомнения,
Поучения
Можно слушать, друзья,
Тем не менее
Ощущение —
Суть и цель бытия!..

1893

СТИХИ ОДНОГО ПОЭТА

Из рассказа «Грустная история»

Я жизнью жестоко обманут,
И столько я бед перенес,
Что больше в душе не воспрянут
Рои погребенных в ней грез!
Их много там! Склеп им так тесен!..
Я в саваны рифм их одел,
И много над ними я песен
Печальных, как стоны, пропел...
..

Пропел — и теперь не нарушу
Я больше их мертвого сна...
Господь! Упокой мою душу!
Она безнадежно больна...

Ни капли я счастья не пил,
И ждать я его не могу!
Нет, сердце, сожженное в пепел,
Надеждой я вновь не зажгу!
Обманов и грез мне не надо —
Пусть мир их отраден и мил,
Милей мне бокал того яда,
Который всё время я пил!
Я жизнь мою смело разрушу,
Когда его выпью до дна...
Тогда... упокою ли душу,
Что так нестерпимо больна?

Мне жизни игра непонятна —
Я пасынок грубой земли;
На сердце мне темные пятна
Глубокой печали легли.
И жизнь прохожу я фатально,
Не нужен я в ней никому;
В ней сердцу живется печально,
И слишком в ней темно уму!
Я встречи со смертью не трушу,
Пусть смерть холодна и темна.
Господь! Упокой мою душу!
Она безнадежно больна!

<1895>

СТИХИ ПОЭТА МИЛЯЕВА

Из рассказа «Неприятность»

Дремлет сад... И небо дремлет...
И, впивая аромат
Сонных роз, высоко в небе
Крошечки-звезды тоже спят...

Вот плывут куда-то тени,
Тихо, медленно плывут,
И мое больное сердце
Вдаль с собой они зовут.

Под окном моим сквозь дрему
Шелестит ветвями клен,
У корней его левкои
Погрузились в сладкий сон.

И когда над садом ветер
Вдруг задумчиво вздохнет,
Мне лицо их тонкий запах
С тихой лаской опахнет.

Но зачем? Я этой лаской
Не утешен, не согрет.
Что цветы мне, что мне звезды,
Если в сердце жизни нет!

<1895>

ПЕСНЬ РАГНАРА

Из рассказа «Возвращение норманнов из Англии»

Мы рубились мечами в пятьдесят одной битве.
Много пролито нами алой крови врагов!
Мы на крыльях служили скоттам, бриттам обедню,
Много мы положили в землю храбрых людей,
И в чертоги Одина мы проводили
В битвах с людом Эрина храбро павших норманн.
Облеченные славой и с богатой добычей,
От потехи кровавой мчимся мы отдыхать.
Крики боли, проклятья — позади нас остались.
Ждут нас женщин объятия, ждут нас песни любви.
Битвы, трупы, руины — позади нас остались.
И — морей властелины — мы рабы впереди.
Славой воинов горды, женщин ей мы оделим,
И родные фиорды будут храбрых венчать.
Дни пройдут, и норманны, молодые орлята,
Снова ринутся в битвы на Зеленый Эрин.

Мы живем только в битвах, мы хотим только славы,
Чтоб в Валгале с Оди́ном было весело нам.
Мы рубились мечами в пятьдесят одной битве,
Много пролито нами алой крови врагов!

<1895>

СТИХИ НЕГУДНИЛА ХЛАМИДЫ

Из фельетонов «Между прочим»

1

Смертный, входящий в Самару с надеждой в ней
встретить культуру,
Вспять возвратися, зане город сей груб и убог.
Ценят здесь только скотов, знают цены на сало
и шкуру,
Но не умеют ценить к высшему в жизни дорог.

2

Извозчик! Милый! Увези ты
Меня, пожалуйста, туда,
Где эти скучные визиты
Не нужно делать никогда!
Пусть в той стране живут шакалы,
И крокодилы, и слоны,
Пусть вся она — песок да скалы,
Но не хочу я ветчины!
Пускай песок ее гиены
Моею кровью оросят,
Пусть я умру — все люди тленны! —
Но не хочу я поросят.
Здесь поросята отовсюду
Мне лезут в рот, в глаза глядят,
Но больше я их есть не буду,
Хоть пусть они меня съедят.
О гуси, утки, кильки, шпроты,
От вас бежать хочу я вдаль.

И в арестантские мне роты
И то на праздник сесть не жаль!
О вы, наливки, водки, вина!
Скажите, в чем моя вина?
Я стал тяжел, как ты, свинина,
И красен я, как ветчина!
Извозчик! Но, вези меня...

1895

СТИХИ СЕМЕНА ЯСТРЕБОВА

Из рассказа «О писателе, который зазнался»

«М. Г. господин писатель!

Будучи заинтересован, почему это публика так здорово покупает ваши многоуважаемые книги, я оные прочел, и из меня вылились следующие стихи:

Как лилии в болоте,
В душе моей унылой
Цвели мечты и грезы
О жизни без препон.
Цвели они, но — кратко,
Цвели и — увядали,
И в тине сердца гнили,
И пахли очень скверно...
Но ты проник мне в сердце
Своим горячим словом,
Как искрами осыпал
Ты мрак моей души!
И запылал я страстно,
И стал безумно храбрым,
И ныне гордо пахну
Паленою щетиной.

*С истинным почтением
Семен Ястребов»*

1900

МОПОЛОГ ВАСЬКИ БУСЛАЕВА

Фрагмент неосуществленной пьесы «Васька Буслаев»

Эхма, кабы силы да поболе мне!
Жарко бы дохнул я — снегá бы растопил,
Круг земли пошел бы да всю распахал,
Век бы ходил — города городил,
Церкви бы строил да сады всё садил!
Землю разукрасил бы — как девушку,
Обнял бы ее — как невесту свою,
Поднял бы я землю ко своим грудям,
Поднял бы, понес ее ко господу:
— Глянь-ко ты, господи, земля-то какова, —
Сколько она Васькой изукрашена!
Ты вот ее камнем пустил в небеса,
Я ж ее сделал изумрудом дорогим!
Глянь-ко ты, господи, порадуйся,
Как она зелено на солнышке горит!
Дал бы я тебе ее в подарочек,
Да — накладно будет — самому дорогá!

<1902>

СТИХИ ПАВЛА ГРАЧЕВА

Из повести «Трое»

1

Ночь... Тошно! Сквозь тусклые стекла окна
Мне в комнату луч свой бросает луна,
И он, улыбаясь приятельски мне,
Рисует какой-то узор голубой
На каменной, мокрой, холодной стене,
На клочьях оборванных, грязных обой.
Сажу я, смотрю и молчу, всё молчу...
И спать я совсем не хочу...

Судьба меня душит, она меня давит...
То сердце царапнет, то бьет по затылку,
Сударку — и ту для меня не оставит.

Одно оставляет мне — водки бутылку...
Стоит предо мною бутылка вина...
Блестит при луне, как смеется она...
Вином я сердечные раны лечу:
С вина в голове зародится туман,
Я думать не стану и спать захочу...
Не выпить ли лучше еще мне стакан?
Я — выпью!.. Пусть те, кому спится, не пьют!
Мне думы уснуть не дают...

2

Изныли ноги,
Устало сердце —
Всё нет пути!
Земля родная!
Хоть ты скажи мне —
Куда идти?
Прилег к земле я —
К ее родимой
Сырой груди —
И слышал сердцем
Глубокий шепот:
— Сюда иди!

3

В недуге тяжком и в бреду
Я годы молодости прожил,
Вопрос — куда, слепой, иду? —
Ума и сердца не тревожил.

Мрак мою душу оковал
И ослепил мне ум и очи...
Но я всегда — и дни и ночи —
О чем-то светлом тосковал!..

Вдруг, светом внутренним полна,
Ты предо мною гордо встала —

И, дрогнув, мрака пелена
С души и глаз моих упала!

Да будет проклят этот мрак!
Свободный от его недуга,
Я чувствую — нашел я друга!
И ясно вижу — кто мой враг!..

1902

(ТИХИ КАЛЕРИИ

Из пьесы «Дачники»

1

ЭДЕЛЬВЕЙС

Лед и снег нетленным саваном вечно одевают вершины Альп, и царит над ними холодное безмолвие — мудрое молчание гордых высот.

Безгранична пустыня небес над вершинами гор, и бесчисленны грустные очи светил над снегами вершин.

У подножия гор, там, на тесных равнинах земли, жизнь, тревожно волнуясь, растет, и страдает усталый владыка равнин — человек.

В темных ямах земли — стон и смех, крики ярости, шепот любви... Многозвучна угрюмая музыка жизни земной!.. Но безмолвия горных вершин и бесстрастия звезд не смущают тяжелые вздохи людей.

Лед и снег нетленным саваном вечно одевают вершины Альп, и царит над ними холодное безмолвие — мудрое молчание гордых высот.

Но как будто затем, чтоб кому-то сказать о несчастьях земли и о муках усталых людей, — у подножия льдов, в царстве вечно немой тишины, одиноко растет грустный горный цветок — эдельвейс... .

А над ним, в бесконечной пустыне небес, молча гордое солнце плывет, грустно светит немая луна и безмолвно и трепетно звезды горят... .

И холодный покров тишины, опускаясь с небес, обнимает и ночью и днем одинокий цветок — эдельвейс.

<1904>

Осени дыханием гонимы,
 Медленно с холодной высоты
 Падают красивые снежинки,
 Маленькие, мертвые цветы...
 Кружатся снежинки над землею,
 Грязной, утомленной и больной,
 Нежно покрывая грязь земную
 Ласковой и чистой пеленой...
 Черные задумчивые птицы...
 Мертвые деревья и кусты...
 Белые безмолвные снежинки
 Падают с холодной высоты...

<1904>

СТИХИ ВЛАСА

Из пьесы «Дачники»

1

Маленькие, нудные людишки
 Ходят по земле моей отчизны,
 Ходят и — уныло ищут места,
 Где бы можно спрятаться от жизни.
 Все хотят дешевенького счастья,
 Сытости, удобств и тишины,
 Ходят и — все жалуются, стонут,
 Серенькие трусы и лгуны.
 Маленькие, краденые мысли...
 Модные, красивые словечки...
 Ползают тихонько с краю жизни
 Тусклые, как тени, человечки.

2

Как персик, так и ананас
 Природой создан не для нас.
 О Влас! Не пяль напрасно глаз
 На персик и на ананас!

<1904>

СТИХИ ИЗ РАССКАЗА «ТЮРЬМА»

Сквозь железные решетки
С неба в окна смотрят звезды...
Ах! В России даже звезды
Смотрят с неба сквозь решетки...

<1905>

СТИХИ ПЛАТОНА БАГРОВА

Из рассказа «Рассказ Филиппа Васильевича»

1

Ночь пришла. Сижу я у окна.
Сад уснул. В нем — тьма и тишина.
Я смотрю в немую ночи тьму,
И душа моя кричит невольно:
Почему мне тяжело и больно?
Почему?

Нет нигде душе моей ответа...
Душной тьмою всё кругом одето...
Спит земля, и влажный воздух нем...
Только мое сердце громко бьется —
О, зачем она всегда смеется?
О, зачем?

2

Прощай! Душа — тоской полна...
Я вновь, как прежде, одинок,
И снова жизнь моя темна.
Прощай, мой ясный огонек!..
Прощай!

Прощай. Я поднял паруса,
Стою печально у руля,
И резвых чаек голоса

Да белой пены полоса —
Всё, чем прощается земля
Со мной... Прощай!

Даль моря мне грозит бедой,
И червь тоски мне душу гложет,
И грозно воеет вал седой...
Но — море всей своей водой
Тебя из сердца смыть не может!..
Прощай!

<1905>

СТИХИ ЛИЗЫ

Из пьесы «Дети солнца»

1

Орел поднимается в небо,
Сверкая могучим крылом...
И мне бы хотелось, и мне бы
Туда, в небеса, за орлом!

Хочу! Но бесплодны усилья!
Я — дочь этой грустной земли,
И долго души моей крылья
Влачили в грязи и пыли...

Люблю ваши дерзкие споры
И яркие ваши мечты,
Но — знаю я темные норы,
Живут в них слепые кроты;

Красивые мысли им чужды,
И солнцу душа их не рада,
Гнетут их тяжелые нужды,
Любви и вниманья им надо!

Они между мною и вами
Стоят молчаливой стеною...
Скажите — какими словами
Могу я увлечь их за мною?

2

Милый мой идет среди пустыни
В знойном море красного песка...
Знаю я, в дали туманно-синей
Ждет его пустыня и тоска...

Солнце, точно чье-то злое око,
Молча смотрит с неба жгучим взглядом...
Я приду и встану с милым рядом —
Трудно ему там и одиноко!..

Мой милый — строен и высок,
А я — красива и легка,
И оба мы, как два цветка,
На красный брошены песок...

И вдвоем, объаты жгучим зноем,
Мы пойдем далеко по песку,
И в пустыне мертвой мы зароем:
Он — свои мечты... а я — тоску...

1905

СТИХИ ВАГИНА

Из пьесы «Дети солнца»

Как искры в туче дыма черной,
Средь этой жизни мы — одни,
Но мы в ней — будущего зерна!
Мы в ней — грядущего огни!

Мы дружно служим в светлом храме
Свободы, правды, красоты —
Затем чтоб гордыми орлами
Слепые выросли кроты...

СТИХИ СИМЫ ДЕВУШКИНА

Из повести «Городок Окуров»

1

Позади у нас — леса,
Впереди — болото.
Господи! Помилуй нас!
Жить нам — неохота.

Скушно, тесно, голодно —
Никакой отрады!
Многие живут лет сто —
А зачем их надо?

Может, было б веселей,
Кабы вдоволь пищи...
Ну, а так — живи скорей,
Да и — на кладбище!

2

Боже, мы твои люди,
А в сердцах у нас — злоба!
От рожденья до гроба
Мы друг другу — как звери!

С нами, господи, буди!
Не твои ли мы дети?
Мы тоскуем о вере,
О тебе, нашем свете...

3

Пресвятая богородица,
Мати господя всевышнего!
Обрати же взор твой ласковый
На несчастную судьбу детей!
В темных избах дети малые
Гибнут с холода и голода,

Их грызут болезни лютые,
Глазки деток гасит злая смерть!
Редко ласка отца-матери
Дитя малое порадует,
Их ласкают — только мертвеньких,
Любят — по пути на кладбище...

4

Правду рассказать про вас
Я никак не смею,
Потому — вы за нее
Сломите мне шею.
Будь я ровня вам, тогда
Я бы — не боялся
И без всякого труда
Над вами посмеялся.
Стыдно мне смотреть на вас,
Стыдно и противно...

5

Ходят волки по полям да по лесам,
Воют, морды поднимая к небесам,
Я волкам тоской моей,
Точно братьям, — кровно сроден,
И не нужен, не угоден
Никому среди людей!
Тяжело на свете жить!
И живу я тихомолком.
И боюсь — серым волком
Громко жалобу завывать!

6

Эх, попел бы я веселых песен!
Да кому их в нашем месте нужно?
Город для веселья — глух и тесен,
Все живут в нем злобно и недужно.

В городе у нас — как на погосте —
Для всего готовая могила.
Братцы мои! Злую склоку бросьте,
Чтобы жить на свете легче было!

7

Снова тучи серые мчатся над болотами,
Разлилася в городе тишина глубокая,
Люди спят, измучены тяжкими заботами,
И висит над сонными небо одноокое...
В небе тучи гонятся за слепой луной,
Полям тихо крадется чья-то тень за мной...

8

Полям идут двое —
Старый с молодым...
Перед ними — тени
Стелются, как дым...
Старый молодому
Что-то говорит,
Впереди далеко
Огонек горит...
Узкою тропинкою
Тесно им идти,
Покрывают тени
Ямы на пути.
Оба спотыкаются,
Попадая в ямы,
Но идут тихонько
Дальше всё и прямо.
Господи владыко!
Научи ты их,
Как дойти средь ночи
До путей твоих!

9

Господи — помилуй!
Мы — твои рабы!
Где же взять нам силы

Против злой судьбы
И нужды проклятой?
В чем мы виноваты?
Мы тебе — покорны,
Мы с тобой — не спорим,
Ты же смертью черной
И тяжелым горем
Каждый день и час
Убиваешь нас!

1909

ПЕСНЯ ИЗВОЗЧИКА КАРЛО БАМБОЛО

Из «Сказок об Италии»

Пусть исчезнут все заботы,
Пропадет навеки горе,
Чтоб весь год не знать болезней,
Не открыть нам рта для жалоб!

Видишь, как горит на небе
Лучезарное светило?
Пусть вот так же разгорится
Наша жизнь тепло и ярко!..

<1910>

СТИХИ ПОЭТА КЕРМАНИ

Из «Сказок об Италии»

Что прекрасней песен о цветах и звездах?
Всякий тотчас скажет: песни о любви!
Что прекрасней солнца в ясный полдень мая?
И влюбленный скажет: та, кого люблю!

Ах, прекрасны звезды в небе полуночи — знаю!
И прекрасно солнце в ясный полдень лета — знаю!
Очи моей милой всех цветов прекрасней — знаю!
И ее улыбка ласковее солнца — знаю!

Но еще не спета песня всех прекрасней,
Песня о начале всех начал на свете,
Песнь о сердце мира, о волшебном сердце
Той, кого мы, люди, Матерью зовем!

<1911>

СТИХИ РАБОЧЕГО ВИПЧЕНЦО

Из «Сказок об Италии»

На берег пустынный, на старые серые камни
Осеннее солнце прощально и нежно упало.
На темные камни бросаются жадные волны
И солнце смывают в холодное синее море.

И медные листья деревьев, оборванны ветром осенним,
Мелькают сквозь пену прибой, как пестрые мертвые
птицы,
А бледное небо — печально, и гневное море — угрюмо.
Одно только солнце смеется, склоняясь покорно
к закату.

<1912>

СТИХИ ВОРОБУШКА ПУДИКА

Из рассказа «Воробышко»

Жил-был желторотый воробей, звали его Пудик... Он сидел на самом краю гнезда и во всё горло распевал стихи собственного сочинения:

Эх, бескрылый человек,
У тебя две ножки,
Хоть и очень ты велик,
Едят тебя мошки!
А я маленький совсем,
Зато сам мошек ем.

<1912>

Осенило поэта вдохновение, и тотчас же в уме его сложился образ:

Как черный бич — в пыли дорожной
Лежит — раздавлен — труп змеи.
Над ним — рой мух гудит тревожно,
Вокруг — жуки и муравьи.

Белеют тонких ребер звенья
Сквозь прорванную чешую...
Змея! Ты мне напоминаешь
Любовь издохшую мою...

2

Пестрый бич наших страстных желаний
Гонит нас в кольца Смерти-Змеи,
Мы плутаем в глубоком тумане.
Ах — убьемте желанья свои!

Они вдаль нас обманно манят,
Мы влачимся сквозь терн обид,
По пути — сердце скорби нам ранят,
А в конце его — каждый убит...

И прочее в этом духе — двадцать восемь строк...

А один юноша — очень хороший юноша, мучительно искавший смысла жизни, — прочитал эти стихи и застрелился.

Он, видите ли, был уверен, что автор стихов, прежде чем отвергнуть жизнь, искал смысла в ней так же долго и мучительно, как искал сам он, юноша, и он не знал, что эти мрачные мысли продаются по шестнадцати копеек строка. Серьезный был.

1912

СТИХИ ПОЭТА СМЕРТЯШКИНА

Из «Русских сказок»

1

Бьют тебя по шее или в лоб, —
Всё равно, ты ляжешь в темный гроб...
Честный человек ты иль прохвост, —

Всё-таки оттащат на погост...
Правду ли ты скажешь иль соврешь, —
Это всё едино: ты умрешь!..

2

Нас ежедневно жизнь разит,
Нам отовсюду смерть грозит.
Со всяких точек зрения,
Мы только жертвы тления!

3

Чу, смерть стучит рукою честной
По крышке гроба, точно в бубен!..
Я слышу зов ее так ясно
Сквозь пошлый хаос скучных буден.

Жизнь спорит с нею — лживым кличем
Зовет людей к своим обманам;
Но мы с тобой не увеличим
Число рабов, плененных ею!

Нас не подкупишь ложью сладкой,
Ведь знаем мы с тобою оба:
Жизнь — только миг, большой и краткий,
А смысл ее — под крышкой гроба!

4

Я и ты — одна душа и тело!
Мы с тобой теперь навеки слиты.
Это смерть так мудро повелела,
Мы — ее рабы и сателлиты!..

5

Что такое наше «я»,
Смертная моя?
Нет его иль есть оно —

Это всё равно!
Будь активна, будь инертна, —
Всё равно, ты не бессмертна!

6

В жизни мы — как будто на вокзале
Пред отъездом в темный мир загробный...
Чем вы меньше чемоданов взяли,
Тем для вас и легче, и удобней!

Будем жить бессмысленно и просто!
Будь пустым, тогда и будешь чистым.
Краток путь от люльки до погоста!
Служит Смерть для жизни машинистом!..

7

Всюду жирный трупный запах
Смерть над миром пролила.
Жизнь в ее когтистых лапах,
Как овца в когтях орла.

8

Однажды Смертяшкин, глядя, как его пятилетняя дочурка
Лиза гуляет в саду, написал:

Маленькая девочка ходит среди сада,
Беленькая ручка дерзко рвет цветы...
Маленькая девочка, рвать цветы не надо,
Ведь они такие же хорошие, как ты!

Маленькая девочка! Черная, немая,
За тобою следом тихо смерть идет,
Ты к земле наклонишься, — косу поднимая,
Смерть оскалит зубы и — смеется, ждет...

Маленькая девочка! Смерть и ты — как сестры;
Ты ненужно губишь яркие цветы,

А она косою острой — вечно острой! —
Убивает деток, вот таких, как ты. . .

9

Долго, сладостно и ярко
На земле мы любим жить,
Но придет однажды Парка
И обрежет жизни нить!

Обсудивши этот случай,
Не спеша, со всех сторон,
Предлагаем самый лучший
Матерьял для похорон!

Всё у нас вполне блестяще,
Не истерто, не старо:
Заходите же почаще
В наше «Новое бюро»!

Могильная, 16.

1912

СТИХИ ЕГОРКИ

Из «Русских сказок»

О вестник утра, красный петел!
Почто умолк твой гордый клич?
Сменил тебя — как я заметил —
Угрюмый сын.

Не хочет будущего барин,
И снова в прошлом все мы днесь. . .
А ты, о петел, был зажарен
И съеден весь. . .

Когда нас снова к жизни взманит?
И кто нам будет утро петь?
Ах, если петухов не станет —
Проспим мы ведь!

1912

СТИХИ ПРОХОДЯЩЕГО

Из рассказа «Женщина»

Все родной землю нашей
Мы для счастья рождены!
Для того, чтоб быть ей краше,
Солнцем мы земле даны!

В этом светлом солнца храме
Мы и боги, и жрецы.
Нами жизнь творима, нами!..

1912

СТИХИ БАБУШКИ АКУЛИНЫ ИВАНОВНЫ

Из повести «Детство»

1

**ИСТОРИЯ ПРО ИВАНА-ВОИНА
И МИРОНА-ОТШЕЛЬНИКА**

Жил-был злой воевода Гордион,
Черная душа, совесть каменная;
Правду он гнал, людей истязал,
Жил во зле, словно сыч в дупле.

Пуще же всего невзлюбил Гордион
Старца Мирона-отшельника,
Тихого правды защитника,
Миру доброддея бесстрашного.
Кличет воевода верного слугу,
Храброго Иванушку-воина:
«Подь-ка, Иванко, убей старика,
Старчища Мирона кичливого!
Подь да сруби ему голову,
Подхвати ее за сиву бороду,
Принеси мне, я собак прокормлю!»
Пошел Иван, послушался.
Идет Иван, горько думает:
«Не сам иду — нужда ведет!
Знать, такая мне доля от господ».

Спрятал вострый меч Иван под полу,
Пришел, поклонился отшельнику:
«Всё ли ты здоров, честной старичок?
Как тебя, старца, господь милует?»
Тут прозорливец усмехается,
Мудрыми устами говорит ему:
«Полно-ка, Иванушка, правду-то скрывать!
Господу богу всё ведомо,
Злое и доброе в его руке!
Знаю ведь, пошто ты пришел ко мне!»

Стыдно Иванке пред отшельником,
А и боязно Ивану послушаться.
Вынул он меч из кожаных ножен,
Вытер железо широкой полой.
«Я было, Мироне, хотел тебя убить
Так, чтобы ты и меча не видал.
Ну, а теперь молись господу,
Молись ты ему в останний раз
За себя, за меня, за весь род людской,
А после я тебе срублю голову! . . .»

Стал на колени старец Мирон,
Встал он тихонько под дубок молодой,
Дуб перед ним преклоняется.
Старец говорит, улыбаючись:
«Ой, Иван, гляди: долго ждать тебе!
Велика молитва за весь род людской!
Лучше бы сразу убить меня,
Чтобы тебе лишнего не маяться!»

Тут Иван сердито прихмурился,
Тут он глупенько похвастался:
«Нет, коли сказано, так сказано!
Ты, знай, молись, я хоть век подожду!»

Молится отшельник до вечера,
С вечера он молится до утренней зари,
С утренней зари он вплоть до ночи,
С лета он молится опять до весны.
Молится Мироне год за годом,

Дуб-от молодой стал до облака,
С желудя его густо лес пошел,
А святой молитве всё нет конца!

Так они по сей день и держатся:
Старче всё тихонько богу плачется,
Просит у бога людям помощи,
У преславной богородицы — радости,
А Иван-от воин стоит около,
Меч его давно в пыль рассыпался,
Кованы доспехи съела ржавчина,
Добрая одежда поистлела вся,
Зиму и лето гол стоит Иван,
Зной его сушит — не высушит,
Гнус его кровь точит — не выточит,
Волки, медведи не трогают,
Вьюги да морозы не для него.
Сам-от он не в силе с места двинуться,
Ни руки поднять и ни слова сказать.
Это, вишь, ему в наказание дано:
Злого бы приказу не слушался,
За чужую совесть не прятался!
А молитва старца за нас, грешников,
И по сей добрый час течет ко господу,
Яко светлая река в окиян-море!

2

ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК МУДРЫЙ ПУСТЫННИК ИОНА, ВДУДЧИ ОТРОКОМ, СУДИЛСЯ СО СВОЕЙ МАЧЕХОЙ ВОЖЬИИ СУДОМ

Мачеха загубила отца Ионы, угличанина, рыбака на Белоозере:

Извела молодая жена:
Напоила его крепкой брагою,
А еще — сонным зелием.
Положила его, сонного,
Во дубовый челн, как во тесный гроб,
А взяла она весельце кленовое,
Сама выгребла посередь озера
Что на те ли, на темные омуты,
На бесстыжее дело ведьмино.

Там нагнулася, покачнулася,
Опрокинула ведьма легок челн.
Муж-от якорем на дно пошел,
А она поплыла скоро к берегу,
Доплыла, пала на землю
И завыла бабьи жалобы,
Стала горе лживое оказывать.
Люди добрые ей поверили,
С нею вместе горько плакали:
«Ой же ты, молодая вдова!
Великое твое горе женское,
А и жизнь наша — дело божие,
А и смерть нам богом посылается!»

Только пасынок Ионушко
Не поверил слезам мачехи,
Положил он ей ручку на сердце,
Говорил он ей кротким голосом:
«Ой ты, мачеха, судьба моя,
Ой ты, птица ночная, хитрая,
А не верю я слезам твоим:
Больно сердце у тебя бьется радостно!
А давай-ко ты спросим господу,
Все святые силы небесные:
Пусть возьмет кто-нибудь булатный нож
Да подбросит его в небо чистое;
Твоя правда — нож меня убьет,
Моя правда — на тебя падет!»

Поглядела на него мачеха,
Злым огнем глаза ее вспыхнули,
Крепко она встала на ноги,
Супроти Ионы заспорила:
«Ах ты, тварь неразумная,
Недоносок ты, выбросок,
Ты чего это выдумал?
Да ты как это мог сказать?»

Смотрят на них люди, слушают,
Видят они — дело темное.
Приуныли все, призадумались,
Промежду собой совещаются.

После вышел рыбак старенький,
Поклонился во все стороны,
Молвил слово решенное:
«А вы дайте-ко, люди добрые,
В праву руку мне булатный нож,
Я воскину его до неба,
Пусть падет, чья вина — найдет!»

Дали старцу в рученьку острый нож,
Взбросил он его над седою головой,
Птицею нож полетел в небеса,
Ждут-пождут — он не падает.
Смотрят люди во хрустальную высь,
Шапки снимали, тесно стоят,
Все молчат, да и ночь нема, —
А нож с высоты всё не падает!
Вспыхнула на озере алая заря,
Мачеха зарделась, усмехнулася,
Тут он быстрой ласточкой летит к земле —
Прямо угодил в сердце мачехе.

Встали на колени люди добрые,
Господу богу помолилися:
«Слава тебе, господи, за правду твою!»
Старенький рыбак взял Ионушку
И отвел его в далекий скит,
Что на светлой реке Керженце,
Близко невидима града Китежа...

8

СТИХИ ПРО ДЬЯКА ЕВСТИГНЕЯ

Жил-был дьяк Евстигней,
Думал он — нет его умней
Ни в попах, ни в боярах,
Ни во псах, самых старых!
Ходит он кичливо, как пырин,
А считает себя птицей Сирина,
Учит соседей, соседок,
Всё ему не так да не эдак.

Взглянет на церковь — низка!
Покосится на улицу — узка!
Яблоко ему — не румяно!
Солнышко взошло — рано!
На что ни укажут Евстигнею,
А он:

«Я-ста сам эдак-то умею,
Я-ста сделал бы и лучше вещь эту,
Да всё время у меня нету».

И пришли ко дьяку в ночи беси:
«Тебе, дьяк, не угодно здесь?
Так пойдем-ко ты с нами во ад,
Хорошо там уголья горят!»
Не поспел умный дьяк надеть шапки,
Подхватили его беси в свои лапки,
Тащат, щекотят, воют,
На плечи сели ему двое,
Сунули его в адское пламя.
«Ладно ли, Евстигнеюшка, с нами?»
Жарится дьяк, озирается,
Руками в бока подпирается,
Губы у него спесиво надуты.
«А угарно, — говорит, — у вас в аду-то!»

1913

СТИХИ БАБУШКИ АКУЛИНЫ ИВАНОВНЫ

Из повести «В людях»

1

Богатому о господе не думается,
О страшном суде не мерещится,
Бедный-то ему ни друг, ни брат,
Ему бы всё только золото собирать —
А быть тому злату в аду угольями!

2

Ой, уходит солнце летнее
В темны ночи, за далекие леса!

Эх, осталася я, девушка,
Без весенней моей радости, одна...

Выйду ль утром за околицу,
Вспомню майские гулянки мои, —
Поле чистое нерадостно глядит —
Потеряла я в нем молодость свою.

Ой, подруженьки любезные мои!
Уж как выпадет да первый легкий снег, —
Выньте сердце из белой моей груди,
Схороните мое сердце во снегу!..

1916

СТИХИ АЛЕШИ ПЕШКОВА

Из повести «В людях»

Обложили окаянные татарове
Да своей поганой силищей,
Обложили они славен Китеж-град
Да во светлый час, заутренний...

Ой ли, господи, боже наш,
Пресвятая богородица!
Ой, сподобьте вы рабей своих
Достоять им службу утренню,
Дослушать святое писание!

Ой, не дайте татарину
Святу церкву на глумление,
Жен, девиц — на посрамление,
Малых детушек — на игрище,
Старых старцев — на смерть лютую!

А услышал господь Саваоф,
Услыхала богородица
Те людские воздыхания,
Христианские жалости.

И сказал господь Саваоф
Свет-архангеле Михаиле:
«А поди-ка ты, Михайло,
Сотряхни землю под Китежем,
Погрузи Китеж во озеро;
Ин пускай там люди молятся
Без отдыху да без устали
От заутрени до всенощной
Все святы службы церковные
Во веки и века веков!»

1916

САМОВАР

Рассказ для детей

Было это летней ночью на даче.

В маленькой комнате стоял на столе у окна пузатый самовар и смотрел в небо, горячо распевая:

Замечаете ли, чайник, что луна
Чрезвычайно в самовар влюблена?

Дело в том, что люди забыли прикрыть трубу самовара тушилкой и ушли, оставив чайник на конфорке; углей в самоваре было много, а воды мало — вот он и кипятился, хвастаясь перед всеми блеском своих медных боков.

Чайник был старенький, с трещиной на боку, и очень любил дразнить самовар. Он уж тоже начинал закипать; это ему не нравилось, — вот он поднял рыльце кверху и шипит самовару, подзадоривая его:

На тебя луна
Смотрит свысока,
Как на чудака, —
Вот тебе и на!

Самовар фыркает паром и ворчит:

Вовсе нет, мы с ней — соседи.
Даже несколько родня:
Оба сделаны из меди,
Но она — тусклей меня,

Эта рыжая лунишка, —
Вот на ней какие пятна!

Ах, какой ты хвастунишка,
Даже слушать неприятно! —

зашипел чайник, тоже выпуская из рыльца горячий пар.

Этот маленький самовар и вправду очень любил хвастаться; он считал себя умницей, красавцем, ему давно уже хотелось, чтоб луну сняли с неба и сделали из нее поднос для него.

Форсисто фыркая, он будто не слышал, что сказал ему чайник, — поет себе во всю мочь:

Фух, как я горяч!
Фух, как я могуч!
Захочу — прыгну, как мяч,
На луну выше туч!

А чайник шипит свое:

Вот извольте говорить
С эдакой особой.
Чем зря воду-то варить,
Ты — прыгни, попробуй!

Самовар до того раскалился, что посинел весь и дрожит, гудит:

Покиплю еще немножко,
А когда наскучит мне —
Сразу выпрыгну в окошко
И женюся на луне!

Так они оба всё кипели и кипели, мешая спать всем, кто был на столе. Чайник дразнит:

Она тебя круглей.

Зато в ней нет углей, —

отвечает самовар.

Синий сливочник, из которого вылили все сливки, сказал пустой стеклянной сахарнице:

Всё пустое, всё пустое!
Надоели эти двое!

Да, их болтовня
Раздражает и меня, —

ответила сахарница сладеньким голосом. Она была толстая, широкая и очень смешлива, а сливочник — так себе, горбатенький господин унылого характера с одной ручкой; он всегда говорил что-нибудь печальное.

— Ах, — сказал он, —

Всюду — пусто, всюду — сухо,
В самоваре, на луне.

Сахарница, пожившись, закричала:

А в меня залезла муха
И щекочет стенки мне...
Ох, ох, я боюсь,
Что сейчас засмеюсь!

Это будет странно —
Слушать смех стеклянный, —

невесело сказал сливочник.

Проснулась чумазая тушилка и зазвенела:

Дзины! Кто это шипит?
Что за разговоры?
Даже кит ночью спит,
А уж полночь скоро!

Но, взглянув на самовар, испугалась и звенит:

Ах, люди все ушли
Спать или шляться,
А ведь мой самовар
Может распаяться!
Как они могли забыть
Обо мне, тушилке?
Ну, придется им теперь
Почесать затылки!

Тут проснулись чашки и давай дребезжать:

Мы скромные чашки,
Нам всё всё равно!

Все эти замашки
Мы знаем давно!
Нам ни холодно, ни жарко,
Мы привыкли ко всему!
Хвастун самоварко,
И не верим мы ему.

Заворчал чайник:

Ф-фу, как горячо,
Жарко мне отчаяно,
Это не случайно,
Это чрезвычайно!

И — лопнул!

А самовар чувствовал себя совсем плохо: вода в нем давно вся выкипела, а он раскалился, кран у него отпаялся и повис, как нос у пьяного, одна ручка тоже вывихнулась, но он всё еще храбрился и гудел, глядя на луну:

Ах, будь она ясней,
Не прячься она днем,
Я поделился б с ней
Водою и огнем!
Она со мной тогда
Жила бы не скучая,
И шел бы дождь всегда
Из чая!

Он уж почти не мог выговаривать слов и наклонился набок, но всё еще бормотал:

А если днем она должна ложиться спать,
Чтоб по ночам светлей сияло ее дощце, —
Я мог бы на себя и днем и ночью взять
Обязанности солнца!
И света, и тепла земле я больше дам,
Ведь я его и жарче, и моложе!
Светить и день и ночь ему не по годам, —
А это так легко для медной рожи!

Тушилка обрадовалась, катается по столу и звенит:

Ах, это очень мило!
Это очень лестно!

Я бы солнце потушила,
Ах, как интересно!

Но тут — крак! — развалился самовар на кусочки,
кран клюкнулся в полоскательную чашку и разбил ее,
труба с крышкой высунулась вверх, покачалась, покачалась и упала набок, отколов ручку у сливочника; тушилка, испугавшись, откатилась на край стола и бормочет:

Вот смотрите: люди вечно
Жалуются на судьбу,
А тушилку позабыли
Надеть на трубу!

А чашки, ничего не боясь, хохочут и поют:

Жил-был самовар,
Маленький да пылкий,
И однажды не прикрыли
Самовар тушилкой!
Был в нем сильный жар,
А воды немного;
Распаялся самовар, —
Туда ему дорога,
Туда и дорога-а!

<1918 >

ПЕСНИ МОЛДАВАНСКОЙ ДЕВУШКИ

Из рассказа «На Чангуле»

1

Темная дорога ночью среди степи —
Боже мой, о боже! — так страшна!
Я одна на свете, сиротой росла я,
Степь и солнце знают — я одна!

Красные зарницы жгут ночное небо, —
Страшно в синем небе маленькой луне!
Господи! На счастье иль на злое горе
Сердце мое тоже всё в огне?

Больше я не в силах ждать того, что будет...
Боже мой, как сладко дышат травы!
О, скорей бы зорю тьма ночная скрыла!
Боже, как лукавы мысли у меня...

Буду я счастливой, — я цветы посею,
Много их посею, всюду, где хочу!
Боже мой, прости мне! Я сказать не смею
То, на что надеюсь... нет, я промолчу...

Крепко знойным телом я к земле приникла,
Не видна и звездам в жаркой тьме ночной.
Кто там степью скачет на коне на белом?
Боже мой, о боже! Это — он, за мной?

Что ему скажу я, чем ему отвечу,
Если остановит он белого коня?
Господи, дай силу для приветной речи,
Ласковому слову научи меня!

Он промчался мимо встречу злым зарницам.
Боже мой, о боже! Почему?
Господи, пошли скорее серафима
Белой вещей птицей вслед ему!

2

Ой, Мара!

К тебе под оконце
Пришел я недаром сегодня,
Взгляни на меня, мое солнце,
Я дам тебе, радость господня,
Монисто и талеры, Мара!
Ой, Мара!

Пусть красные шрамы
Лицо мое старое режут, —
Верь — старые любят упрямо
И знают, как женщину нежить,
Поверь сердцу старому, Мара!
Ой, Мара!

Ты знаешь, быть может,
Бог дал эту ночь мне последней,

А завтра меня уничтожит, —
Так пусть отслужу я обедню
Святой красоте твоей, Мара!..
Ой, Мара!

Между 1912 и 1918

ПЕСЕНКА ПЕРСА

Из рассказа «Весельчак»

Я хочу делать хорошие дела...
Ах, надо ехать в Фарсистан!
Скажи, мой добрый джин,
Сколько беды и зла
Готовит мне шайтан?

У меня молодая жена...
Люблю ее мягкие колени!
А мне надо ехать в Фарсистан!
Скажи, добрый джин,
С кем жена мне изменит?

У меня есть два друга, —
Скучно мне без них станет!
Мне ведь надо ехать в Фарсистан.
Скажи, добрый джин, —
Который друг меня обманет?

Ах, я человек смирный,
А дорога мне незнакома...
Как тут ехать в Фарсистан?
Скажи, добрый джин, —
Не умнее ли буду я дома?

А не послать ли к шайтану
Дела, друзей и жену?
Не надо ехать в Фарсистан!
Лучше я сам всех обману,
А потом — напьюсь пьяный...

Между 1912 и 1918

СТИХИ РАССКАЗЧИКА

Из рассказа «О первой любви»

Сударыня!
За ласку, за нежный взгляд
Отдается в рабство ловкий фокусник,
Которому тонко известно
Забавное искусство
Создавать маленькие радости
Из пустяков, из ничего!

Возьмите веселого раба!
Может быть, из маленьких радостей
Он создаст большое счастье, —
Разве кто-то не создал весь мир
Из ничтожных пылинок материи?

О да! Мир создан невесело:
Скупы и жалки радости его!
Но всё-таки в нем есть немало забавного,
Например: Ваш покорный слуга,
И — есть в нем нечто прекрасное, —
Это я говорю о Вас!

Вы!
Но — молчание!
Что значат тупые гвозди слов
В сравнении с Вашим сердцем,
Лучшим из всех цветов
Бедной цветами земли?

<1923>

СТИХИ ФОМИНА

Из «Рассказа об одном романе»

1

Синими очами океанов
Смотришь ты, земля моя родная,
На сестер твоих, златые звезды,
На златые звезды в небе синем.

О, какой тоскою светят в небо
Синей ночью очи океанов...

2

Навстречу странному виденью
Один иду тропой земной,
Моя тоска свинцовой тенью
Влачится по земле за мной.

Я никого не беспокою
Тем, чем больна душа моя, —
Неисчерпаемой тоскою
О тайном смысле бытия.

Ведь мне помочь не могут люди,
И я им — тож не помогу,
И кто из них меня осудит
За то, что я молчу, не лгу,
Не утешаю их словами,
Тоски моей им не дарю?

Я только с Вами, только с Вами
О ней шутиливо говорю...

<1924>

СТИХИ ИНОКОВА

Из романа «Жизнь Клима Самгина»

Сударыня!

Я — очень хорошая собака!
Это признано стадами разных скотов,
И даже свиньи, особенно враждебные мне,
Не отрицают некоторых достоинств моих.

Но я не могу найти человека,
Который полюбил бы меня бескорыстно.

Я неплохо знаю людей
И привык отдавать им всё, что имею,
Черная печали и радости жизни
Сердцем моим, точно медным ковшом.

Но — мне взять у людей нечего,
Я не ем сладкого и жирного,
Пошлость возбуждает у меня тошноту,
Еще щенком, я уже был окормлен ложью.

Я издыхаю от безумнейшей тоски,
Мне нужно человека,
Которому я мог бы радостно и нежно
лизать руки
За то, что он человечески хорош!

Сударыня!

Если Вы в силах послужить богом
Хорошей собаке, честному псу,
Право же — это не унизило бы Вас...

<1928>

СТИХИ ДЬЯКОНА

Из романа «Жизнь Клима Самгина»

Не спалося господу Иусу,
И пошел господь гулять по звездам,
По небесной, золотой дороге,
Со звезды на звездочку ступая.
Провожали господа Иуса
Николай, епископ Мирликийский,
Да Фома-апостол — только двое.
Думает господь большие думы,
Смотрит вниз — внизу земля вертится,
Кубарем вертится черный шарик,
Черт его железной цепью хлещет.
«Был я там», — сказал Христос печально,
А Фома-апостол усмехнулся
И напомнил: «Чай, мы все оттуда».

Поглядел Христос во тьму земную
И спросил угодника Николу:
«Кто это лежит там, у дороги,
Пьяный, что ли, сонный аль убитый?»
— «Нет, — ответил Николай-угодник. —
Это просто Васька Калужанин
О хорошей жизни замечтался».
Тут Христос, мечтателям мирволя,
Опустился голубем на землю.
Встал пред Васькой, спрашивает Ваську:
«Я — Христос, узнал меня, Василий?»
Васька перед богом — на колени,
Умилился духом, чуть не плачет.
«Господи! — бормочет, — вот так штука!
Мы тебя сегодня и не ждали!
Что ж ты не сказался мне заранее?
Я бы сбил народ тебе навстречу,
Мы бы тебя встретили со звоном
Всем бы нашим Жиздринским уездом!»
Усмехнулся Иисус в бородку,
Говорит он мужику любовно:
«Я ведь на короткий срок явился,
Чтоб узнать: чего ты, Вася, хочешь?»
Васька Калужанин рот разинул,
Обомлел от радости Василий
И потом, слюну глотая, шепчет:
«Дай же ты мне, господи, целковый,
Знаешь, неразменный этот рублик,
Как его ни трать, а — не истратишь,
Как ты ни меняй — не разменяешь!»
— «Денег у меня с собою — нету.
Деньги у Фомы, у казначея,
Он теперь Иуду замещает...»

... дьякон на вопрос Клим: что же сделал Васька Калужанин с неразменным рублем? — задумчиво рассказал:

— Вернулся Христос на небо, выпросил у Фомы целковый и бросил его Ваське. Запил Василий, загулял, конечно, как же иначе-то?

Пьет да ест Васяга, девок портит,
Молодым парням — гармони дарит,

Стариков — за бороды таскает,
Сам орет на всю калуцку землю:
«Мне плевать на вас, земные люди.
Я хочу — грешу, хочу — спасаюсь!
Всё равно: мне двери в рай открыты,
Мне Христос — приятель закадышный!»

<1928>

С Б И Т А Л Е Ц

Степан Гаврилович Петров, известный в литературе под псевдонимом Скиталец, родился в 1869 году в деревне Обшаровке, Самарской губернии, в семье крестьянина-мастерового, талантливого самоучки. Образ своего отца Скиталец запечатлел в повести «Сквозь строй». От отца Скиталец, вероятно, унаследовал дар песенника-гуслеяра.

Скиталец, по его признанию, прошел «сквозь строй» тяжелого гнета и лишений. Шестнадцати лет он с трудом поступил в учительскую семинарию, но через два года был исключен из последнего класса за «политическую неблагонадежность», за революционную пропаганду среди крестьян. Подобно Горькому, Скиталец много странствовал, отсюда и его псевдоним. Он перепробовал много профессий: был писцом, хористом, архиерейским певчим, бродячим актером и т. п. В 1893—1897 годах Скиталец странствовал по югу России (Украина, Крым, Бессарабия) и Западному краю. Впечатления от этой долгой бродячей жизни нашли свое отражение в повестях «Сквозь строй», «Этапы». В 1890-х годах Скиталец начал писать корреспонденции в провинциальные газеты. С 1897 по 1900 год он живет в Самаре, сотрудничает в «Самарской газете». В 1898 году в газете стали печататься стихотворные фельетоны Скитальца. На них обратил внимание Горький. В этом же году состоялось знакомство писателей, сохранивших близкие отношения вплоть до отъезда Горького в 1906 году за границу.

Благодаря помощи Горького малоизвестный фельетонист «Самарской газеты» быстро вошел в литературу. По совету и под руководством Горького Скиталец написал свое первое значительное произведение — повесть «Октава».

Дружба с Горьким революционизировала Скитальца и послужила поводом к зачислению его в категорию людей «противоправительственного направления». Скиталец не раз подвергался арестам

и тюремному заключению. 17 апреля 1901 года он был вместе с Горьким арестован за революционную пропаганду среди сормовских рабочих и заключен на три месяца в нижегородскую тюрьму. В 1905 году он сидел в московской тюрьме. Не раз он высылался из центров в провинцию под надзор полиции. Лучшей порой в творческой жизни Скитальца была эпоха первой революции, период его близости с Горьким, сотрудничество в «Знании». В эти годы были написаны лучшие его стихотворения, повести («Октава», «Огарки») и рассказы («Кузнец», «Икар», «Полевой суд», «Кандалы»). Поэтическое творчество Скитальца почти целиком приходится на эту пору. С наступлением реакции Скиталец порывает со «Знанием» и больше уже не поднимается до того идейно-художественного уровня, которого достиг в годы революции. В 1921 году Скиталец оказался в Харбине; город вскоре был захвачен белыми. До 1934 года Скиталец находился в эмиграции, где им был создан роман-хроника «Дом Черновых». В 1934 году Скиталец вернулся на родину. «Ураганом событий надолго оторванный от моей страны, я сердцем, мыслью не отрывался от нее...», — писал Скиталец в открытом письме, напечатанном в «Литературной газете» 22 апреля 1934 года. В последние годы своей жизни Скиталец написал воспоминания о Ленине, М. Горьком, Л. Толстом, А. Чехове, Н. Гарине-Михайловском, Л. Андрееве.

Умер Скиталец в 1941 году.

ВОЛЖСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

Прекрасны были Жигули:
Бежала Волга, ярко, смело
Блестя на солнце, а вдали
Цепь гор лесистых зеленела.
Казался берег меловой
Серебряным и снежно-чистым,
А лес казался муравой
Иль только мохом шелковистым.
Так величаво всё кругом:
Река и горы — словно в сказке.
И мощь и лень была во всем,
И разноцветны были краски.
Река звучала, как струна,
Горя серебряной дорогой,
И золотистая волна
Ложилась на берег отлогий.
Старик рыбак, мой друг седой,
Ровесник сказочным курганам,
Был волжским бардом и баяном
И знал преданий целый рой.
Он говорил: «Зачем ты мне
Твердишь всегда о теплом море,
О чужедальной стороне,
Где окончанья нет весне,
Где нет ни холода, ни горя?..
Я там бы — до смерти скучал,
Там круглый год одно и то же:
Зима на лето там похожа,
Нет берегов, всё вал да вал!..

Нет лучше волжской стороны!
Не надоест и Волга взгляду —
Дивятся все ее наряду,
Когда придет пора весны! . .
Как разодеты берега,
Каким зеленым изумрудом!
Она зальет леса, луга,
И нет конца ее причудам! . .
Весна пройдет — и уж опять
Она не та, опять другая,
Между песков приляжет спать —
И будет грустная такая! . .
Зимой оденется кругом
В холодный лед зелено-синий,
Покрывшись снега серебром,
А на лесах повиснет иней.
И будут песни распевать
Кругом над ней седые вьюги,
И будешь всё ты тосковать
О ней, как будто о подруге.
Не только всяк, родясь на ней,
Жить без нее уже не может,
Но и чужих она людей
К себе, как девка, приворожит.
Гляди, какие здесь места!
А особенно в эту пору!
Вон на «Красавицу-гору»
Взгляни-ка! Эка красота!
На ней когда-то в прежни годы
С своею шайкой Чуркин жил,
Украл жену у воеводы
И там любимую таил.
Она красавица была,
Каких теперь уж нету боле,
На той горе она жила
В высоком тереме, в неволе.
А Чуркин рыскал по простору
Реки и бил, и грабил тут.
С тех пор в народе эту гору
«Горой Красавицы» зовут.
А там, за этими горами,
Где идут темные леса,

Течет вокруг их, меж скалами,
Река разбойничья — Уса.
Стоят двенадцать там курганов —
Могилы братьев удалых,
Двенадцать славных атаманов
Лежат под насыпями их.
Курган высокий выдается;
То был курган сторожевой,
Он «Молодецким» здесь зовется:
Тут кровь лилась, тут был разбой.
А вон из горного ущелья
Сельцо как будто невзначай
Глядит... Бывало тут веселье,
Когда разбойничал Ширяй.
Давно прошло всё это время,
Уж нет разбоев удалых,
Но всё село — Ширяя племя,
И вид разбойничий у них.
А возле нас — Царев Курган!
Гляди-ка, брат, гора какая!
Когда-то Разин здесь Степан
Стоял, Самару покоряя.
Ходил на вышке часовой,
Следя за волжскими судами,
Шел на кургане пир горой,
И водку черпали ковшами.
Победу Разин пировал
С ватагою своей великой
И жег вино... Курган дрожал
От пляски бешеной и дикой.
Но сам Степан еще живет,
Что казнен он, тому не верьте,
И никогда он не умрет:
Отказано Степану в смерти.
Когда по Волге беляки
Бегут, и в небе нет лазури,
И слышен вой и стон реки —
То стоны те — не стоны бури:
То под тяжелою горой
Степан в цепях лежит и стонет,
И темных туч сердитый рой
Степана заживо хоронит.

То не сосновый бор звенит
По всем горам от урагана —
То цепь тяжелая гремит
На теле бедного Степана.
Ущелье видишь ли вдали
Между зелеными горами?
На дне оврага там нашли
В пещеру ход между скалами.
Конца ей нет. Войдешь туда —
Не выйдешь больше никуда!
Но был смельчак, что захотел
Войти в нее, и он вернулся,
Но чуть от страха не рехнулся
И, словно старец, поседел.
Там, с фонарем впотьмах блуждая,
Он шел отважно всё вперед,
Шел много верст, не отступая,
И вот пред ним широкий свод.
Откуда-то чуть брезжит луч
Поблекнувшей зари вечерней,
И на полу, на ложе терний,
Лежит гигант мрачнее туч.
Он был нагой и с бороною,
Уже доросшей до земли,
На пальцах когти отросли,
И скован цепью был большою.
«Кто здесь? — он молвил. — Триста лет
Уж не видал я человека!
Томиться буду здесь до века:
Мне в этом мире смерти нет!
Кто здесь пришел меня тревожить
Под тягой гор, в холодной мгле?
Мои страдания умножить
Уж невозможно на земле!»
— «Я человек! — смельчак ответил. —
Но кто ты сам? скажи в ответ!
Чем в жизни ты себя отметил?
За что страдаешь триста лет?»
— «Я — Разин! Пролил в жизнь мою
Я человеческой крови реки,
Теперь свою лишь кровь я лью
И буду лить ее вовеки!

Смотри, мученья близок час!
О человеце, не пугайся!
Гляди на муки и мужайся!»
Закат давно уже погас!..
Вдруг ворвались медведь и лев,
Ревут, свои раскрывши пасти,
И, испуская дикий рев,
Грызут зубами, рвут на части!
В беспамятстве смельчак упал —
И ночь кошмарная промчалась.
Когда ж очнулся — день сиял,
Заря в ущелье пробивалась.
И видит он: лежит в цепях,
Как прежде, — Разин, невредимый,
И говорит: «Забудь свой страх!
Иди назад в твой мир любимый!
И знай, как должен я страдать,
С приходом ночи умирая,
И как наутро воскресая,
Чтоб быть растерзанным опять!»

Не так же ли и ты, народ,
Томился в жизненной пещере
И за дела минувших лет
Тебя тоски терзали звери?
Не так же ли душа твоя
Горячей кровью истекала,
Жизнь замиравшую тая,
И снова чудом оживала?

1898

* * *

Вы сказались, бессонные ночи!
Вы сказались, душевные муки!
Загораются злобою очи,
Опускаются сильные руки...

Вы сказались, жгучие слезы,
Что мочили мое изголовье!

Отлетели заветные грезы,
И сгорело бывшее здоровье...

Словно женщина, жизнь изменила,
И судьба надо мной насмеялась!
Много силы в душе моей было,
А теперь — уж немного осталось...

Всё бывшее — как тени, как пепел;
Я — как нива, побитая градом...
Никогда в моем прошлом я непил
Капли счастья, не сдобренной ядом!

Переполнено сердце отравой,
И душа моя в траур одета...
Но кипит еще бурною лавой
В сердце жажда свободы и света.

1900

ПОСВЯЩЕНИЕ

Я погибал... С младенчества скитаясь,
Упорно я искал своей дороги
И не хотел мириться с рабской долей.
И стала жизнь моя мучительнее пытки.
И все преграды, беды и несчастья,
Все неудачи, муки и печали
На путь суровый мой судьба нагромодила.
Я одного молил себе — свободы!
И не знавал ее! Я жаждал смерти —
И права не имел на смерть, кому-то нужный,
Любовью к людям скованный, как цепью.
Я был — как мост через болото грязи,
Я лег в нее, поддерживая слабых.
И шли по мне, и в грязь меня втоптали
Все слабые и — чистыми остались.
Когда ж поднялся я, истерзанный и грязный,
А слабыми покинутый брезгливо, —
Уж ночь была, и холод, и ненастье...
И долго брел так — в холоде и мраке.

Стучался в двери я — нигде не отворили;
Взывал о помощи — мне помогать боялись...
 А путь мой был всё сумрачней и глуше,
 И наконец я выбился из силы,
И стал покорен я и тупо равнодушен.
 Холодное, спокойное Унынье
 И тихое Отчаянье явились
 И обняли меня, и вместе с ними
В забвенье мрачное я начал погружаться.
 Уж падал я в зияющую бездну,
 Как вдруг, какой-то сильною рукою
Без чувств подхваченный и поднятый внезапно,
 Я унесен был замертво куда-то...
 Я у тебя очнулся... Ты за мною
 Ухаживал, как за больным ребенком,
 Ты обласкал меня и целовал, как брата.
Огнем речей твоих, твоим могучим словом
 Согрел ты мне застынувшее сердце,
 А охлажденную, как камень, душу
 Ты обратил в расплавленную лаву.
И встал я на ноги перерожденный, новый,
Как витязь сказочный, из трупа оживленный.
Благодарю тебя: теперь я полон силы
И уйду вперед к моей заветной цели.
Ты освещаешь путь твоим горящим сердцем
Всем, кто идет из тьмы к заре святой свободы!

1901

КОЛОКОЛ

Я — гулкий медный рев, рожденный жизни бездной,
 Злой крик набата я!
Груб твердый голос мой, тяжел язык железный,
 Из меди — грудь моя!

И с вашим пением не может слиться вместе
 Мой голос: он поет
Обиду кровную, а сердце — песню мести
 В груди моей кует!

Колоколь?

Гуакин. ЛОРДАН

А — страшишь любимой жвь, прох денемей?
Жизни бездной?

Како звук нагара н.

Звуть твердый голос мой, жарко изыск,
Из груди тудь мак! Каломей,

И сь ващиль похисил не может амьба,
Наповь мой ^{похисил} поеть вышерь

Обиду кровину, а сердце-тисмо мери
Из груди моей куемь.

Но вата выходишь, а жал вь бодрой ринь,
А вь безднью возмужал,

~~И вь сердце-тисмо~~ рок мень оть утра днел
Давиль и цимфал. донимь

О, какь судьба вель жезнь мень нападмо
Оуна мал-вь крови! бина!

И вь сердце, гдъ теперь еще осралась
Нгуь болвше словь любви. иеми,

А миль суровым слова и мысли
— Вь думи-горярь омь... знаго...

И тиски маг думь и вь слово, про-
Влимоет вей во мнз! Клаткаю!

Я - гунки, медьки рёв, рожденьяи жизни бездна,
~~И~~ Злой крикь набата-а!
 Греть ибердыи голось мой, ифелю афилу фелелуки,
 Ии ии ии - ии ии!
 И е вонимы ивонимы ии ии ии ии ии ии
 Еи ии ии ии ии ии
 Обиду кровину, а сердце - ии ии ии ии
 Во ии ии ии ии!
 Ии ии ии ии ии, а ии ии в ии ии ии ии,
 А в ^{иуиуиу} ии ии ии ии.
 Сураб ии ии ии ии ии ии ии ии ии
 Ии ии ии ии ии.
 О, да! Сураб ии ии ии ии ии ии,
 Ии ии - в ии ии...
 И в сердце, ии ии ии ии ии ии ии,
 Ии ии ии ии ии!
 А ии ии ии ии ии ии ии,
 А ии, ии ии - в ии...
 И ии ии ии ии, и в ии ии ии ии!
 Ии ии ии ии ии!

Из грязи выходец, я жил в болотной тине,
Я в муках возмужал.
Суровый рок меня от юных дней донныне
Давил и унижал.

О да! Судьба меня всю жизнь нещадно била;
Душа моя — в крови...
И в сердце, где теперь еще осталась сила,
Нет больше слов любви!

Я лишь суровые слова и мысли знаю,
Я весь, всегда — в огне...
И песнь моя — дика, и в слово «проклинаю!»
Слилося всё во мне!

1901

КУЗНЕЦ

Некрасива песнь моя —
Знаю я!
Не похож я на певца —
Я похож на кузнеца.
Я для кузницы рожден,
Я — силен!

Пышет горн в груди моей:
Не слова, а угли в ней!
Песню молотом кую,
Раздувает песнь мою
Грусть моя!
В искрах я!

Я хотел бы вас любить,
Но не в силах нежным быть:
Нет — я груб!
Ласки сумрачны мои:
Не идут слова любви
С жарких губ.

Кто-то в сердце шепчет мне:
«Слишком прям ты и суров —
Не скуешь ты нежных слов
На огне!

Лучше молот кузнеца
Подними в руке твоей
И в железные сердца —
Бей!»

1901

РУЧЕЙ

Серебристый ручей,
Меж лугов и полей
Я беспечно бежал
И на солнце играл.

Был свободен мой путь
Под сиянием дня,
Но сдавили мне грудь
И поймали меня.

В золотую волну
Не глядится трава:
За плотиной, в плену,
Я верчу жернова.

И дрожит целый дом
От работы моей:
Разметать бы кругом
Ухищренья людей!

Словно лев, я рычу,
Волны в слезы дроблю:
Я свободы хочу,
Я свободу люблю!

1901

* * *

Я хочу веселья, радостного пенья,
Буйного разгула, смеха и острот —
Оттого что знал я лишь одни мученья,
Оттого что жил я под ярмом забот.

Воздуха, цветов мне, солнечной погоды!
Слишком долго шел я грязью, под дождем.
Я хочу веселья, я хочу свободы —
Оттого что был я скованным рабом!

Я хочу рубиться, мстить с безумной страстью —
Оттого что долго был покорен злым.
И хочу любви я, и хочу я счастья —
Оттого что не был счастлив и любим!

1901

АЛМАЗЫ

Нас давят! Лежим мы века,
Закованы в тяжкий гранит!..
Гнетут нас и тьма, и тоска,
Не знаем, как солнце горит!..

Всегда мы тоскуем о нем...
Живит нас о солнце печаль.
Мы злым засверкали огнем
И сделались тверды, как сталь!..

1901

Я упал с облаков в эту бездну мученья.
Мои крылья разбил грозной молнии луч,
И, прикован к скале в темноте заточенья,
Побежден я громами разгневанных туч.

Только песни поют надо мной ураганы,
Только вьюга шумит, холодна и дика,
Словно саваном душу одели туманы,
Да терзает мне сердце злой ворон — Тоска.

Но не жаль мне, что к солнцу я гордо стремился,
Что на крыльях орлиных недолго парил:
Пусть о твердые скалы я грудью разбился,
Только миг — но я жил!

1901

* * *

Ты бедна... Трудом, нуждою
Лишена любви...
Как исколоты иглою
Пальчики твои!

Но смеешься ты, бесстрастно
Молодость губя...
Весела ты и прекрасна —
Я люблю тебя!

Слышишь? Сердце, словно молот,
Бьется в грудь мою!
Что борьба нам? что нам голод?
Крепко я кую!

Дай мне бледненькую ручку,
Дай тебя обнять:
Я тебя, как солнце тучку,
Буду целовать!

Обниму тебя, как пламя
Сосенку в лесу!
Пусть нужда до гроба с нами —
Всё перенесу!

Ждут страданья нас, как звери...
Мы пойдем, любя...
До могильной нашей двери —
Я люблю тебя!

1901

* * *

Колокольчики-бубенчики звенят,
Простодушную рассказывают быль.
Тройка мчится, комья снежные летят,
Обдаёт лицо серебряная пыль!

Нет ни звездочки на темных небесах,
Только видно, как мелькают огоньки.
Не смолкает звон малиновый в ушах,
В сердце нету ни заботы, ни тоски.

Эх! лети, душа, отдайся вся мечте,
Потоните, хороводы бледных лиц!
Очи милые мне светят в темноте
Из-под черных, из-под бархатных ресниц...

Эй, вы, шире, сторонитесь, раздавлю!
Бесконечно, жадно хочется мне жить!
Я дороги никому не уступлю,
Я умею ненавидеть и любить...

Ручка нежная прижалась в рукаве...
Не пришлось бы мне лелеять той руки,
Да от снежной пыли мутно в голове,
Да баюкают бубенчики-звонки!

Простодушные бубенчики-друзья,
Говорливые союзники любви,
Замолчите вы, лукаво затая
Тайны нежные, заветные мои!

Ночь укутала нас бархатной тафтой,
Звезды спрятались, лучей своих не льют,
Да бубенчики под кованой дугой
Про любовь мою болтают и поют...

Пусть узнают люди хитрые про нас,
Догадаются о ласковых словах
По бубенчикам, по блеску черных глаз,
По растаявшим снежинкам на щеках.

Хорошо в ночи бубенчики звенят,
Простодушную рассказывают быль...
Сквозь ресницы очи милые блестят,
Обдаёт лицо серебряная пыль!..

1901

ГУСЛЯР

Гусли звонкие рокочут и звенят,
Про веселье чистой трелью говорят.
Мысли-песни напеваю я струнам,
Вольный ветер их разносит по полям.

Гусли-мысли да веселых песен дар
Дал в наследство мне мой батюшка-гуслияр.
Гуслиаром быть доля выпала и мне —
Веять песни по родимой стороне.
Я иду, накинув бедный мой наряд;
Гусли звонкие рокочут и звенят!

Прохожу по полям, по горам,
Напеваю я песни ветрам;
А как выйду на Волгу-реку —
Отдохнуть прихожу к кабаку.

Там по праздникам пьет и поет,
Веселится рабочий народ.
Как ударю я в струны мои —
Замолчат над рекой соловьи;
Разливается песня кругом —

Серебром!

Солнце выйдет, смеясь, из-за туч...
А народ-то, как солнце, могуч!
Целовальник мне цедит вина,
Да душа и без чарки полна!
Только медные струны звенят —

Говорят!

Коли пить — пей ковшом,
Бить — так бей кистенем:
Ведь всегда тому честь,
Кто во всем будет весь!

Эх! Как громко струны медные звенят...
Слышит их владелец каменных палат!
На душе его осенняя пора —
И зовет он молодого гуслияра:
«Ты сыграй-ка, песню грустную запой,
Чтоб омыл я душу грешную слезой,
Успокой ты совесть нежную мою —

Я тебя и накормлю, и напою!
Пусть о том, что я народу — добрый брат, —
Гусли звонкие рокочат и звенят!»

Я вхожу во дворец к богачу
И ковры дорогие топчу,
Полны скуки, тоски и мольбы,
Там живут сытой жизни рабы.
Я пою им, шутя и смеясь:
«На душе у вас копоть и грязь!
Не спою я вам песни такой,

Чтобы вас очищала собой!
Пусть лежит у вас на сердце тень!
Песнь свободы не нравится вам,
Зазвенит она, словно кистень,
По пустым головам!»

Земля у нас истощена...
Чего просить у ней?
Бурьян сухой родит она
И ядовитых змей —

Вот я змеей вползаю к вам
И песней жалю вас:
И только яд и раны дам,
А муки — бог вам даст!

Я к вам явился возвестить:
Жизнь казни вашей ждет!
Жизнь хочет вам нещадно мстить:
Она за мной идет!

Ах! не кончил эту песенку гуслар,
Не приходит он на людный на базар,
Не видать его в царевом кабаке,
И не слышно звонких песен на реке.

Только видно: у тюремных у ворот
Каждый вечер собирается народ,
А из башни песни льются — говорят,
Гусли звонкие рокочат и звенят!

УЗНИК

Ржавый ключ, как будто зверь,
Мой замок грызет сурово,
И окованную дверь
Затворили на засовы.

В круглой башне я сижу!
Сверху — тусклое оконце;
Из потемок я гляжу,
Как сияет в небе солнце.

Серебрятся облака,
В синем небе тихо тают,
И орел издалика
Свой привет мне посылает.

Он клекочет... В облаках
Смело, гордо реет птица...
Я же брошен здесь во прах,
В эту мрачную темницу.

Я один в руках врагов!
Кто расскажет там, на воле,
Как за братьев и отцов
Честно пал я в чистом поле?

Как в плену окончил путь,
Как меня оковы точат,
Как жестоко ранен в грудь?
«Я скажу», — орел клекочет...

1901 (?)

Я оторван от жизни родимых полей,
Позабыт моим краем далеким,
Стал чужим для родных подъяремных людей
И отверженцем стал одиноким.

Но для тех, в чью страну я заброшен судьбой,
Я не сделался близким и другом:
Я их проклял проклятием злобы святой,
И отброшен я сытым их кругом.

Сытой пошлости я покориться не мог
И ушел, унося свою муку...
И тому, кто отвержен, как я, одинок,
Подаю мою сильную руку.

О, придите ко мне, кто душой изболел,
Кто судьбою своей не изнежен!
О, придите ко мне, кто озлоблен и смел!
О, придите, кто горд и мятежен!

Вы живете во мраке, в оковах, в аду...
Я вас к свету, к свободе, вперед поведу!...
Верьте — некуда больше идти!
Нет иного пути!

1902

* * *

Нет, я не с вами: своим напрасно
И лицемерно меня зовете.
Я ненавижу глубоко, страстно
Всех вас: вы — жабы в гнилом болоте!

Я появился из пены моря,
Волной к вам брошен со дна пучины:
Там кровь и слезы, там тьма и горе,
Но слезы — перлы, а кровь — рубины!

На дно морское мне нет возврата,
Но в мире вашем я умираю,
И не найдете во мне вы брата —
Я между вами как враг блуждаю.

Вы все хотите, чтоб я был мирен,
Не отомщал бы за преступленья

И вместе с вами, в тени кумирен,
Молил у бога для вас прощенья.

Мой бог — не ваш бог: ваш бог прощает,
Он чужд и гневу, и укоризне;
К такому богу вас обращает
Страх наказания за грех всей жизни.

А мой бог — мститель! Мой бог могучий!
Мой бог карает! И божьим домом
Не храмы служат — гроза и тучи,
И говорит он лишь только громом!
Я чужд вам, трупы! Певца устами
Мой бог предаст вас громам и карам,
Господь мой грянет грозой над вами
И — оживит вас своим ударом!..

1902

Из добродетелей вы цепи мне сковали.
Из твердости моей воздвигнули тюрьму.
И силу мощную, как воры, вы украли,
И душу ввергнули в безрадостную тьму.

Те цепи мрачные как змеи сердце гложут,
И в той тюрьме верчу я ваши: жернова.
Унылый звон цепей вас больше не тревожит,
И вы бросаете мне дерзкие слова.

Но — чувствую — во мне растет и зреет сила.
Чем больше я терплю, тем хуже будет вам.
Пусть света я лишен, но праздник ваш — могила:
На вас и на себя я опрокину храм,

Где к богу тьмы вы все сберетесь для молений,
И разом отомщу за долгий путь лишений.

<1904>

Там, впереди — лежит страна млека и меда.
Пустыня кончена, и ночь уже прошла!
Идите же вперед! Вперед, сыны народа!
Я вижу блеск зари, дорога вдаль — светла!

А я — печаль мою из сердца исторгаю:
Она — копьё врагов, рассеянных в борьбе.
Обетованному я улыбаюсь краю:
Священная земля! Я шлю привет тебе...

Я умираю здесь, а вас, сыны народа,
Ждет впереди победа и свобода!

<1904>

ПАМЯТИ ЧЕХОВА

Неумолимый рок унес его в могилу.
Болезнь тяжелая туда его свела.
Она была — в груди и всюду с ним ходила:
Вся жизнь страны родной — болезнь его была!

Пророки и вожди, кипя душой мятежной,
Могли быть гневными, могли, любя, карать.
А он любил людей такой любовью нежной,
Как любит женщина, как любит только мать.

Печали жгучей яд он выпил полной чашей,
Впитал в себя всю грусть, глубокий, как
родник.

И был отравлен он тоскою жизни нашей,
Терпением рабов и тупостью владык.

Дыханье пошлости ему дышать мешало,
До гроба мучила холодная вражда.
И, наконец, толпа любовью истязала.
Но был он одинок повсюду и всегда.

Он жил под темною, загадочною властью
Судьбы насмешливой, бесчувственной и злой.
И капля каждая им выпитого счастья
Была отравлена невидимой рукой.

И, поздно понятый, судимый так напрасно,
Он умер оттого, что слишком жизнь бедна,
Что люди на земле и грубы, и несчастны,
Что стонет под ярмом родная сторона.

И, оставляя мир, он звал тебя, свобода!
Последний вздох его уже звучал тобой;
Он чувствовал, что даль таит лучи восхода,
А ночь еще сильна и давит край родной.

О родина моя, ты вознесешь моления
И тень прекрасную благословишь, любя,
Но прокляни же ты проклятием презренья
Бездушных торгашей, что продают тебя!

Пусть смерть его падет на гадов дряхлой злобы,
Чьи руки черствые обогрены в крови,
Кто добивал его, а после был у гроба
И громче всех кричал о дружбе и любви!

Блесни над родиной, могучее светило,
Птиц ночи разгони, пронзи ночную тень.
И, возрождая жизнь над темною могилой,
Приди, торжественный, давно желанный день!

1904

* * *

Мы плыли с тобою навстречу заре.
Безбрежное море плескалось.
Прибой отдаленный белел в серебре,
И в море заря отражалась.

И брызги морские горели зарей...
Вал розово-синий вздымался.
Казалась наша ладья золотой,
И пурпурным парус казался.

Ко мне головой прилегла ты на грудь
И крепко меня обнимала.
Я правил, и прям был свободный наш путь
Всё дальше, где солнце вставало.

Пылала заря на щеках у тебя.
Я молча тебе улыбнулся.
«Не сон ли всё это?» — сказал я, любя,
И только сказал, как проснулся.

Опять я в тюрьме. Мне улыбку даря,
Вверху, сквозь решетку оконца,
В сырой каземат заглянула заря,
Предвестница пышного солнца.

1904

ВАЛЬКИРИИ

Окончена грозная битва,
Телами усеяно поле,
Холодная ночь наступила.
Стихает вдали канонада.

Горят, угасая, пожары,
Клубятся багровые тучи.
Уходит всё дальше, всё дальше
Могучая музыка битвы.

Под страшную музыку боя,
При свете горящих развалин,
Усопших борцов попирая,
Смерть весело пляшет над полем.

Танцует скелет исполинский —
И в такт уходящему бою
Стучат у него кастаньеты,
Сухие, могильные кости.

Уходит всё дальше, всё дальше
Могучая музыка боя.
Стихает вдали канонада.
Багряные гаснут пожары.

И Смерть в своем танце уходит
За звуками пушек далеких,
И вот тишина наступает
Над полем оконченной битвы.

Тогда из-за туч темно-синих,
Рыдая, луна проглянула
И мост серебристый спустила
С небес на безмолвное поле.

В прозрачном серебряном свете
Прозрачною, легкой гирляндой
Спускаются светлые девы
С небес на безмолвное поле.

Крылатые девы сражений
Склоняются к мертвым героям,
Закрыли им тяжкие раны
И шепчут им тихо: «Вставайте!»

Дорога на небо трепещет,
Как струн серебристое пенье,
И слышится в воздухе лунном
Тень гимна, зовущего в битву.

И в ногу беззвучной колонной,
С ружьем на плече, по дороге
Всё выше, всё выше и выше
Погибшие воины идут.

Их лица — как будто из камня,
Могучи, бесстрастны и тверды.
Летят перед ними толпою
Валькирии, ангелы битвы!

Летят — и венками героев
Их путь устилают прозрачный...
И звезды дают им дорогу...
Так храбрые мир оставляют.

<1905>

ЧЕТВЕРО

Как мать умирала, — детей созывала,
Своих четверых сыновей.
«Ну, дети, живите, меня схороните,
Да только живите дружней!

Отец и вы сами — все были крестьяне,
И все — не имели земли...
Добились бы, что ли, земельки да воли!..»
И мать на кладбище снесли.

Меж тем всё проснулось, вся Русь всколыхнулась,
Вся Русь задымилась в огне...
И всё сотрясалось и в узел свивалось,
Как в страшном, чудовищном сне...

Был старший поэтом... К народным заветам,
Гремя, его песни неслись...
Второй был суровым... жег огненным словом,
А двое — за ружья взялись.

Один был «замешан», судим и повешен,
Второй был заколот в бою.
А двое другие в морозы лихие
Погибли в далеком краю.

А мать и не знала — в могиле лежала,
В гробу, под тяжелой землей...
Не знала, что в поле за землю и волю
Зарыли их ранней зарей!

1905

* * *

Телами нашими устлали мы дорогу
И кровью наших жил спаяли вам мосты.
Мы долго молча шли, взывая только к богу, —
И нам вослед легли могилы и кресты.

Порабощенные, мы с петлею на шее,
В цепях, во тьме брели — без песен боевых...
Погибло много нас, зато теперь — светлее,
И вот идете вы, рать новых, молодых.

Так много вас теперь, что дрогнуло всё злое.
Идет гроза небес, близка борьба громов...
И наша песнь звучит, как пред началом боя
В горящем городе набат колоколов.

Идите же смелей и пойте песнь свободы:
Ведь только для нее, страдая, гибли мы!
Лишь этих песен мы в былые дни невзгоды
Так страстно жаждали под сводами тюрьмы!

1906

* * *

Шумит, ревет и пляшет море.
И стрелы молнии летучей
Через разорванные тучи
Летят, теряясь на просторе.
Полна печали, гнева, горя
И туч надвинутых темней,
Орлица медленно летает
И беспокойно созывает
Своих растерянных детей.

Так ты, страна моя родная,
Под мраком туч изнемогая,
Зовешь к себе своих сынов
И ждешь от них великих дел...
Но как печален их удел,
Твоих орлят, твоих борцов!
За вольность, родина, твою
В самонадеянном бою
Лилась бунтующая кровь!
Бойцов твоих там много было,
И велика была их сила,
И велика была любовь!
Их нет теперь, моя страна,
Их нет, отважных и могучих,
И ты уныния полна,
И над тобой нависли тучи.
Их нет, пророков и вождей:
Одни из них в честном бою
Сложили голову свою,
Иные кольцами цепей
Теперь закованы в темнице,
И не созвать тебе, орлица,
Твоих растерянных детей!

1906

ТИХО СТАЛО КРУГОМ...

Струны порваны! Песня, умолкни теперь!
Все слова мы до битвы сказали.
Снова ожил дракон, издыхающий зверь,
И мечи вместо струн зазвучали.

Потонули в крови города на земле!
Задымились и горы, и степи!
Ночь настала опять, притаилась во мгле
И кует еще новые цепи.

Тихо стало кругом: люди грудой костей
В темных ямах тихонько зарыты.
Люди в тюрьмах гниют, в кольцах крепких цепей,
Люди в каменных склепах укрыты.

Тихо стало кругом; в этой жуткой ночи
Нет ни звука из жизни бывалой.
Там — внизу — побежденные точат мечи,
Наверху — победитель усталый.

Одряхлел и иссох обожравшийся зверь!
Там, внизу, что-то видит он снова,
Там дрожит и шатается старая дверь,
Богатырь разбивает оковы.

Задохнется дракон под железной рукой,
Из когтей он уронит свободу.
С громким, радостным криком могучий герой
Смрадный труп его бросит народу.

А. А. ЛУКЪЯНОВ

Александр Александрович Лукьянов родился 19 февраля 1871 года в Петербурге, в купеческой семье. На шестнадцатом году жизни он окончил петербургскую Николаевскую школу для купеческих сирот, после чего стал служить конторщиком и оставался в этой должности многие годы. Юношей Лукьянов начал писать стихи. Впервые в печати как поэт он выступил в 1890 году в журнале «Живописное обозрение», который редактировал писатель А. К. Шеллер-Михайлов. В 1892 году стихи Лукьянова появились в «Наблюдателе», в 1893 году — в «Северном вестнике». С 1893 по 1898 год он жил в Саратове, где в газете «Саратовский дневник» печатал рецензии под псевдонимом Лирик. С 1898 года появляются рассказы Лукьянова в газете «Россия», в журналах «Иллюстрация» и «Приднепровский край» (редактором его был М. К. Лемке).

Накануне первой революции Лукьянов становится сотрудником «Знания». К этому времени он уже известен как поэт и в больших столичных журналах. С 1902 года печатается в «Русском богатстве», «Мире божьем», «Русской мысли». Но он вынужден все еще служить конторщиком. На творческие занятия у него остается мало времени. Больше пишет по ночам. В стихах, включенных в письмо к Горькому (7 марта 1905 г.), Лукьянов следующим образом описывает свою жизнь:

С рассветом дня, как раб гонимый,
С тоской в душевной глубине
Несу труд тяжкий, нелюбимый;
Но в час ночной отрадно мне
Стряхнуть, как пыль дороги знойной,
Заботы жизни беспокойной
И сознать, мечты тая,
Что день прошел, и ночь моя!¹

¹ Архив А. М. Горького.

В сборниках «Знания» Лукьянов начинает печататься и как переводчик (Верхарна, Марио Раприсарди). Горький положительно отнесся к стихам Лукьянова, несмотря на их художественное несовершенство, ценил их, вероятно, за искренность, демократичность настроения. В письме к Лукьянову от 14 марта 1905 года он обещал печатать его стихи в «Знании», а затем издать отдельной книгой.¹ Но Лукьянов не связал прочно свою судьбу со «Знанием». Его сотрудничество с Горьким прекратилось после 1906 года. В 1908 году в издательстве «Литературное дело» вышел сборник стихотворений А. Лукьянова.

В 1909 году Лукьянов задумал издавать еженедельный беспартийный журнал «Северные зори» для широкого круга читателей. В письме к Горькому (19 ноября 1909 г.) Лукьянов заявлял, что его журнал должен был противостоять порнографии и пинкертоновщине меркантильной прессы. Сообщая о согласии участвовать в его журнале С. Гусева-Оренбургского, А. Серафимовича, Н. Телешева, Ф. Батюшкова, Е. Ляцкого, Е. Тарле и других известных литераторов, Лукьянов просил Горького поддержать издание — дать небольшой рассказ.²

В годы политической реакции наметился отход Лукьянова от гражданской, политической поэзии. О падении Лукьянова как художника слова свидетельствовали его шуточно-сатирические стихи и драматические сценки, этюды, которые он писал в конце 1900 — начале 1910-х годов в целях заработка, приноравливаясь к мещанскому вкусу.

Лучшим, хотя и кратким, периодом в жизни Лукьянова-поэта были 1903—1906 годы, когда под влиянием революции он поднимался в своих стихах до смелых, дерзновенных мыслей, до революционного пафоса. Именно такого поэта печатал Горький в «Знании».

¹ Архив А. М. Горького.

² Там же.

* * *

Не называй безумными мечты,
Когда они, как яркий блеск зарницы,
Пробудят мысль от праздной суеты,
Осветят жизнь, как душный мрак темницы!

Не называй безумными слова,
Когда они огнем негодованья
Карают нас за то, что жизнь мертва,
И нас зовут на подвиг и страданья!

Не называй безумными сердца
За их любовь горячую к отчизне, —
И, не боясь тернового венца,
Иди вперед — к сиянью новой жизни!

Между 1900 и 1903

ДРУЗЬЯМ

Пусть только для слабых останутся слезы
И молят пощады они у судьбы, —
Над нами бессильны суровые грозы,
И мы пред судьбою своей не рабы!

Но, сильные волей и жаркою верой,
Мы смело стремимся вперед и вперед —
От жизни, как осень, холодной и серой,
От жизни, что душу и разум гнетет!

Где мелкое счастье и жалкое горе,
Где рабское чувство сильнее цепей
И яркое солнце на вольном просторе
Из сумрака жизни не манит людей!

И нас предают эти люди злословью
За то, что пошли мы свободным путем
И краю родному с горячей любовью
Все силы и думы свои отдаем!

Когда всё в природе сковали морозы,
Один только ключ не смолкает и бьет,
Когда всех пугают суровые грозы,
Еще мы смелее стремимся вперед!

Между 1900 и 1903

В ЛЕСУ

Вокруг меня сумрачный лес
И веет тоской тишина...
От нежных вечерних небес
Мне только полоска видна.

Не встретив улыбки весны,
Зачах одинокий цветок,
И желтые иглы сосны
Лежат, как могильный песок.

Пусть сосны и льют аромат,
Мне душно в их тесном кругу!
А там еще светит закат —
На пышно цветущем лугу!

И жаждет увидеть мой взор
Сквозь жесткую зелень ветвей
Широкий, свободный простор
В сияньи вечерних лучей!

Между 1900 и 1903

О, если б колокол раздался в тишине,
И пробудились вы от сладостной дремоты
С мучительным стыдом в душевной глубине
 За ваши мысли и заботы!

За то, что вам покой приносит тишина,
Блаженства долгий путь рисуют ярко грезы,
Когда для многих жизнь, как мрачный склеп, темна,
 Когда другие слышат грозы!

Нет, не встревожит вас призывный громкий звон,
И не поймете вы, что гибнут ваши братья:
На смену сладких грез ненарушимый сон
 Откроет вам свои объятия!

Но, колокол, звони, — не все мертвы сердца,
Быть может, где-нибудь тревожно отзовутся...
Смелее пой, поэт, до грустного конца,
 Когда все струны оборвутся!

Между 1900 и 1904

ПОЭТУ

Не надо нам скорби бесплодной!
Во тьме безысходных ночей
Пой только о жизни свободной,
О блеске весенних лучей.

Плачь сердцем, но силою властной
Скрой муки и слезы от всех, —
Пусть в песне могучей и страстной
Мы слышим ликующий смех.

Под эти победные звуки
Пробудятся силы в груди,
Пойдем мы на новые муки,
Но веря, что свет впереди!

Между 1900 и 1904

МАЯК

О, верьте, свет неугасим —
И ночь бессильна перед ним!
Пусть мрак чернеет в океане,
И на сиянье маяка
Летят седые облака
И волны в гневном урагане.

Спокойный, верный страж морей
В такую ночь еще светлей!
И кто, застигнут бурей черной,
Увидит свет на гребнях волн,
Тот устоит, отваги полн,
В борьбе тяжелой и упорной!
Между 1900 и 1904

* * *

Я помню этот шум — шум жизни молодой!
Распались цепи ледяные,
И звонкие ручьи, как слезы золотые,
Как слезы радости пред новою весной,
Струились по земле...
И там — в полупрозрачной мгле
Весенних облаков с их нежной красотой —
Я слышал тот же шум — шум жизни молодой!
И птицы вольные, и вешняя вода
Слились в один аккорд тогда:
Жить, жить!

Я слышу этот шум — шум жизни молодой!
Нет мертвых дней оцепененья,
И речи пылкие, и радостное пенье
Пахнули на меня живительной весной!
Я верю: жизнь идет
С могучей силою вперед,
И дрогнула стена преграды вековой
Под этот первый шум — шум жизни молодой!
О юность чудная! Ты манишь на простор,
В один аккорд слился твой хор:
Жить, жить!

Между 1900 и 1904

ИСТИНА

С венком тернистым на челе
Она идет рабой гонимой,
Но свет ее неугасимый
Горит всё ярче на земле!

Она закована цепями,
С кровавой раной на груди,
Идет и видит впереди
Свою победу над врагами.

Ее не в силах умертвить
Года неволи и гонений,
И будет крест ее мучений
Кровь неповинную хранить!

О, дайте ей дорогу, братья,
Ее вы слышите шаги
И как бессильные враги
Ей шлют последние проклятья!

Между 1901 и 1904

ПАМЯТИ АНТ<ОНА> П<АВЛОВИЧА> ЧЕХОВА

1

Последний вздох — аккорд печальный
Его души многострадальной
И угнетающий конец...
Недолго был он весел в жизни,
Ему любовь к родной отчизне
Дала страдальческий венец!

Он задыхался в жизни серой,
Но с грустно-радостною верой
Далекий свет боготворил...
И часто, скорбью утомленный,
О жизни светлой, обновленной
В последних грезах говорил.

Но сам он знал, что до рассвета
Не доживет душа поэта,
Как в тихом сумраке звезда...
И весть пришла с чужбины дальней:
В его душе многострадальной
Замолкли струны навсегда!

2

Он умирал в предутреннем тумане,
Когда зарей едва блеснула даль, —
Отозвалась в его глубокой ране
В последний миг последняя печаль.

Рисуя жизнь далекую прекрасной,
Он утешал, когда стояла ночь, —
Но пронеслось дыханье бури властной,
И он замолк, не в силах нам помочь...

Как он скорбел, что к жизни идеальной
Дороги нет без крови и могил —
И он не мог отдать стране печальной
Последних сил!

1904

ПАМЯТИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Ты звал на подвиг и свободу
Порабощенную страну,
И за любовь свою к народу
Ты, как изменник, был в плену!
Но душный мрак тюрьмы холодной
Не погасил мечты борца,
Осталась мысль твоя свободной
И непреклонной до конца!
Когда, гонимый злобой черной,
С поднятой гордо головой
Ты встал на площади позорной,
Сияла Правда над тобой!
В толпе, предавшей злословью,
Душа прекрасная одна

Зажглась божественной любовью,
Жестоким злом потрясена!
Как символ истины великой
К твоим ногам упал венок,
Чтоб ты забыл о злобе дикой
И знал, что здесь не одиноки!
Свой крест понес ты в край изгнания,
Где мрак, и холод, и снега,
Где было гордостью страданье
И неизменно дорога
Во тьме грядущая свобода...
Прошло так много долгих лет,
Как ты, великий сын народа,
Закрыв глаза, но свеж твой след...
Идут другие поколения,
Твой гордый дух боготворя;
И близок день освобожденья,
Так долгожданная заря!
1904 (?)

РАБОЧЕМУ

Как сталь из жаркого горнила
Выходит твердою на свет,
Так и твоя окрепла сила
В живом огне и мук, и бед!

Поешь ты песню за работой,
И нет в ней стона деревень
Пред непосильною заботой:
Прожить еще голодный день!

Ты увидал источник муки
Сквозь вековую темноту,
Твои мозолистые руки
Сковали светлую мечту.

И с ней из сумрака неволи,
Где давят люди и нужда,
Стремишься ты к заветной доле —
Под сень свободного труда!

1905 (?)

КУЗНЕЦ
(По Верхарну)

Вблизи дороги, с пашней рядом,
Кузнец огромный с бодрым взглядом
Весь день проводит, закоптелый
От дыма едкого вокруг...
Он молот взял рукою смелой,
И у огня, забыв досуг,
Бьет, закаляет лезвия,
Терпенье гордое тая!

И жители из деревень,
Чья злоба гаснет от испуга,
Все знают, почему весь день
Кузнец не ведает досуга,
И никогда
В часы труда,
Хоть чужд ему их жалкий страх,
Нет злобы в стиснутых зубах!

И только те, чья речь всегда
Лишь лай в кустарнике бессильный,
При виде долгого труда
Свой взор то гневный, то умильный
Свести не могут с кузнеца:
Дрожат их слабые сердца!

В свой горн блестящий бросил он
И тяжкий стон,
И крики злобы вековой!
В свой горн, как солнце золотой,
Он, веря в силы, побросал
И возмущенье, и страданье,
Чтоб закалить их, как кинжал,
И дать им молнии сиянье!

Его чело
Спокойно, гордо и светло...
Он наклонился над огнем —
И вдруг всё вспыхнуло кругом!

Высок и молод,
С угрозой будущему он
Настойчиво вращает молот;
Он светлой мыслью озарен,
Что победит упорный труд,
И мускулы его растут!

Кузнец давно, давно узнал,
К чему ведет спор бесполезный,
И, гордый волею железной,
Он терпеливо замолчал.
Он тот упрямец, что без слов
Падет иль победит в сраженьи,
Но гордость не отдаст в мученьи
Из крепко стиснутых зубов!
Он знает цену твердой мочи,
Что волей камень разобьет,
И с нею в сумрак тихой ночи
Дробить преграды он пойдет!

Когда со всех сторон
Он слышит только стон,
Не видя стойкости своей,
Он верит: силую страстей
Сердца толпы, страданья крики
Откроют в жизни путь великий!
Не может мир не обновиться,
Живым огнем не озариться,
И золота руно, вращающее миром,
Не повернуться к ним — измученным и сирым!
И, этой верой озаренный,
Встречая проблеск отдаленный,
Кузнец огромный с бодрым взглядом
Вблизи дороги, с пашней рядом,
Объятый пламенем и жаром,
Стоит и твердым бьет ударом
Живую сталь сердец людских,
В терпеньи закаляя их!

<1905>

МЕЧ ВРАГОВ

Грозный голод — меч врагов!
В темных избах и подвалах,
В духоте жилищ-гробов,
Он губил-разил усталых...
Враг жестокий, как палач,
Меч спускал над головами,
И под жалкий стон и плач
Окружал он мертвецами
Обессиленных живых,
Приближая к смерти их...

Черный голод — меч врагов!
Но над вечною печалью
Из-под сумрака веков
Месть блеснула острой сталью...
Мертвой ночью, в час глухой
Закалили месть страданья,
И за бледною зарей
Грозно вспыхнуло восстанье...
Вышли люди на врагов
Из своих жилищ-гробов!..

Старый, ржавый меч веков
Задрожал в руке владыки...
Нет бессильных, нет рабов —
Все могучи и велики!
Все хотят быть впереди
Под горячим солнцем счастья;
Смело рвется из груди
Мощный голос самовластья...
И жестокий меч веков
Будет вырван у врагов!

<1906>

* * *

Слепцы и безумцы! Насильем владея,
Людей вы хотите в крови утопить,
Но ярко, как солнце, сияет идея —
И ей суждено победить!

Слепцы и безумцы! За ней миллионы
Восставших из мрака горящих сердец...
Не радуйтесь, слыша предсмертные стоны,
Не радуйтесь, видя кровавый венец!
Не скрыть вам мертвящего, жуткого страха,
Проникшего в души, как холод могил, —
Страшна палачам обогрелая плаха:
Там головы пали, но дух победил!
Слепцы и безумцы! Копайте могилы,
Копайте глубокие ямы себе,
В крови зарождаются мстящие силы,
Они поразят вас в последней борьбе!
Что миру вы дали? И смерть, и насилие,
Жестокое, черное рабство веков;
И вам недоступны могучие крылья
Великой идеи — творенья рабов!
Слепцы и безумцы! Вам темя сжимает
Позорной победы кровавый венец,
И вас, победителей, в бездну толкает
Живой и мертвец!

<1906>

ВОССТАНИЕ

(Из *Верхарна*)

Улица с шумом тревожных шагов,
С шорохом тел, и откуда-то дико
Тянутся руки к безумию снов...
Полная грез, озлобленья и крика,
 Улица ужас таит
 И, как на крыльях, летит...
 Улица в золоте дня,
Вечером — в блеске багряном заката...
Смерть поднимается с громом набата,
 В пламени ярком огня,
 Смерть, будто в грезах, с мечами
 И головами
 На остриях,
Точно кто срезал цветы на полях...
Грохотом пушек тяжелых, больших,
Лязгом орудий глухих

Здесь исчисляется время стенаний,
Мук и рыданий...
В башнях часы, как глаза из орбит,
Выбиты злобно камнями;
Время обычной чередой не летит
Над непреклонными в гнев сердцами.

Гнев из земли изошел
К серым камням на могилах,
Гнев беспределен и зол,
С кровью кипучею в жилах,
Бледный и с воплем глухим
Смелым мгновеньем одним
Гнет разрушает столетий!
Всё, что сияло в мечтах
В будущем где-то далеко,
Всё, что горело в глазах,
В сердце таилось глубоко
И, что хранила в себе
Вся человечества сила, —
В этой кровавой борьбе
Гневом толпа возродила!

Праздник кровавый сквозь ужас встает,
Люди в крови, опьяненные, с криком
Бродят по трупам в безумии диком,
Радости знамя ведет их вперед.
Каски мелькают, как светлые волны,
Вяло атака идет на народ,
Но, ослепленный и гордостью полный,
Страстно он ждет, чтоб над ним наконец
Вспыхнул кровавый, победный венец!

Чтоб обновиться, — убить!
Точно природа, в стремленьи
Самозабвением жить...
В пылком, безумном мгновеньи:
Жертвою пасть иль убить, —
Жизни нить вечную вить!

Вот загорелись мосты и дома,
С кровью на стенах сливается тьма;
В мутных каналах нашло отраженье
Роскоши властной последнее тленье,
И золоченые башни строений

Город вдали окружают, как тени...
Огненно-черные руки мелькают,
В мрак головы золотые бросают,
Крыши горящие к небу летят,
Залпами там беспрерывно палят...
Смерть под сухой, несмолкаемый звук
Молча костлявыми пальцами рук
Валит тела, и они вдоль стены
 В беге застывшем видны...
Трупы, изорванны пулями, всюду
 Падают в грудь, —
Отблеск на них фантастично горит,
Крик этих масок последний, ужасный
 В злую улыбку кривит...
 Колокол властный
Бьется, как сердце в борьбе, и гудит;
 Вдруг замолкает,
Как задохнувшийся голос, со стоном глухим:
 Башня под ним
 Ярко пылает...

В замках старинных, с которых глядели
В город орлы золотые без слов
И отражали набег смельчаков,
Двери раскрылись, замки отлетели...
Входит толпа, разбивает шкапы,
Где сохранялись для этой толпы
 Злые законы тайком,
Пламя их лижет своим языком,
Гибнет их прошлое, черное, злое...
Льется в подвалах вино дорогое,
С темных балконов бросают тела,
Воздух они разрезают бессильно...
Роскошь, сокровища — всё, что обильно
Жадность преступная в жизни взяла,
 Блещет на голой земле...

.
 Город во мгле
Вспыхнул страной золотою, пурпурной,
Смотрит он к дали рокошущей, бурной,
Ярко пылает корона на нем...
Гнев и безумье горящим кольцом

Жизнь охватили и тесно сжимают,
Кажется — миг, и земля задрожит!

Мрачно пространство горит,
Ужас и дым к небесам подплывают...
Чтоб создавать, обновиться, — убить!
Или убить, чтобы пасть, всё равно!
Двери раскрыть или руки разбить...
Будет зеленой весна или красной,
Разве не всё в ней величья полно,
Силы клокочущей, вечно прекрасной!

<1906>

* * *

Как звезд на темном небосводе,
Погибших жертв не сосчитать...
Стремилась смелые к свободе,
Чтоб за свободу умирать!

С благоговением колени
Склонить пред ними мы должны,
Всходя на светлые ступени
Под знамя новое страны!

Сибири глубь, снегов пустыни,
Темницы, цепи, эшафот —
Для нас нетленные святыни,
В крови зардевшийся восход!

И будет там могучей силы
Источник вечный для сердец,
Где безымянные могилы
Хранят бессмертия венец!

1906 (?)

* * *

Кровь... трупы... порвавшийся стон...
И где-то проклятья, рыданье...
Не жизнь, а мучительный сон,
Сдавлив он и мысль, и дыханье!

Но люди нарядной толпой
Гуляют по улице шумной,
Не видят они пред собой
Ни крови, ни жизни безумной!

Идут они, духом мертвы,
Отдавшись со смехом злословью...
Мне хочется крикнуть: и вы
Забрызганы братскою кровью!

Не солнце, не радостный день —
Над вами висит преступленье,
Как мертвая, черная тень,
И вы не избегнете мщенья!

На жизнь вы закрыли глаза,
И вас не тревожат расстрелы, —
Но близится мести гроза,
Пронижут вас гневные стрелы!

1905 или 1906 (?)

СТРАДАЛИЦА СТРАНА

Страдалица страна, страна моя родная!
Ты детски верила, с улыбкой на устах,
Что цепи сброшены, что скрылась тьма ночная,
И новый чудный день зарделся в небесах!
Но светлый сон прошел... И ты опять в цепях,
Страдалица страна, страна моя родная!

Из свежих ран твоих струится кровь живая,
Мучение и скорбь слились в твоих очах...
И, точно хищных птиц слетевшаяся стая,
Сошлись твои враги, чтоб растерзать твой прах...
Но ты еще живешь и отгоняешь страх,
Страдалица страна, страна моя родная!

Как плачущая мать, к нам руки простирая,
Ты хочешь пробудить любовь в своих детях...
И мы идем к тебе, страдалица родная,
Чтобы спасти тебя иль пасть в твоих ногах!

Но много, много нас, как звезд на небесах,
Не все погибнем мы, — бессильна ночь глухая!

За нами свет зари — свобода молодая,
За нами новый день, сияющий в лучах!
И мы введем тебя, оковы разбивая,
В жизнь светлую, как храм, — и в солнце, и в
цветах...

И будешь ты опять с улыбкой на устах,
Страдалица страна, страна моя родная!

1905 или 1906 (?)

E. M. ТАРАСОВ

Евгений Михайлович Тарасов родился в 1882 году в семье бухгалтера. Еще будучи студентом, он включился в революционную работу среди петербургского пролетариата, за что вскоре подвергся преследованиям. В 1902 году бежал за границу, в Париж. В 1903 году, после возвращения на родину, был вторично арестован и выслан на восемь лет в Печору. Вернулся по амнистии в 1905 году и принял боевое, как дружинник, участие в Московском декабрьском восстании, на Пресне. После поражения революции отошел от революционной, а затем (после 1909 года) и литературной деятельности.

Поэтическая деятельность Тарасова совпала с эпохой первой революции, а лицо его как поэта-революционера наиболее отчетливо выражено в первой книге стихов: «Стихи 1903—1905» (СПб., 1906). В 1907 году этот сборник, по распоряжению Комитета по делам печати, был уничтожен за «призыв к мятежническим и бунтовщическим деяниям». Во втором сборнике — «Зеленые дали» (СПб., 1908) — уже чувствуется отход поэта от недавних боевых позиций.

В советские годы Е. М. Тарасов занимался исследовательской работой в области экономических наук. Умер он в 1943 году.

НА ЛЕВОМ БЕРЕГУ

Там, где, холодом облиты,
Сопки высятся кругом...

П. Я.

Там, где суд стоит окружный,
Есть огромный хмурый дом.
Уж давно семьею дружной
Мы томимся в доме том.

И к соседу от соседа
Там несется вечный стук:
Это мы ведем беседы
Монотонным тук-тук-тук...

Перед нами путь суровый,
Настоящее темно.
И вернуться к жизни новой
Далеко не всем дано.

И пока волна прилива
Сбросит пути с наших рук —
Мы стучим нетерпеливо,
Мы стучим лишь: тук да тук...

Ветра бурного дыханье
Увлекает стук с собой
И в упрек напоминанья
Превращает над землей.

Там не всё оцепенело,
Там услышат этот стук.
Бейте ж, братья, бейте смело,
Неустанно: тук-тук-тук!

1903 или 1904

ТВОИ ЦВЕТЫ

Сегодня ты вновь принесла мне цветы,
Сестренка моя дорогая.
А с ними — неслышно впорхнули мечты,
Волнуя, маня, увлекая.

Куда — я не знаю. Устало гляжу,
Не верю обманам видений.
Я — тихий и грустный. К цветам подхожу —
Над ними сгущаются тени.

И знаю, что скоро начнут умирать
Вспоенные волей и светом.
И будут сгибаться, и будут дрожать —
И молча умрут пред рассветом.

И знаю: в тот миг, как увянут цветы,
Не вынесши тусклого плена,
Погибнут и милые гости — мечты,
Разбившись о жесткие стены.

А всё же — спасибо... Задумалась ночь.
Цветы побледнели от боли.
Прощайте! Усните. Мне нечем помочь:
Я — пленник. Я тоже в неволе.

1903 или 1904

* * *

Ты говоришь, что мы устали,
Что и теперь, при свете дня,
В созданных наших нет огня,
Что гибкий голос твердой стали

Обвит в них сумраком печали
И раздаётся, чуть звеня.

Но ведь для нас вся жизнь тревога...
Лишь для того, чтоб отдохнуть,
Мы коротаем песней путь.
И вот теперь, когда нас много, —
У заповедного порога
Нас в песнях сменит кто-нибудь.

Мы не поэты, мы предтечи
Пред тем, кого покамест нет.
Но он придет — и будет свет,
И будет радость бурной встречи,
И вспыхнут радостные речи,
И он нам скажет: «Я поэт!»

Он не пришел, но он меж нами.
Он в шахтах уголь достает,
Он тяжким молотом кует,
Он раздувает в горне пламя.
В его руках победы знамя —
Он не пришел, но он придет.

Ты прав, мой друг, и мы устали.
Мы — предрассветная звезда,
Мы в солнце гаснем без следа.
Но близок он. Из гибкой стали
Создаст он чуждые печали
Напевы воли и труда.

1905

.. Возникла в глухую январскую ночь
В сердцах, не дождавшихся чуда.
Шепнула: «Отбросьте терпение прочь —
Терпеньё и вера не в силах помочь,
Не ждите чудес ниоткуда».

Шепнула и смолкла. И скрылась, и вновь
В сердцах появилась виденьем,
И в них разбудила горячую кровь,
И многие поняли слово «любовь» —
И тянутся руки к камням.

Ей имени нет. Но повсюду, куда
Зброшены бледные люди,
Где жизнь — только стон нищеты и труда,
Где высятся трубы, где есть города,
А в них истомленные груди, —

Повсюду она: то виденьем встает,
То канет в толпу метеором.
Возникнув на севере, всюду зовет,
И строит рядами, и кличет вперед,
И жжет загоревшимся взором.

И клич этот громкий, как звучный упрек,
До чутких сердец достигает.
Смолкают машины, смолкает станок,
И север, и запад, и юг, и восток
Могучими «здесь!» отвечают.

То — гром переклички гремит над страной,
То смотр всенародной дружине
Всё дальше, всё шире катится волной
«Мы здесь!» «Мы готовы!» — и близится бой,
И стелется дым по равнине.

1905

ДЕРЗОСТИ — СЛАВА!

Жить в потемках мы устали.
Мы проснулись, мы восстали —
Слишком долго боя ждали,
Жаждем жизни молодой.
Прочь беспомощные страхи,
Глубже взгляды, шире взмахи,
Больше дерзости святой!

Много надо рук упорных,
Чтоб из глыб, слепых и черных,
В наших домнах, в наших горнах
 Полосой сверкнул металл.
Больше страсти, больше жару,
Подставляйте грудь пожару,
 Чтоб металлу дать закал!

Выше факел подымайте,
В душах пламя зажигайте,
Ошибайтесь — но дерзайте:
 Пролетит веков гряда —
Только то, что силой взято,
Будет живо, будет свято,
 Будет взято навсегда!

1905

ВЕСЕННИЕ РУЧЬИ

Мы, как жаворонки, звонки,
Мы, как змейки, злы и тонки,
Мы стремимся вперегонки
 И сплетаемся, журча.
В нашей зябнущей постели
Спать мы больше не хотели,
Дети воющих метелей
 И весеннего луча.

Мы извилисты, не прямы,
Нам не страшны пни и ямы.
Мы вливаемся упрямо
 В толщи сумрачных снегов.
Мы пророем в них проходы,
Оживим повсюду всходы,
Мы заставим выйти воды
 Из угрюмых берегов.

Пусть мы встали слишком рано,
Пусть придут еще туманы —

В нашей песне нет обмана,
Верьте радостным ручьям.
Просыпайтесь все, кто молод,
Все, кто знал мертвящий холод,
Все, кого измучил голод:
Эта песня — вам!

1905

* * *

Смеха не надо бояться.
Слишком мы долго молчали,
Слишком отвыкли смеяться, —
Смех благородней печали,
Смеха не надо бояться.

Смейтесь же радостным смехом,
Смейтесь и будьте как дети,
Будьте отзывчивым эхом,
Эхом в горах — на рассвете.
Смейтесь отзывчивым смехом.

Смейтесь в печалях — сквозь слезы:
Слезы желанными станут.
Если далекие грезы
Рано солгут и обманут —
Смейтесь, о, смейтесь сквозь слезы.

Смейтесь светло над врагами,
Смейтесь, в бою умирая,
Дрогнут враги перед вами, —
Трупы врагов попирая,
Смейтесь светло над врагами.

Смех ваш сердца им отравит
Жгучим и медленным ядом.
Смех ваш к земле их придавит.
Смейтесь словами и взглядом —
Смех ваш их ядом отравит.

Справьте поминки им — смехом.
Будет с нас темной печали.
В путь по испытанным вехам!
Слишком мы долго молчали —
Смейтесь безоблачным смехом.

1905 (?)

КРЕПОСТЬ

День догорающий
Сказкой ласкающей
Смотрит на мир с высоты.
Краски закатные,
Сны невозвратные,
Светлое царство мечты...
Крепость гранитная,
Хмурая, скрытная,
Рада ли ты?

Кто ж там, за плитами,
Мохом покрытыми,
Долго и страшно молчит?
Кто там, покинутый,
В сумерки кинутый,
Ночью бессменную скрыт?
Крепость гранитная,
Хмурая, скрытная,
Тайну хранит.

Кто там, за башнями,
Темными, страшными,
Кто там под грудой камней?
Видят ли пленные
Эти мгновенные
Смены закатных огней?
Крепость гранитная,
Хмурая, скрытная,
Стала темней.

Тени раскинулись,
Выросли, двинулись,
Гонят всё светлое прочь.

Тем, кто за башнями,
Темными, страшными,
Как им, плененным, помочь?
Крепость гранитная,
Хмурая, скрытная,
Встретила ночь.

Крепостью скрытые,
Но не забытые,
Взятые ночью от нас,
Верьте: над плитами,
Мохом покрытыми,
Грянет полуденный час.
Крепость гранитная,
Хмурая, скрытная,
Выпустит вас...

<1906>

ПРОКЛЯТИЕ

Взяли всех, одного за другим.
Я с тревогой вокруг озирался,
Я бежал, беспокойством тяжелым томим,
И по улицам мрачным и жутко-глухим
День и ночь неустанно скитался.
Никого!
Даже воздух тлетворным дыханьем своим
Вы повсюду кругом отравили;
Вы за мною гнались по пятам,
Вы повсюду за мною следили,
Вы меня в западню заманили
И, цепями сковав по рукам и ногам,
Вы, как волка, меня затравили.
Вы среди ночи схватили меня.
Грудь тупыми ножами, смеясь, разорвали
И при трепетном свете огня
Вплоть до белого дня
Сладострастно ее глубины оскверняли.
Я глубоко под раненым сердцем своим
Схоронил дорогую мне тайну,

Но рукой похотливой — случайно —
Вы ее отыскали под ним...
Я рыдал. Будьте ж прокляты вечным проклятьем!
Пусть преследуют вас до последнего дня
Слезы гнева и скорби в глазах у меня!
Пусть сожмет вас объятьем,
Как объятьем огня,
Голос скорби моей, голос гнева, кляня:
«Будьте прокляты вечным проклятьем!»

<1906>

ЗА РЕШЕТКОЙ

Смотрю сквозь решетку в окно.
Пожаром горят облака.
И сердце пожаром полно.
И дума моя далека.

Рассеять бы ужасы тьмы,
Железо решетки разбить
И вырваться прочь из тюрьмы,
И вместе с любимой быть...

К любимой неслышно войти
И молча в глаза заглянуть,
И, вспомнив о долгом пути,
Свободную грудью вздохнуть...

...Чуть видно во мраке окно.
Погасли вдали облака.
И в сердце усталом темно.
И дума моя далека.

<1906>

ПОД НОВЫЙ ГОД В ТЮРЬМЕ

В эту ночь где-то там, за стеной,
За стеной, где мы были когда-то,
Лишь погасли пожары заката,
Люди праздник приветствуют свой.

Люди ждут темноты полуночи,
Люди встретят родившийся год.
Позабудут, что время как крот,
Что их жизнь стала на год короче...

Ускоряют во мраке шаги.
Будет праздник. Раскроют объятия.
Губы скажут неверное: «братья».
Сердце тихо подскажет: «враги».

Где-то стон. Кто-то нож свой отточит.
Кто-то брошен в немую тюрьму.
Окна города смотрят во тьму,
И над городом вьюга хохочет.

<1906>

НА ВОЛГЕ

За изгибом, над песками встали старые утесы.
Наклонились. Спят иль дремлют? Сказку видят или
быль?

Равнодушен тихий голос полусонного матроса.
Торопливые колеса сеют радужную пыль.

Вновь изгибы. Берег круче.

Нам навстречу мчатся тучи.

То доверчивый, то злобный — громче дробный стук
колес:

«Буря близко. Ждать недолго.

Будет буре рада Волга.

Слишком много горя стало. Слишком много в Волге
слез».

Вьются чайки в темных тучах. Тише ход в опасном
месте.

Выше, сумрачней утесы на нагорном берегу.
Смотрят — хмурятся сурово: получили злые вести,
Или думают о мести вековечному врагу?

Солнце в тучах утонуло.

Злобно молния сверкнула.

То крикливый, то напевный — громче гневный стук
колес:

«Ждали бури слишком долго.

Будет буре рада Волга.

Слишком душно стало людям. Слишком много в Волге
слез».

<1906>

ДУМА ПРОЛЕТАРИЯ

Если встречу угрюмых и бледных детей,
Утомленно глядящих в холодное небо, —
Эти дети мои без приюта, без хлеба,
Без надежды хоть раз улыбнуться светлей.

Если вижу, что небо родной стороны
Алым заревом вещих пожаров залито, —
Это близкие мне, это братья убиты,
И жилища убогие их сожжены.

Если слышу, что вот человек-полузверь
Овладел, как добычей, девическим телом,
Я, бледнея, шепчу: эту девушку в белом
Я невестою звал. Вижу трупом теперь.

И когда говорят мне, волнуясь, крича,
Что еще на кого-то надеты оковы,
Что еще чье-то сердце замолкнуть готово
Под неверной, трусливой рукой палача, —

Я молчу, я не знаю, где правда, где сон,
И душа неотвязным вопросом томится:
Эта казнь — надо мной иль над ним совершится?
Это я отомстил? Это я — или он?

<1906>

ЧЕРНЫИ СУД

1

Пугливо вздрогнул мост подъемный.
Часы собора полночь бьют.
Во тьме окончен черный суд
И скрыт надежно ночью темной.
Минует ночь — рукой наемной
Святую женщину убьют.

Боязнь во взорах их чернела,
Над ними реял бледный страх,
Когда в ослепнувших стенах
Они свершили злое дело.
Она одна не побледнела —
Их обреченный на смерть враг.

Не надо слов — теперь бесплодных.
Упреки, просьбы, слезы? — Прочь!
Никто не в силах ей помочь,
Она вдали от всех свободных.
Она во власти стен холодных.
Пред нею — смерть и с нею — ночь.

2

Чернеет остров в дымке мутной,
Молчит молчаньем гробовым,
И тени носятся над ним,
И с ними бродит ужас смутный.
Но тих покой ее минутный
Перед покоем вековым.

Сейчас за сумрачной решеткой
Блеснут рассветные лучи.
Заплачут звонкие ключи.
Всё ближе, ближе. Миг короткий —
И к жертве медленной походкой
Войдут немые палачи.

На плитах ляжет свет заемный.
Река застынет в серебре.

На много видевшем дворе
Угрюмо встанет призрак темный.
Ее враги рукой наемной
Ее задушат на заре.

<1906>

НЕДОСКАЗАННАЯ ПОЭМА

Жребий мой не мною вынут:
Я — безвольный, я — земной,
Я рожден своей страной,
Вместе с ней на праздник кинут
Побеждающей волной,
Вместе с нею встал до света,
Вместе с нею встретил свет,
Встретил солнце, встретил лето —
Провозвестником рассвета
Был отзывчивый поэт.

Я своей страной рожден,
Я рожден безлесной степью,
Вместе с нею побежден,
Вместе с нею скован цепью
И в метелях погребен.
Кто поведает нам, где мы?
Степь безлюдна и мертва,
Мы лежим, как трупы, немые —
Недосказанной поэмы
Заглушенные слова.

Жребий мой не мною вынут:
Я — безвольный, я — земной,
Я рожден своей страной,
Вместе с ней в потемки кинут
Побежденною волной.
Мрак не вечен. Будет свет.
Мы проснемся. мы воскреснем.
Над страной горит рассвет —
С солнцем встанет к светлым песням
К жизни призванный поэт.

1907

К РЕВОЛЮЦИИ

О мать моя, приди! У нас уже не плачут,
У нас уже молчат... Без граней гнев земли,
А на море — туман, в тумане чуть маячат
Твои обманутые ветром корабли.

О мать моя, скорей! Убей всё то, что нежит
Уставшие гореть и злобствовать сердца,
Пусть будет каждый пьян веселостью борца,
Пусть будет всюду ад, и пир чумы, и скрежет.

О мать моя, мы ждем, мы знаем, где враги,
Веди нас за собой, неси им хаос серый,
Они уже полны боязнью суеверной,
Над пропастью веков неверны их шаги.

Скорей, скорей, мы ждем, мы голодны и нищи.
И наших не сочтешь змеящихся рядов,
И пусть погибнем мы под прахом городов —
Воскреснет новый мир на сером пепелище.

Приди и пронесись по высохшим полям,
Как красный, дымный вихрь, — огнями и железом.
О, дай мне жесткости — да буду волнорезом
Твоим стремительно бегущим кораблям.

1907

И. К. ВОРОНОВ

О жизни Ивана Карповича Воронова почти ничего не известно. На основании нескольких писем поэта к Горькому можно предположить, что Воронов в 1900—1910-е годы занимался революционной деятельностью и жил в России временами на нелегальном положении. В конце 1909 года он из Воронежа, где, видимо, жили его близкие, перебрался в Петербург, а в середине июля 1910 года уехал за границу и поселился в Лондоне. Во второй половине 1911 года Воронов вернулся из Лондона в Россию, в октябре он снова в Воронеже.

Кочевая жизнь, по признанию поэта, очень мешала ему заниматься творчеством. Ничего не известно о первых литературных шагах Воронова. В конце октября — начале ноября 1909 года Воронов послал Горькому на Капри тетрадь своих стихов, которые Горьким были одобрены и приняты к печати для 28-го и 29-го сборников «Знания».

В письме к Горькому (от 19 января 1910) Воронов признается, что его учили мало, «может быть, и к лучшему, — писал он, — не верю в книжно-школьное обучение...»¹ Но он знал языки, английский настолько, что переводил английских поэтов.

Оптимизм — характерная черта поэзии Воронова — был, видимо, органическим свойством его натуры. В одном из писем к Горькому (начало 1911) Воронов признался, что его очень занимает английский поэт Томсон (автор поэмы «Город ужасной ночи»), которым, кстати сказать, интересовался и Горький. «Но, — писал Воронов, — я не знаю, что делать с его пессимизмом».² За энергичность тона, за бодрость настроения ценил Горький стихи Воронова.

¹ Архив А. М. Горького.

² Там же.

Переписка Воронова и Горького приходится на 1909 (конец) — 1911 (начало) годы. Горький не раз в письмах весьма сочувственно отзывался о поэзии Воронова и в то же время как редактор творчески вмешивался в его стихи. Воронов неоднократно благодарил Горького за советы, наставления, за «сверхурочный редакторский труд и исключительное внимание» (письмо от 12 июля 1910).

«Сердечное Вам спасибо, глубокоуважаемый Алексей Максимович, за Ваши горячие пожелания, — писал он 19 января 1910 года. — Для меня они — как бы напутствие и даже больше — завет, важный и ценный, независимо от того, буду я подвизаться в качестве стихотворца или нет: вдохновение, любовь и бодрость пригодятся и в иных случаях. Спасибо Вам!»¹

В начале 1911 года заканчивается переписка Воронова с Горьким, а в конце этого года — с конторой товарищества «Знание». На этом обрываются и наши сведения о поэте.²

¹ Архив А. М. Горького.

² Есть основания предполагать, что Иван Карпович Воронов — поэт и Иван Карпович Воронов — служащий Воронежской губернской земской управы, а также губернского статистического бюро — одно и то же лицо. В справочнике «Весь Воронеж» на 1922—1923 год Иван Карпович Воронов значится заведующим секцией народного образования и преподавателем экономической географии на факультете общественных наук Воронежского государственного университета. Перу И. К. Воронова — статистика и деятеля в области народного образования принадлежит ряд статистических справочников и книг по вопросам народного образования в Воронежской губернии.

ЗА РЕШЕТКОЙ

1

Поздно ночью привели.
По асфальту застучали...
Звуки жизни отзвучали,
Краски жизни отцвели.

Что-то охнуло вдали, —
Стены эхом отвечали,
Смутный ужас навели
И зловеще замолчали.

Дом томленья и печали,
Стыд поруганной земли;
Краски жизни отцвели,
Звуки жизни отзвучали!

<1909>

2

Там, далеко, где я бывал когда-то,
Там красота беловершинных гор,
Цветы долин, и волны аромата,
И моря вольного простор,

И стелются леса зеленой щеткой
По склону гор, там зреет виноград...
А здесь — окно с железною решеткой,
Как разлинованный квадрат.

В нем сходство есть со школьною страницей:
Вгляну порой — красуется в окне
Фонарный столб огромной единицей —
За поведенье, видно, мне.

<1909>

3

Лазурней неба глубина,
И даль прозрачнее и чище;
И видно мне вдали кладбище
Из одинокого окна.

Из-за обрушенной стены
Кресты виднеются и плиты.
Увы, там мертвые зарыты,
Живые здесь погребены.

<1909>

4

Светлые весенние денечки!
И цветы, и счастье за стеной...
Но под сводом мрачной одиночки
Тяжелей становится весной.

К свету манит... Вот она прильнула
К переплету скудного окна,
И не слышит городского гула,
И не слышит окрика она.

Луч надежды зажигают слабый
Это солнце, этот ветерок...
Губы шепчут: «О, туда, туда бы...»
Отойди! Прицелился стрелок...

Светлые весенние денечки!
Праздник мира, света и любви!
Только там, под сводом одиночки,
Теплый труп купается в крови...

<1909>

МОЙ СОСЕД

С тех пор как был он ночью взят,
Всё от стены к стене —
Вперед — назад, вперед — назад —
Он ходит в полусне.

Сто тысяч верст уж, говорят,
Он так успел пройти:
Вперед — назад, вперед — назад...
Но нет конца пути.

Всё тот же тесный каземат,
Окно, решетка, дверь.
Вперед — назад, вперед — назад...
Как в клетке гордый зверь.

Порой глаза его грозят,
На миг он пробужден.
Вперед — назад, вперед — назад...
Всё ходит, ходит он.

Но чаще боль, тоска сквозят
В чертах его лица...
Вперед — назад, вперед — назад...
Всё ходит без конца.

И меркнет утомленный взгляд
В каком-то полусне.
Вперед — назад, вперед — назад...
Всё от стены к стене.

<1909>

В НОЧНОМ БЕЗМОЛВИИ

Пришли и вызвали троих.
Куда, зачем — не отвечали.
Простились мы в немой печали,
И поглотила полночь их.

Тревожно вопрошая мглу,
В окно напрасно мы глядели.
И до рассвета просидели,
Осиротелые, в углу.

Но не обрадовал рассвет.
Никто не вымолвил ни слова,—
Мы ждали все чего-то злого,
И зрел мучительный ответ...

<1909>

МАТЬ

Они убьют его... а он — светлей луча,
Ее любовь и жизнь... О, мука без исхода!
И жадно ждет она, чтоб поворот ключа
Скорее прозвучал у входа.

Увидит ли она его в последний раз?
Сумеет ли унять порыв своей печали,
Чтоб слезы невзначай не брызнули из глаз
И чтоб его не взволновали?

О нет! она его не станет обнимать;
Поддержит мужество борца и гражданина...
Сумеет всё она, истерзанная мать,
Обнять не смеющая сына!

<1909>

НА ВОЛЮ

Острую пилку сжимаю в руке,
Пробую брусья решетки...
Только как будто опять вдалеке
Топот знакомой походки.

Сердце кипит и бунтует в груди,
Рвется свободой упиться.
Бедное сердце, постой, погоди,
Стоит ли нам торопиться?

Если бы только решетка одна, —
Путь бы свободный и гладкий;
Нет, впереди еще будет стена,
Дальше — заставы, рогатки.

Если минуем широкую степь,
Лесом не встретим облавы, —
Будут опять — пограничная цепь,
Стены, решетки, заставы.

Ну, перескочим и их, например, —
Много ль найдем перемены?
Классов и партий, учений и вер
Снова высокие стены.

Стены, решетки — их целая тьма:
Всё загорожено в мире!
В жизни, на воле — всё та же тюрьма,
Только немного пошире...

Злое сомненье, раздумье берет...
Сердце стучит и хлопочет,
Руку с пилою толкает вперед,
Дальше и слушать не хочет.

Слышны ли, нет ли шаги вдалеке,
Топот знакомой походки, —
Двигается острая пилка в руке,
Пилит железо решетки.

<1909>

ЭТАП

Изувечен я и слаб;
Нетверд, неровен шаг.
Идет, идет этап, —
И стон, и звон в ушах.

Тяжелый стон оков
И легкий звон браслет.
Мелькание штыков
И гул толпы вослед.

Гудит злорадный вой,
Молчит товарищ-друг.
Вокруг меня конвой
И недруги вокруг.

Всё недруги... О нет!
Вот, не боясь штыка,
Мне подает букет
Отважная рука.

Букет из алых роз
Роскошен и пахуч...
И я во власти грез,
И снова я могуч!

Держу я высоко
Букет мой, на виду.
И мне легко-легко...
И бодро я иду.

<1909>

ОБЫСК

«Обыскать!..» —
Жандарм ретиво
Принимается за дело.
Он глядит в глаза пытливо,
Он скользит рукой умелой.

Сверху вниз; в усердьи рьяном
Треплет каждую заплатку,
Ищет, шарит по карманам,
Проникает за подкладку.

Сапоги, белье и платье —
Всё обыскано до нитки.
Но бесплодны все объятья
И напрасны все попытки.

Парня глупая работа
И смущает, и тревожит:

Чует взрывчатое что-то,
Но сыскать никак не может.

Бедный малый, ты бессилён!
Здесь, в мозгу моем, сокрыта
В глубине его извилин
Мысль — опасней динамита.

И еще в груди, налево,
Есть диковина иная:
Вся из мести, вся из гнева —
Сердца бомба разрывная.

Но пойми, тебе, бедняге,
Не схватить рукой негодной
Сердца, полного отваги,
Мысли гордой и свободной.

Нет, от гневного порыва
И от мысли урагана,
От крушительного взрыва —
Не спасет твоя охрана!

1909 (?)

* * *

От стены твоей тюрьмы
Камня я кусок отбил
И берег его с тех пор —
Не навидел и любил.

Был он дорог мне и мил:
В нем слились с тобою мы;
Не навистен же за то,
Что он камень от тюрьмы.

Ты на воле уж давно;
Он же, друг и недруг мой,
Этот камень от тюрьмы —
Ныне стал моей тюрьмой.

1909 (?)

СВИДАНИЕ

Помнишь, прошлую весной,
После робкого признанья,
Ты тропинкою лесной
Приходила на свиданье?

Шелестел дремучий лес
Обновленную листвою;
Отливала глубь небес
Бирюзою, синевою.

До вечерней до росы
Мы, свободные, бродили;
И свидания часы,
Как минуты, проходили...

Приходи же и теперь, —
Назовись моей сестрою.
О, такое же, поверь,
Я свидание устрою!..

Строй жандармов — это лес,
Потемней дубов и пиний;
Нет синеющих небес,
Но зато мундиры сини.

Отвернись и не гляди!..
Встреча будет лишь минутной, —
И сожмется болью смутной
Сердце бедное в груди...

1909 (?)

ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА

Не завязывайте глаз!
Я хочу, хоть на мгновенье,
Уловить в последний раз
Дня победное рожденье.

Жду, — бледнеющий восток
Заалет свежей раной,
И лучей его поток
Разольется кровью рдяной.

Но, омытое в крови,
Вспыхнет огненное око
Солнца правды и любви.
И поднимется высоко.

И на землю с высоты
Свет любви его прольется...
Только этой красоты
Мне увидеть не придется.

Грянет выстрелов гроза, —
Грудь сплошною станет раной
И горячею, багряной
Кровью брызнет вам в глаза!

1909 (?)

НАД СВЕРКАЮЩЕЙ РЕКОЮ

Над сверкающей рекою
Наклонился лес угрюмый,
И ласкает отраженье
Шаловливая река;
А над лесом реют птицы,
И, как радужные думы,
Легкокрылой вереницей
Пробегают облака.

Я слежу за их побегом
С небывалою отрадой,
Потому что я такой же
Ныне странник и беглец.
Пошлость жизни окружила,
Будто каменной оградой,
Но в душе проснулась сила,
И бежал я наконец.

Я покинул душный город,
Смрадный, суетный и тесный,
Город камня и железа,
Где живут, едва дыша;
Город дыма и тумана,
Заслонивших свод небесный,
Город злобы и обмана,
Нищеты и барыша.

Я бежал от шума жизни
Бестолковой и угарной,
От кичливости богатства,
От забитости нужды,
От продажности и торга,
От культурности базарной,
От наивного восторга
И бессмысленной вражды.

Я ушел в лесную чашу,
Где, задумчиво-угрюмы,
Сосны старые толпятся,
Где ласкается река,
Где свободно реют птицы
И, как радужные думы,
Легкокрылой вереницей
Пробегают облака.

Здесь легко мне и привольно;
Здесь, мечте моей в угоду,
Лес задумчиво со мною
Речи тайные ведет;
Облака, реки теченье
Говорят мне про свободу,
Бесконечное движенье
И стремление вперед.

Здесь отрадно... Но порою,
Под напев струи журчащей,
Всё мерещатся мне люди,
Что живут, едва дыша;
И встает, как из тумана,
Всё настойчивей и чаще

Город злобы и обмана,
Нищеты и барыша.

Он зовет... И сосен шепот
С этим голосом согласен.
Лес кивает мне ветвями,
Властно шепчет мне: «Иди!
Расскажи о лучшей доле
И о том, как мир прекрасен,
И рассказами о воле
Сердце в людях разбуди...»

<1910>

МУДРОСТЬ ДЕРЗАЮЩИХ

I

Расставались мы, и грустно
Говорила мне она:
«Нам солгали наши грезы,
Обманула нас весна.

Мимолетная улыбка,
Как детей, пленила нас;
Луч улыбки этой лживой
Только вспыхнул — и погас.

И опять без солнца небо,
Тот же холод, та же мгла;
Но суровой и больнее
Грусть на сердце налегла».

Я ответил: «Ведь природа
Так устроила сама:
За весной и летом — осень,
А за осенью — зима».

— «Нет, — она сказала строго, —
Не оправдывайся; нет,
Этот мрак и этот холод
Длятся много-много лет.

Помню, много ты об этом
Рассуждал и толковал;
А меж тем суровый холод
Ледяную цепь ковал,

Погружался ум в дремоту,
Холодела в сердце кровь...
Я должна тебя покинуть,
Чтоб спасти мою любовь».

Я взмолился: «Дорогая,
Как всегда бывало встарь,
За зимой весна настанет, —
Так пророчит календарь!»

— «Я должна тебя покинуть, —
Повторила мне она. —
Уж нагали мне довольно
Ты и лживая весна.

Я должна тебя покинуть,
Потому что слишком ты
В календарь премудрый веришь
Да в снотворные мечты;

Потому что для меня ты
Слишком мудр и терпелив,
И тебя не очарует
Страсти радостный прилив.

Нет, весны животворящей
Ты не жди и не зови:
Мрак и холод побеждает
Луч держащей любви!»

2

Будто саваном окутан,
Ты с порывом незнаком:
Ум сомненьями опутан,
Сердце сковано умом.

Роковых недоумений
Жалкий мученик и раб,
Для великих дерзновений
Ты беспомощен и слаб.

Неуверен и бессилен
Бродит твой холодный ум
Средь запутанных извилин,
По пути бесплодных дум.

Одолев свое сомненье,
Догадайся наконец,
Что великий ум — в биеньи
Дерзновеннейших сердец.

<1910>

У МОРЯ

Буйный ветер, волны, скалы!
Полный братского доверья,
Но разбитый и усталый,
К вам пришел и ваш теперь я.

Я пришел не за ответом
На проклятые вопросы;
Вашим быть хочу поэтом,
Буря, волны и утесы!

Ваша мощь меня пленила:
Бури царственная гордость,
Волн крушительная сила,
Скал незыблемая твердость.

Пойте ж, волны! Буря, пой же!
О, расти, напев мятежный!
Загремит напев такой же
И по всей стране прибрежной.

Западут в сердца глубоко
Звуки мощного напева,
И поднимутся высоко
Волны праведного гнева.

Пошатнутся и застонут
Жизни мрачные утесы;
В крике радости потонут
Все проклятые вопросы.

<1910>

У ВОРОТ ТЮРЬМЫ

У тюрьмы губернской
Дед стучится осторожным стуком,
С молодежи деревенской,
С малолетним внуком.

Крепкие ворота
Их кормильца, радость их скрывают.
И томят им душу, надрывают
Горе и забота.

Хлеба — хоть бы малость, —
Всё-то этот дом проклятый слопал!
Голод, холод, а на сердце жалость:
Не вернется ненаглядный сокол!

Хоть бы только глазом
Глянуть на родного. Вот бумага
От начальства... — Эх, старик-бедняга,
Ты ударь-ка что есть мочи, разом!..

То-то вот, что мочи
Нет у деда; а парнишка — слабый,
А жена, невестка, — уж известно, — бабы...
Вот и жди до ночи!

<1910>

ПОДКОН

Мы тридцать ночей не смыкали очей,
Лишь кое-как зóрями спали;
Упорней, проворней подземных ключей
Засохшую землю копали.

Подкоп из неволи на волю вели,
Дорогу к свободе мы рыли,
И целую гору нарытой земли
Надежно под нарами скрыли.

Назавтра тяжелой работе конец,
Падет роковая завеса, —
Пошлют ли вдогонку горячий свинец,
Дадут ли добраться до леса? ..

<1910>

ДВА ПУТИ

Прозвонил и крикнул гулко —
«На прогулку!» — выводной.
Невеселая прогулка
За тюремную стеной.

Да на счастье — подводы:
Распахнулись ворота, —
Отделяет от свободы
Незаметная черта.

Здесь неволя — там свобода,
Здесь тюрьма — а там простор...
Вот последняя подвода
Тихо въехала во двор.

Жаждой воли сердце бьется,
Разорвется... сам не свой.
Попадет иль промахнется
Неподвижный часовой?

Промахнется — я в народе
Затеряюсь; попадет... —
Но — и этот путь к свободе
Неизбежно приведет!

<1910>

ВИТЯЗИ

1

У ворот старинной башни
Двое витязей стоят,
Молчаливое решенье
Глубоко в душе таят.

Ручейком звенит из башни
Речь, печальна и нежна, —
Говорит из-за решетки
Полоненная княжна:

«Истомилась я в неволе,
Под замком у палачей...
Что ж вы, витязи, стоите,
Не поднимете мечей?»

Истомилась, извелась,
Сон бежит моих очей...
Что ж вы, витязи, стоите
Без движенья, без речей?»

2

И промолвил старый витязь:
«Эх, беда, не верю я,
Что от крепкого удара
Пошатнется веревя,

Что от крепкого удара
Распахнется пара створ
И что выйдешь ты свободно
Из неволи на простор.

Много ездил я по свету
И махал своим мечом;
Только злу, беде, насилью
Это было — нипочем.

Нет, домой решил направить
Я последний мой поход:
Ведь недаром был осмеян
Бестолковый Дон-Кихот».

3

И промолвил юный витязь:
«Он не верит — верю я!
О княжна, ворот дубовых
Пошатнется веря!

Есть закон такой на свете —
Удивительный закон —
Зло, неправду сокрушает
И ведет к свободе он.

И не только что ворота —
Перед ним не устоит
И твоя темница-башня,
Ни железо, ни гранит.

Верь, придет конец печали
И томленью твоему, —
Подниму ль я меч булатный
Иль его не подниму.

С этой верою глубокой
Я кончаю свой поход.
Ах, когда бы так же верил
Этот неуч, Дон-Кихот!»

4

«Дон-Кихот», — сказали оба...
Но, печальна и нежна,
Их не слушает уж больше
Полоненная княжна;

Из-за кованой решетки
Смотрит в сумрачную даль,
И с лица ее надежда
Гонит смутную печаль.

А вдали — туман редееет,
Тает сумрачная муть...
Третий витязь прямо к башне
Богатырский держит путь.

Без меча он и кольчуги,
С непокрытой головой,
Но в руке его могучей
Тяжкий молот боевой.

Правит им не лицемерье,
Не вражда волнует кровь,
И не вера иль неверье —
А великая любовь!

<1910>

СЛЕСАРЬ

- Пришел рабочий к королю:
«Я — слесарь...» — «Наш привет! —
Король ответил. — Очень жаль,
Что королевы нет...»
- «Сойдет и так, — сказал бедняк, —
К тебе я: трудно жить!..»
- «Кому легко! — вздохнул король. —
Но чем могу служить?»
- «Ломоть бы хлеба мне...» — «Ломо́ть?
Ясней сказать изволь!»
- «Но что же может быть ясней:
Я голоден, король!»
- «Что значит — голоден, мой друг?
В таких делах я — пас!
Но канцлер мой — знаток большой;
За ним пошлю сейчас...» .

Немало времени прошло,
Пока скакал гонец;
Премудрый канцлер во дворец
Явился наконец.

«Послушай, канцлер, — как же так?
Вот — голоден бедняк...»
И был ответ учтив и быстр:
«Сейчас придет министр».

Пришел и он, отдал поклон
И, не подняв очей,
Сказал печально: «Государь,
Здесь нужен казначей».

И тот пришел, и тот нашел,
Что, правда, дело дрянь,
Но в этом деле не сильна
И казначея длань.

«От склада хлеба и муки
Я не храню ключей, —
За этим смотрит эконо́м», —
Прибавил казначей.

На зов явился эконо́м
И, плача, уверял,
Что хлеб хранится под замком, —
А ключ он потерял.

«Но я за слесарем пошлю;
Как только приведут...
Постой, — воскликнул эконо́м, —
Да он ведь тут как тут!»

«Ура! ура! — вскричали все,
И каждый поднял нос. —
Как ловко разрешили мы
Запутанный вопрос!»

А слесарь им: «Спасибо вам.
В другой, однако, раз
Помочь себе сумею сам
И обойдусь — без вас!»

<1910>

СВОБОДА

На мотив Джонса

- «Где родилась ты, юная свобода?»
— «В могиле, где зарыт героя прах».
- «Где обитаешь, милая свобода?»
— «В горячем сердце, где неведом страх».
- «Во что ты веришь, светлая свобода?»
— «В победу: я — сильнее всех богов!»
- «А сила в чем твоя, о гордая свобода?»
— «В слепом безумии моих врагов!»

1910 (?)

* * *

У основания огромной пирамиды
Рабочий-каменщик ударил молотком,
И был ответный звук приветлив и знаком:
«Мы — основание огромной пирамиды;
Мы братья — ты и я — мы оба кирпичи.
Нам нелегко: лежи, поддерживай, молчи,
До срока затаив отмщенье за обиды...
Мы — основание огромной пирамиды!»

1910 (?)

Свобода

На мой век Френка.

Где родилась ты, милая свобода?
- В мечтах, где зарылт черз прах.

Где обитаешь, милая свобода?
- В горячем сердце, где невидим страх

Вот ты ты впрямь, светлая свобода?
- В победу: Я - слышала ^{век} ~~ты~~ боров!

А сила в чем твоя, о гордая свобода?
- В сильном безумии моих врагов!

ЦЕПЬ

Ни начала, ни конца
Нет у звонкого кольца.

Но из круглых и овальных,
Бесконечно-безначальных,
Звонко-радостных колец
Цепь явилась наконец.

Воля вольная в степях,
Горе горькое в цепях!

Чрез болото, лес дремучий
Уползла змеей гремучей
Новоявленная цепь
В вольно-радостную степь.

Каждый день к ее концу
Прибавлялось по кольцу...

Проползла и зазвенела, —
Всё кругом оцепенело.
И исчезли с этих пор
Воля, радость и простор.

Но сказал седой мудрец:
«Ведь у цепи есть конец, —

Понатянется, порвется
И на кольца распадется.
А у звонкого кольца —
Ни начала, ни конца».

1910 (?)

ТОМУ, КТО МОЛОД

Мы песнь поем
Тому, кто молод,
Кому вподъем
Тяжелый молот,

Кому знаком
Суровый холод
И грозный голод, —
Тому, кто молод,
Мы песнь поем!

Он молод, молод — кузнец суровый!
Средь искр и дыма, среди огня
Сбивает смело он тьмы оковы;
Ему уж светит восток багровый,
Он скоро встретит сиянье дня!

Мы песнь поем
Тому, кто молод. . .

О молот, молот! На мир гнетущий
Оков и тюрем грозою грянь!
Под звуки песни, вперед зовущей,
Ты мир свободы, весны цветущей,
Труда и братства — чекань, чекань!

Мы песнь поем
Тому, кто молод,
Кому вподъем
Тяжелый молот,
Кому знаком
Суровый холод
И грозный голод, —
Тому, кто молод,
Мы песнь поем!

1910 (?)

А. С. ЧЕРЕМНОВ

Александр Сергеевич Черемнов родился в 1881 году. Вступил в литературу в начале XX века. Черемнов на первом этапе своего творческого пути испытал острую материальную нужду. Бывали периоды, когда он голодал, днями сидел без обеда. К тому же он тяжело болел туберкулезом. Недуг этот не оставлял поэта и в дальнейшем и, может быть, преждевременно свел его в могилу.

В «Знание» Черемнов пришел накануне революции 1905 года. Несмотря на свою творческую молодость, он уже тогда был определенным поэтом. Немало им было написано для «Знания» острых по мысли, интересных по жанру стихотворений, и ни одно из них, по цензурным соображениям, не могло быть опубликовано даже в годы революции, за исключением перевода поэмы «На острове» польского поэта Густава Даниловского.

В 1905—1907 годах Черемнов создавал почти исключительно революционные стихотворения. Чаще всего это была злободневная политическая сатира, острые памфлетные стихотворения: «Суд потомства» — на палача Мина, «Иуда» — на журналиста Меньшикова, «Предвыборный марш партии 17 Октября», «Из галерей современных портретов» и т. д. Революцию Черемнов встречает пафосным, оригинальным по жанру и стилю стихотворением — «Одой на пришествие весны». В разгар революционных событий он создает сильную романтическую поэму «Красный корабль». На первые признаки политической реакции Черемнов ответил «Одой на пришествие зимы».

Горький приветствовал приход Черемнова в «Знание». Из представленных поэтом злободневных стихотворений он составил две книжки, которые намеревался издать в серии «Дешевая библиотека». Но К. П. Пятницкий не рискнул выпустить эти книжки в свет, боясь конфискации и суда. Так и не появились весьма

нужные народу стихи Черемнова. Часть их затерялась, но некоторые сохранились у Пятницкого и в настоящее время находятся в Архиве Горького.

Горький любил и ценил талантливого поэта. Между ними завязалась оживленная переписка, из которой мы узнаем безусловно самое значительное в творческой биографии Черемнова — об огромной плодотворной роли Горького в идейно-художественном развитии молодого поэта. Видя перед собою несомненно одаренного, но еще не созревшего литератора, Горький не скупился на критические замечания, советы. Он, по его собственному выражению, «испачкал» своими замечаниями тетрадь стихов Черемнова и объяснял это верой в талант поэта. Горький в письме к Черемнову просил его отнестись к замечаниям «товарищески просто».

Черемнов чаще всего соглашался с горьковской критикой и, следуя указаниям Горького, исправлял свои стихи. На суд Горького Черемнов отдавал все, что сочинял, и просил его высказывать свое мнение без всякой скидки на молодость и неопытность. «Ведь мои ошибки не уронят меня в Ваших глазах, а Ваши замечания всегда будут мне полезны», — писал он однажды Горькому.¹

Но Черемнов внимал советам, замечаниям Горького и выполнял их не примитивно ученически, а разумно. «Пишите мне, как всегда Вы писали, искренне и не опасайтесь сказать неприятное! Я всегда ценил и буду ценить Ваши указания, а писать буду по-своему...» — чистосердечно признавался Черемнов в письме Горькому от 6 марта 1910 года.² Не всегда он соглашался с Горьким, иногда упорно отстаивал свою позицию. Так, он не согласился с горьковской оценкой стихотворения «Иуда» — памфлета на Меньшикова, как и с точкой зрения Горького на этого реакционного публициста. «И мне и Константину Петровичу очень нравится это сильное стихотворение, и оба мы против него, — писал Горький Черемнову по поводу «Иуды». — К маленькому Иуде Меньшикову нельзя относиться с таким гневом: гадину давят с омерзением».³ Черемнов пытался было переделывать «Иуду» в духе пожеланий Горького, но прекратил, и не потому, что был творчески беспомощен, а в силу расхождения с Горьким в оценке Меньшикова: «Он — Иуда, — писал Черемнов

¹ Архив А. М. Горького.

² Там же.

³ Эти слова Горького Черемнов приводит в своем письме к Алексею Максимовичу от 29 марта 1910 г. (Архив А. М. Горького).

Горькому 17 мая 1907 года, — но он же и апостол. Русская камарилья у него поучается, русская либеральная буржуазия его превозносит, с ним считаются газеты всех оттенков... Я, признаюсь, глубоко ненавижу этого предателя особенно потому, что вижу редчайший дар неба — талант — отданный на поприще свиньям». ¹

Будучи самостоятельным в своей эстетической программе, Черемнов полностью солидаризировался с Горьким в отношении символистов, футуристов и прочих декадентов. Он отстаивал реалистические принципы в литературе и искусстве. Характеристики, какие Черемнов в письмах к Горькому давал явлениям литературного распада годов реакции, своим пафосом негодования сближаются с горьковскими гневными высказываниями по поводу тех же фактов.

Горький ценил литературный вкус Черемнова, считался с его мнением. В одном из писем он просил поэта прочитать «Исповедь» и «Лето» и высказаться о них, как о «попытках писать чисто русским языком». ²

Горький дорожил Черемновым как сотрудником, внимательно следил за его творческой работой, бывал озабочен паузами в ней (перерывы вызывались обострением туберкулеза) и всегда хорошо отзывался о стихах поэта. Ознакомившись с содержанием первого сборника стихотворений Черемнова (1913), Горький писал поэту об этой книге: «В ней есть содержание, есть хорошие стихи, а вы знаете, что за последнее время содержание не уживается с хорошими стихами в одной книге». ³

Общение с Горьким было очень нужно Черемнову в годы реакции, когда он переживал идейный кризис. Письма Черемнова к Горькому и К. П. Пятницкому (1908—1910 гг.) свидетельствуют о его разочаровании в революционно-освободительной борьбе. Однако вскоре под влиянием Горького он преодолевает этот кризис и вновь утверждает себя на позициях поэта-гражданина, поэта-сатирика.

У Черемнова созревают интересные поэтические замыслы. Однако ему не удалось целиком их осуществить: злой недуг — чахотка — все более и более мешал ему работать. Умер Черемнов (покончил самоубийством) в феврале 1919 года в Алупке.

¹ Архив А. М. Горького.

² Там же.

³ Там же.

КРАСНЫЙ КОРАБЛЬ

(Поэма)

ВСТУПЛЕНИЕ

Теперь, когда повсюду на земле
Слепая ночь раскинула покровы
И сеет мрак, зловещий и суровый,
Я расскажу о красном корабле.

Под звон мечей, под грохот барабана,
Вблизи костра, горящего во мгле,
Моим друзьям среди гибнущего стана
Я расскажу о красном корабле.

Таинственной дорогою страданья
Ведет нас Дух в неведомую даль,
И грудь бойцов волнует ожиданье,
И сердце жжет великая печаль.
Но, уходя в холодные могилы,
Герои верят: в сумрачной ночи
На смену им придут живые силы,
И вновь блеснут свободные мечи...
Кто знает час желанного рассвета?
Кто знает день торжественных побед?
Он скрыт от глаз пророка и поэта,
Но он придет... Для Духа смерти нет.

Отчизна-мать! Тебе мои молитвы:
В победные торжественные дни
Благослови героев прежней битвы
И память их навеки сохрани!

Всех, кто служил неизвестной святыне:
Затворников безмолвных крепостей,
Изгнанников, угасших на чужбине,
И узников под тяжестью цепей;
Кто свет носил во мраке и тумане,
Кто видел зло проклятья на земле,
Кто странствовал в шумящем океане
Отверженцем на красном корабле.

В вечерний час по безднам океана,
Не слушаясь бессильного весла,
В глухую даль, под занавес тумана
От пристани ладья нас унесла.
Игрушкой волн мы были на просторе...
Товарищ мой от страха изнемог,
Я силы потерял в неравном споре
И на скамью в отчаяньи прилег.
На западе, клубясь, чернели тучи,
И молнии огнистая стрела
Порой на миг впивалась в их тела,
И гром гремел над бездною кипучей.
И далеко вокруг по сторонам
Седых валов щетинились громады,
Борта ладьи громили без пощады
И песню смерти грозно пели нам.
И каждый миг своею жадной пастью
Готовились схватить они ладью,
И вырвать нас, и с бешеною страстью
Терзать добычу мертвую свою.

Так шли часы. И ночь уже царила,
Когда слегка утих немолчный шум,
Слегка смирилась бешеная сила,
Но ураган, разгневан и угрюм,
Еще ревел порывисто и глухо.

И вдруг на миг из сумрачной дали
К нам ветры моря внятно донесли
Сквозь рев волны иной напев до слуха...

Тогда я встал. «Ты слышишь ли?» — спросил
Товарища. И, простирая руки,

Внимали мы, собрав остаток сил,
И всё ясней нам ветер доносил
С морских равнин таинственные звуки.

Казалось мне, когда-то на земле
Я слышал звук полночного напева,
Гремящего в суровой черной мгле
Аккордами рыдания и гнева.
То было в день печальных похорон:
Мы падших братьев в землю опускали
И мертвые уста их целовали
Под горький плач и неумолчный стон.
И пели мы... Как буря океана,
Гремела песнь измученных бойцов,
Дика, как гимн полночный мертвецов,
Ужасна, как зияющая рана.

И молвил мне товарищ, побледнев:
«Смотри, как волны мечутся и скачут,
Как радостен губительный их гнев...
Нам злую смерть вещает тот напев:
То мертвецы потопленные плачут,
В полночный час всплывая из пучин...»

Но вот туман раздался перед нами,
И видим мы: высоко над волнами
Летит корабль, как грозный исполин.

Мы вскрикнули... Нет, это не виденье!
Густел туман, и ночь была темна,
Но по волнам от дальнего судна,
Как кровь из ран, ложилось отраженье.
Вновь ожила надежда на спасенье,
И радость ярко вспыхнула в груди...
Кругом был ад мятежного кипенья,
Но слабый луч мерцал нам впереди.
И наш призыв звучал во тьме сильнее,
Чем рев волны и ветра дикий вой,
А между тем всё ближе, всё быстрее
К нам шел корабль по бездне роковой.
И всё ясней над мрачным океаном
Он разливал кроваво-красный свет,

И далеко змеился красный след,
В глухой дали скрываясь за туманом.
Он шел на нас. Казалось, нет конца
Его пути и нашим ожиданиям;
В глухой борьбе с надеждой и страданием
Измучились смятенные сердца.
Корабль всё ближе. Мачты, возвышаясь,
От наших глаз закрыли небеса,
И, бурным ветром туго надуваясь,
Кровавые вздымались паруса...

Вдруг красный свет ударил прямо в очи
И ослепил. Сквозь ярый, дикий вой
С судна донесся голос громовой:
«Кто стонет здесь в объятьях черной ночи?»

— «Спасите нас!» — воскликнул я в ответ,
И голос вновь раздался чрез мгновенье:
«Одни друзья находят здесь спасенье!
Одни друзья! Врагам тут места нет!»

— «Спасите нас, товарищи и братья!» —
Воскликнул я, отчаянем объят,
И через миг нам брошен был канат;
Повисли мы, схватив его в объятья.
Нас обдала холодная волна,
И были мы, полуживые, оба
Из утлого, разрушенного гроба
Вверх подняты на палубу судна.

И тут на миг утратилось сознание...
На палубу, как громом поражен,
Свалился я без чувств и без дыханья.

Когда же вновь, разбит и утомлен,
Я мог привстать, — увидел с нами рядом
Толпу людей. И нас один из них
Спросил, смотря нам в лица зорким взглядом:
«Зачем в волнах разгневанных и злых
Скитались вы?»

А я ему ответил:

«От пристани нас буря унесла
В простор пучин, где гибель нас ждала,
Где ураган свой страшный путь наметил.
Боролись мы, в борьбе лишились сил,
От ужаса впадали в отупенье...
Ждала нас смерть. Но, видно, бог судил
Благословить чудесное спасенье».

Но мне в ответ угрюмый человек:
«Не торопись свое спасенье славить.
Мы вас могли от гибели избавить,
Но родины не видеть вам вовек,
И ждут вас дни скитанья и печали...
Скажите мне, какой удел избрали
Вы на земле? Какой вы знали труд?
Как люди вас, о странники, зовут?»

И кратко я сказал ему на это:
«Мы — жители угрюмых городов.
От юных лет из всех земных трудов
По зову сердца взял я труд поэта.
А он — мой брат и духом близок мне,
И дорог он давно родному краю:
Что к жизни я напевом призываю,
Он оживил на мертвом полотне».

И человек сказал, нахмутив брови:
«Жалею вас, художники земли!
Ночные силы злобно занесли
Вас на корабль страдания и крови.
Останьтесь здесь. Но помните одно:
Вы будете скитаться до могилы,
И видеть вам земли не суждено».

Он отошел. Но взгляд его унылый
Меня смутил. Таинственная речь
Невольным страхом сердце наполняла;
Вот почему от самого начала
Я в памяти успел ее сберечь.
И до сих пор расстаться с ней не волен
Смущенный дух. Вещая о былом,

Она звучит, как в городе немом
Полночный звон старинных колоколен.

Теперь могли мы ясно рассмотреть
Всё, что кругом доступно было глазу.
Таких картин я не видал ни разу...

Обрисовав снастей густую сеть,
Причудливо меняя очертанья
И замыкая всё в багровый круг,
Зловещее кровавое сиянье
Волнами разливалось вокруг:
То заблестит, то вдруг померкнет разом
И скроется в таинственной ночи.
И долго я искал пытливым глазом,
Откуда шли багровые лучи.

В багровом свете двигались, как тени,
Толпы людей — и говор голосов
Звучал, как стон полночных привидений,
Как в дикой чаще хохот мрачных сов.
И нас никто словами ободренья
Не подарил. Мы были спасены,
Но тяжкого, тревожного волнения
Исполнены и силы лишены.
Чернела ночь. Вдали, за красным кругом
Еще метался гневно лютый шквал,
И пенились, взлетая друг за другом,
Громады волн, и рев их не смолкал...

И вдруг вблизи мы услышали стоны,
Протяжные, глухие... Этот звук,
Казалось, шел из пропасти бездонной
Великого отчаянья и мук.
Он в мозг впивался острою иглою.
Невольно мы приблизились на стон,
И что же я увидел пред собою?
От главной мачты, светом озарен,
Шел человек колеблющимся шагом;
Его держали двое позади...
Как буря, вопль кипел в его груди:

«Товарищи! За нашим красным флагом
Не видно звезд? Товарищи!.. Луна
Уже вошла над морем? Мрак редет...
Сырая ночь в тумане холодеет...
Змеясь, блестит зеленая волна...»
И в этот миг сорвался крик бессильный
Еще острее, глубже и страшней:
«Зачем меня из дьявольских когтей
Ты вырвал, брат, для этой тьмы могильной?!
Чудовище! Убийца!.. Никогда...
Ах, никогда мне солнца не увидеть!
Спасителей я буду ненавидеть,
Калека, дня лишенный навсегда!»

Взволнованный, в лицо ему я глянул,
На миг один лишь глянул — и тотчас
С невольным криком в ужасе отпрянул:

На том лице зияли вместо глаз
Две впадины кровавые. От брови
До самых щек чернела пара ям
С запекшеюся кровью по краям
И с темнотой страшнее всякой крови.
В их глубине гнездились боль и страх...
И чудилось, железным клювом птицы
Оборваны и веки, и ресницы
И красный шрам оставлен на щеках,
Как борозда, прорезанная плугом.

От ужаса дрожа еще сильнее,
Я прошептал толпе других людей,
Которая стояла тесным кругом:
«Скажите мне, кто этот человек
И где бедняк навек лишился зренья?»
Но мой вопрос один из них пресек
Угрюмым словом, полным озлобленья:
«Ты любопытство праздное нашел
В несчастьи. Товарищ наш — рабочий...
Ему глаза — назад тому две ночи —
Одним ударом выклевал орел». —
В его ответе слышалась мне злоба,

Но удивленье всё превозмогло,
И я спросил: «Как это быть могло?
Что ты сказал? Одним ударом — оба?!»
Но человек угрюмо замолчал,
И понял я, браня себя невольно,
Что говорить ему об этом больно,
Что от меня он слушать не желал
Ни речи утешенья, ни расспросов.

Я за руку товарища увлек
И вместе с ним пошел через поток
Работавших над парусом матросов.
Но, шаг ступив, я снова стал на миг:
Один матрос привлек мое вниманье;
Работая, он сбросил одеянье,
И видел я тяжелых пять вериг
На голом теле. Кольцами схватили
Нагую грудь железные ремни,
Как змеи, в тело впились они...
Мои уста речей не находили.

Здесь слышал я, спросил один матрос
Товарища: «Скажи, во имя мести,
Где капитан?» И молвил на вопрос
Ему другой: «Он на обычном месте
Проводит ночь под бурей и дождем».
Тут первый к нам случайно поднял очи,
И прошептал товарищ мне: «Уйдем!»

— «Какую месть свершали люди ночи?
Среди пучин, под кровом вечной мглы,
Кто вел их в путь опасный и суровый?
Какие их калечили орлы,
Кто налагал им тяжкие оковы?»

Так тихо мы шептались. А вокруг
Упорный труд кипел порывом страсти.
Дрожал во тьме огромный красный круг,
Метались паруса, скрипели снасти.
Огромные размеры корабля
Тогда впервые взор наш поразили.

Держась за борт, мы тихо проходили
По палубе от носа до руля.
Успели мы заметить по дороге,
Что у бортов в загадочную даль
Смотрели люди взорами тревоги,
Пытливymi и острыми, как сталь.
На клочьях их одежд ножи, кинжалы
Мы видели. Здесь каждый был боец.
Мы долго шли, измученны, усталы,
И до руля добрались наконец...

Седой старик с горящими глазами
Стоял в толпе. Могучий, гневный шквал
Его плащом откинутым играл
И пену волн бросал в него струями.
Но он был прям, спокоен и могуч.
Навек замкнулись тайны роковые
В груди его. Так стрелы громовые
Таит в себе громада черных туч
И вдруг пошлет удар неотразимый.
Таков он был, великий капитан!
Свое судно рукой неутомимой
Он смело вел сквозь грозный ураган.

Вокруг него стояла полукругом
Толпа людей. К тому, кто впереди,
Я подошел. И вдруг в моей груди
Забилось сердце; с радостным испугом
Протер глаза; кровь хлынула волной
К вискам моим и в жилах застучала,
Как молотом...

Стоял передо мной
Учитель мой, кто светоч идеала
Нес на земле бестрепетной рукой,
Чья песнь в дни скорби смело указала
Пути добра, не знаемые мной.
Отмеченный своей бессмертной славой,
Он жил в толпе избранников небес,
Но пытки жизни разум величавый
Не перенес. Безвестно он исчез.
Куда и как — друзья не разгадали,
И много дней томились все сердца,

И долго мы в печали ожидали
К себе назад великого певца.

К нему на грудь в волненьи и надежде
Я бросился, а он меня в уста
Поцеловал приветливо, как прежде,
И говорит: «Тебя моя мечта
Искала там — в пучине скучной жизни,
В глубокой мгле холодных городов.
Теперь ты здесь. Скажи без лишних слов,
Что знаешь ты о горестной отчизне?»
Пусть тот, кому знакома глубина
Душевных чувств, поймет мое волненье!
Мне речь его казалась родна,
Как серафимов радостное пенье.

Я рассказал учителю тогда
Про всё, что память свято сохраняла:
О темных днях гоненья и труда,
О новых жертвах жадного Ваала,
О новой крови... Как в былые дни,
Он, слушая, бледнел, и на мгновенье
В его зрачках блеснули вновь огни —
Предвестники душевного движенья.

«Ответь же мне, — тогда я продолжал, —
Зачем ты здесь? Зачем от громкой славы
Сюда, где свет господствует кровавый,
В простор пучин ты тайно убежал?
Мой слух смущен жестокими речами,
Проклятьями стоящих здесь людей...
В какую даль по синеве зыбей
Идет корабль ненастными ночами?
Зачем ты здесь?»

Мне руку на плечо
Он положил и вдумчиво ответил:
«Здесь, только здесь мой путь широк и светел
И мысль моя пылает горячо.
Отверженных изгнанников вселенной
Увидел ты на палубе судна.

Добром рожден их подвиг вдохновенный,
Их ненависть любовью рождена.
Кто на земле увидел бездну муки
И пристально взгляделся в глубину,
Где Дьявол кровью омывает руки
И хохотом пугает тишину, —
Тот сам пойдет на подвиг дерзновенный,
Тот сердца зов не сможет перенести!
Из всех даров, сокрытых во вселенной,
Возьмет он злобу, ненависть и месть.

Клевретами презренного кумира
Терзается поруганная честь...
Вот почему из всех сокровищ мира
Мы взяли злобу, ненависть и месть!

Есть сотни мук за миг святой свободы,
За песнь любви миллионы пыток есть...
Вот почему из чувств земной природы
Мы взяли злобу, ненависть и месть!

Еще стоит насилья храм надменный,
Еще живут предательство и лесть...
Вот почему из всех даров вселенной
Мы взяли злобу, ненависть и месть!

Внимая боль и ужас в вечном зове,
Стремящемся к престолу божества, —
Без жалости, с улыбкой торжества
Вонзаем нож мы в сердце Детям Крови.
Мы не даем им отдыха и сна,
Их вечно ждет губительное мщенье.
Мы ничего не просим утешенья,
А их пускай утешит Сатана!

Владыка Тьмы века вселенной правил:
Он власть дарил толпе своих рабов,
И честь пятнал, и совесть он бесславил,
И гениев сводил во тьму гробов.
Гордясь своей победою кровавой,
Владыка Тьмы сказал: „Потушен свет!”

Но Дух восстал, могучий, величавый,
И поднял меч и аду крикнул: „Нет!”
И с той поры от края и до края
По всей земле кипит кровавый бой.
Великий Дух, к победе призывая,
Избранников уводит за собой...»

Его слова в ушах звучали глухо
И тяжело. Он долго говорил
О торжестве полночных адских сил,
О вечной скорби страждущего Духа.
И, весь лучом багровым озарен,
С величием библейского пророка
Он призывал падение порока,
Зарю свободных, радостных времен.
И понял я, что в сумраке мученья,
По той стезе, где вечно льется кровь,
Его ведет великая любовь,
Одетая плащом вражды и мщенья.

«Прости меня! — сказал я. — Горяча
Твоя тоска и ненависть ужасна.
Но сказано давно и не напрасно,
Что взявший меч — погибнет от меча».

— «Да будет так! Да будет так вовеки! —
Воскликнул он. — Ты слово произнес
Священное. Провидел нас Христос,
Носивший бога в брэнном человеке.
Не люди мы, но острые мечи.
На гибель тех, кто род людской терзает,
Мы здесь сошлись. И каждый погибает,
Сразив врага. В той пасмурной ночи,
Которую зовут существованьем,
Мы боремся, но, чуть настанет день,
Мы скроемся, как призраки, как тень,
Рассеяны стремительным сияньем!»
Учитель смолк, а я его спросил,
Откуда свет багровый исходил,
Замкнувший нас своим дрожащим кругом.
И он в ответ: «Свет льется с высоты.

Вверх посмотри — на мачту... Видишь ты...»
Я отошел и поднял взор. С испугом
И удивленьем вижу: в вышине
Сияет череп красными глазами,
И свет из них дрожащими лучами
Струится вниз, дробится по волне.

«Ты хочешь знать сокрытые причины, —
Сказал певец, — чьей силой зажжены
Над бездною бушующей волны
Огромные кровавые рубины?
Знай, это кровь замученных детей;
На злую месть всем Иродам вселенной
Она зажглась — и путь наш дерзновенный
Всегда горит в безмолвии ночей».

И, встретив взор мой, полный удивленья,
Прибавил он: «Ты множество чудес
Увидишь здесь, где Дух Земли воскрес
И засверкал для пламенного мщенья,
Для мук, подобно острому ножу».
И руку взял он дружеской рукою
И в путь повел, промолвив: «Я открою
Тебе сердца и скорбь их покажу.
Проклятьями и злобою смущенный,
Ты осудить товарищей готов
За подвиг мести, кровью напоенный...
Что знали вы, поэты городов,
Чей праздный стих, красивый и бесплодный,
Как песня птиц звучит в толпе холодной,
Что знали вы о бездне страшных мук?»

Взгляни — вон там с седою бородою
Старик угрюмый виден пред тобою;
Он трудится, не складывая рук...
Его глаза всегда горят, как свечи,
Его черты всегда темны, как ночь.
Из тысяч слов земной обильной речи
Не говори ему ты слова «дочь»!
Старик — дитя гонимого народа,
Чей стон звучит в угрюмых городах,

Кому родны отчаянье и страх,
Кому безвестны счастье и свобода.
Имел он дочь. Казалось, рождена
Красавица для радости и счастья,
Но Демоном вражды и самовластья
Она была на смерть обречена.
Его рабы в порыве озверенья
Роль дьяволов сыграли до конца
И старого заставили отца
Быть зрителем позора и мученья.
Он помнит их, кровавых палачей!
Трусливые и гнусные, как гады,
Терзали дочь и тешились над ней
И в тело ей вгрызались без пощады...
Он видел всё... Подумай: он — отец!
А вот другой: в безумный день погрома
Его семья нашла себе конец
Под сводами пылающего дома.

И многих здесь увидишь ты средь нас
Кому нельзя о матери, о сыне,
О брате молвить... Как самум в пустыне,
Закрутится зрачок горящих глаз,
И, точно снег вершин оледенелых,
Замрут черты поблекшего лица,
И стон из уст раздастся побелелых
При имени родного мертвеца...

Да, много их, чей дух, немой и пленный,
Кровавую хранит глубоко весть!
Вот почему из всех даров вселенной
Мы взяли злобу, ненависть и месть!..

Теперь скажи, ты помнишь ли, порою,
Когда во тьме дремали города
И в тишине носился над землею
Невнятный гул полночного труда,
Ты помнишь ли, из мрака вырастала
Мертвящая, холодная, как сталь,
Царица ночи — вечная Печаль —
И в тишине томительно шептала:

„Так дни пройдут... так кончатся века...”
Тогда в душе ложились тени ада,
И призрак счастья прочь бежал от взгляда,
И всё скрывала жгучая тоска...

В такую ночь над миром всюду бродит
Великий Дух. Он слышит зов души,
Приходит к ней в таинственной тиши
И от людей невидимо уводит
Сюда, сюда, где мысль еще жива,
Где жадно ждут зари освобожденья,
Где все сердца в безумном упоеньи
Твердят одни заветные слова:
„Когда потушен светоч идеала
И тонет мир в страдальческой крови,
Тогда удары мстящего кинжала
Земле нужней, чем песни о любви!”»

Здесь оборвал он нити разговора;
Навстречу нам, спокоен, прям и строг,
Шел человек, не поднимавший взора,
И в черном весь от головы до ног.
И все пред ним поспешно расступались,
И, как колосья, головы склонялись.

«Скажи, кто он?» — я прошептал тогда,
Волнением и страхом пораженный.
Учитель молвил: «Это — Обреченный.
Его лица ты скоро никогда
Не будешь больше видеть между нами.
Назавтра в ночь к далеким берегам,
Неся удар ликующим врагам,
Он поплывет меж бурными волнами...»

«Скажи еще, возлюбленный певец! —
Промолвил я. — Недавно здесь я встретил
Троих людей; но одного заметил
Особенно: несчастный был слепец.
Он мучился губительным кошмаром...
Где очи тот страдалец потерял,
Я знать хотел. Вожатый мне сказал:

„Их выклевал орел одним ударом”.
Насмешка ли, иль шутка то была,
Но мнилось мне он произнес недаром
Те странные слова: „одним ударом...”
Слыхал ли ты про этого орла?»

Тогда учитель сбросил одеянье
И молча мне на плечи указал.
И в зареве багрового сиянья
Я на обоих ясно увидал
Глубокие запекшиеся шрамы,
Пробитые едва не до костей.

И молвил он: «Вот знаки тех гостей,
Которых ждем на палубе всегда мы!
Один удар могучего орла...
И многие, чью речь теперь доносят
Нам ветры моря, эти знаки носят,
И след когтей и след его крыла
Нас многих жгут безжалостно, как змен
Но пусть грозит губительный удар!
Кровавый свет разгонит злой кошмар...
Где есть орлы, там есть и Прометей!
Увидишь сам, быть может, и поймешь,
Зачем тебе ответил так рабочий;
Его слова — не шутка и не ложь».

Тогда редел холодный сумрак ночи.
По небесам румяная заря
Бросала свет, волнами отраженный,
А блеск рубинов, кровью напоенный,
Уж потухал, едва-едва горя,
Как бледный факел, солнцем окруженный.
Спокоен был могучий океан;
Его валы, бесстрастны и ленивы,
Разгладили морщинистые гривы
И сумрачно катилися в туман.
Сквозь шум волны и голоса матросов
К нам долетал порою с высоты
Протяжный крик незримых альбатросов.
И много было строгой красоты

В кипеньи волн, в лазури небосвода
И в пурпуре ликующей зари...

И молвил мне учитель: «Посмотри,
Как хороша владычица-природа!
Как радостно влечет она к себе
Познанья дух, присущий нам от века,
И как ласкает сердце человека,
Усталое в мучительной борьбе.
О дивный бог! Рассей же мрак кошмарный!
Вперед, вперед к победам от побед
Веди людей, владыка светозарный!»

И он пошел, а я за ним вослед.
Чудесные явления этой ночи,
И прошлый страх, и долгий бой с волной
Меня сломили. Сна искали очи,
И жаждала забыться тишиной
Больная грудь. Неровными шагами
Едва я шел с учителем моим,
Смертельную усталостью томим.
Но вот корма открылась перед нами,
И места я укромного достиг.

Здесь встретил я несчастного, чье тело
Носило гнет чудовищных вериг,
И вновь спросил учителя несмело:
«За что из всех закован он один
И осужден на тяжкие мученья?»
А он в ответ: «Прошедшему забвенья
Не знает память, страшный властелин.
Ты хочешь знать, кто наложил оковы?
Раскаянье. Когда-то на земле
Насилья дух держал его во мгле,
И был он — раб, на зло всегда готовый.
Теперь он наш. И много, много дней
Вериги жгут могучие рамена,
И никогда кровавые знамена
Бойца не знали лучше и верней...»

Он замолчал. Светилась даль ясней...
Вдруг крик потряс пучину океана.

В тот самый миг я к брату подошел
И обомлел: из бледного тумана
На нас летел чудовищный орел.

Изобразить уродливое чудо
Не мог бы я: бессильны все слова!
Огромная чернела голова
На длинной шее, точно у верблюда,
И с клёкотом другая поднялась
Еще страшней — с огнистыми глазами...
И свет померк, как будто за крылами
Чудовища незримо ночь неслась.

То было — миг. От страха холодея,
Я точно снап на палубу упал.
Когда ж вскочил — он в воздух улетал.
В стальных когтях двуглавого злодея
Висел матрос. Протяжный, острый стон
Прорезал слух, как молния из тучи.
Казалось мне, что клюв орла могучий
Матросу в глаз был жадно погружен.

Но, силы неба! Что со мною было,
Когда узнал я жертву! Это он,
Товарищ мой, орлом был унесен,
Его ждала ужасная могила!
Я помертвел. Бросался и кричал,
Как бешеный, и ждал, что ад покинет
Свою добычу, чувствуя, как стынет
Вся кровь во мне. А хищник улетал...
Скрывался он над безднами пучины
В простор небес, а следом с корабля
Пронесся крик разгневанной дружины,
В грядущем месть кровавую суля.

Тогда, познав отчаянье потери
И бездну муки в сердце ощутив,
Я силы друга слил в один порыв:

«Проклятье вам, чудовища и звери!
Проклятье вам, о хищники вершин,

Пролившие кровавые потоки
На лоно океанов и долин!
Наступит день — и встанет Исполин,
Разгневанный, могучий и жестокий,
Чей Страшный Суд убитые пророки
Провидели во глубине времен,
Чей смелый шаг раздавит черный трон.
О Праведный! О мститель вдохновенный!
Ты и меня в час мести не покинь!
Возьми меня на подвиг дерзновенный!»

И отвечал учитель мне: «Аминь!»

Так я познал могущество насилья,
Которое средь стонов и обид
Широкие свои простерло крылья
И гибелью живущему грозит.
И понял я, что светоч идеала
Едва горит, что мир погряз в крови
И что удары мстящего кинжала
Земле нужней, чем песни о любви.
И многое, безвестное доселе
Моим очам, я понял на судне,
Которое в полночной тишине
Тревожит мир стремленьем к тайной цели.
Но описать не в силах мой язык
Того, что дух изведал и постиг:
И песнь слаба, и тщетно всё старанье!
И здесь пора скончать повествованье.

К закату дня у диких берегов,
Рядами скал поднявшихся высоко,
Мы встретили судно лихих врагов,
Под черным флагом шедшее с востока.
К нему помчался гибельной стрелой
С угрозой смерти наш корабль отважный;
Здесь грянул бой, и в схватке абордажной
Я пал на борт и брошен был волной
На лоно скал. Разбитый и больной,

Я изнывал от тяжкого страданья.
Наутро люди там меня нашли.
Промчались дни, окончилось скитанье,
И я достиг родной моей земли.

29 сентября 1906
Одесса

**ОДА
НА ПРИШЕСТВИЕ ЗИМЫ**

Быстро паря под небесами,
От хладных северных морей
Се над увядшими лесами
Уже седой летит Борей.
И мразы вслед ему стремятся,
И тучи яростно клубятся,
Мрача собою белый свет;
И се неспешно от полнощи
Во всей красе своей и мощи
Зима властительна грядет.

Закон природы неизбежный
Всемерно тщась установить,
Она покров свой белоснежный
Стремится всюду положить.
Снега пушисты посылая,
Метели грозны посылая,
Срывает листья со древес
И вольно вдаль бегущи воды
Лишит стремительной свободы
И мраком кроет свет небес.

Зима дарует селянину
Желанный отдых от работ.
Являет праздности картину
Безмерно радостный народ:
Уже не косит и не пашет,
Но день и ночь поет и пляшет,
Веселья правит и пиры.
Избытком благ отягощенный,

Спешит ко власти просвещенной,
Неся ей дани и дары.

Взыграли грады оживленны,
Ненастье осени забыв;
Текут все люди, плоти бренны
Надежно шубами покрыв.
Сей вид быстролетящих санок,
Сии ланиты россиянок,
Привычны розами гореть,
Сии невинные услады:
Шумливы балы, машкерады —
Ужель пииту не воспеть?

Никак! Превыше суть картины,
И оным пенье надлежит.
Питая чувства благочинны,
В восторге мира возгремит
Хвалу правдиву и смиренну,
От высшей власти поощренну;
Иной зимы пою приход!
Хотя безмездно петь я тщуся,
Но сладким упованьем льщуся
На благодарный бутерброд.

Мятежны замыслы роились
Подобно вранам на Руси
И долго дерзкие ярились
Затмить светила в небеси.
Весны обманчивы надежды
Начальству усыпили вежды
И пробудили бунтарей,
Не чтящих власти утвержденной,
Ни иерархии почтенной,
Ни силы сводов и статей.

Дерзну ль открыть, чего алкали,
Коликих жаждали премен?
Сколь все основы подвергали
Шатанью гибельных измен?
Нет! Лира в ужасе немеет...

Единый Меньшиков умеет
Их обличить. Как верный пес,
Поймав чутьем крамолу нижним,
Он бодро звездоносным ближним
Донос изрядный преподнес.

Он Эфиальта древню славу
Своею славою затмил.
Когда ж узрел борьбу кроваву,
Свирепство вооруженных сил, —
То пуще духом взвеселился!
И сам тогда ему дивился
Маститый Хам-Хамелеон,
Щедроподкреплен и проворен
Бессмертный старец наш Суворин,
Рептильных сил Наполеон.

Вотще ли оба призывали
Ко разрушенью вражьих ков?
Вотще ли в сладостной печали
Пел казни сладостный Гучков?
Вотще ль Грингмута откормили?
Пихну вниманьем ободрили?
Доррера в чин произвели?
Вотще ль союзы учинялись
И суммы щедро расточались
Толпе спасителей земли?

Вотще ли с яростью молебны
Воспел Кронштадтский Иоанн? ..
Спокойся, росс! Ключи целебны
Уж льются в язвы наших ран.
Се — пушек гром! Се — залпов свисты!
Бледнейте, о социалисты!
И зрите, зрите: здесь и тут,
Везде, из каждой подворотни
На вас несутся храбры сотни,
Терзают, рубят и секут.

Безумны гада возмущенья!
Ужели в гордости своей

Вы презирали исступленье
Стратигов храбрых и вождей?
Сии в Маньчжурии дрожали,
Сии японцев избежали,
Но от рабочих не бегут!
Страшась шимозы и картечи,
Не устроятся буйной речи
И безоружных избыют!

А вы, предерзкие витии,
Познайте в буре оных дней,
Что надлежит иметь России
Основы токмо и властей.
Не лестны нам дары свободы,
Чем слепо тешатся народы;
В правах, в равенстве нет добра!
Но да пребудут с нами вечно
На утешение сердечно
Основы, власти и — ура!

<1907>

ФАРАОН И СВИНЬЯ

В былые времена Египтом долго правил
Весьма почтенный фараон,
Хеопсом Третьим звался он
И память по себе похвальную оставил.
Хранит народ и до сих пор
Об нем прекрасные преданья...
Одно я расскажу здесь кратко в назиданье.

Однажды, обходя свой двор,
Увидел он, исполненный досады,
Что наглая свинья в саду копает гряды.
Вошел Хеопс в великий гнев.
Зовет придворную прислугу:
«Как смела та свинья покинуть царский хлев?»
А старый эконом, сгибаясь от испугу,
«Помилуй, — говорит, — великий фараон.
Нам с нею сладу нет. Из рук Хавронья вон.

Ворует, пакостит, на всех бросаться стала,
Везде наделала немало
Дурного та свинья... Осмелюся сказать,
Что бесится Хавронья с жиру-с...»
Тут фараон, схватив папирус,
Иероглифами изволил начертать:
«Свинью немедленно убрать».
Ну, царские слова, известно, крепче стали:
Хавронью наглуую убрали,
Хотели даже сбросить в Нил,
Но кто-то сжалился и жизнь ей сохранил...
Однако много лет свинья была в опале.

Прошли года. Хеопс умре.
Рамзес Второй на трон венчался разом...
И не успел моргнуть он глазом,
Глядит: свинья уж во дворе.

Читатель, вывод пусть тебе подскажет разум.

1907

КУПЧИНА

Неведомо, что за причина:
Убыток аль дурь в голове, —
Но только взбесился купчина
Осенней порой на Москве.

Рукой своей пухлой, как тесто,
С размаху купец ударял
Нешадно в то самое место,
Где толстый бумажник лежал.

«Ребята, — вопыл он свирепо,
Скликай Охотный весь ряд, —
Ребята, ужли я — Мазепа?
Ужли я какой супостат?»

Как, бывши давно прогрессистом,
Должон почитать я прогресс,
Но только чтоб стать анархистом, —
Какой же мне в том интерес?

Теперича нам с дефициту
Выходит — ложись-помирай,
Насчет же, положим, кредиту,
То скажут, что «дальше играй».

Теперича бомбы да стачки,
Ломают, стреляют да жгут...
И дай им маленько потачки,
То эдак я выйду банкрот.

Решились купцы аппетиту.
Совсем подвело животы.
Молились угоднику Титу,
Да, видно, не впрок и титы...

Одно нам спасенье теперя:
Расстрельны военны суды...
Конечно, народу потеря,
Да разом — так меньше беды...

Конечно, расстрелы да петли...
Н-но... ежели сам архирей...
На небе осудят ли, нет ли,
А будет авьсь посмирней».

Он тихо поник головою,
От чувствий своих изнемог,
И холеной белой рукою
Батистовый вынул платок.

И сладостным запахом розы
Кругом понеслися духи,
И падали крупные слезы,
Как капли стерляжьей ухи...

<1907>

ПЕСНЯ О БЕДНОМ МАКАРЕ

Ни витязей славных, ни знатных бояр
Для песни простой нам не надо!
Споем про тебя мы, убогий Макар...
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

Как жил да гулял ты, убогий Макар,
В исконном российском порядке,
От Белого моря до крымских татар,
От Польши до самой Камчатки.

Француза, и шведа, и турка побил,
И жарил в китайца из пушки,
Почету и славы премного добыл,
Но жил себе в бедной избушке.

Насквозь продувала избушку метель,
Морозец заглядывал в щели;
А возле стояла высокая ель:
На ели сидели Емели.

Как станет Макара мороз донимать
Аль голод закручивать кишки, —
Емели Макара давай утешать:
Бросают еловые шишки.

И так-то ли ладно Макар проживал!..
Да беса взяла, вишь, досада,
И бес искушенье Макару послал..
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

Оставил веселья Макар и пиры
От глупой своей от кручины;
Не хочет он больше дубовой коры,
Не хочет и вкусной мякины.

Далась же задача его простоте!
Всё пуше его забирает!
Не хочет Макар проживать в темноте,
Наукам учиться желает!

Емели с Макаром и эдак и так;
Сулят ему множество шишек.
Бормочет в ответ им упрямый чудаки,
Что шишек давно, мол, излишек.

Бормочет-лопочет, ан глядь да поглядь --
И вовсе почал упираться:
Не хочет языцей Макар покорять,
За Лидзы и Пудзы сражаться!

И столь помутилась его голова,
Что брешет Макар без пARDону:
Нужны-де ему и суды, и права,
И жить, мол, пора по закону.

Надула ль те мысли Макару метель,
Сверчки ли в избушке напели? ---
Загадка большая для умных Емель.
Слезают сердешные с ели:

«Макарушка-светик! На кой тебе черт
Сдалися крамольные речи?
Извечно ты был в послушании тверд,
За то и прославлен далече.

Народы и чуждых, и ближних земель
Честят тебя многою честью!
Послушай, кормилец, разумных Емель:
Опутан ты дьявольской лестью!

Смутили тебя — укуси их комар! —
Лихие враги — супостаты!
Ты — русский Макар, православный Макар,
Они же от бога прокляты.

Гони ты их в шею скорей от себя,
Куда не гонял свое стадо,
Не то — вот те крест! — одурачат тебя!
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

Без нас ты, убогий, вконец пропадешь,
Тебе во спасенье мы мелем!
Неужто ты веры теперь не даешь
Исконным российским Емелям?

Ведь мы-то, Емели, недаром всегда
Живем при тебе, при Макаре!
Нужны мы, нужны, как во ржи лебеда,
Нужны мы, как мыши в амбаре!

Твоей ради пользы на шею твою,
Как мельничный жернов, повисли!..
Ступай же, кормилец, в избушку свою,
Гони ты к нечистому мысли!

Начальству от бога здоровья проси,
Живи потихоньку, как надо;
Своих самобытных теляток паси!..
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!..»

На сладкие речи премудрых Емель,
На их на приятные песни
Ответа Макара не знаем досель,
Поведать не можем, — хоть тресни!

Вишь, тучи в ту пору по небу зашли,
И ветер от севера дунул..
Мы слóва Макара слышать не могли,
А только видали, что плюнул.

На землю аль в рожу кому из Емель —
Не знаем, — такая досада!..
Ой, люшеньки-люли! Ой, лель-диди-лель!
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!..

<1907>

БАЛЛАДА О ГОРДОМ ГРАФЕ

Вернулся в замок гордый граф
Из долгого похода.
Потешил граф свирепый нрав,
Смирив мятеж народа.

На села, нивы и поля
Он ринулся, как лава,
Во имя бога, короля
И рыцарского права.

Рубил он бледных матерей
И старцев поседелых;
Топтал копытами коней
Детей осиротелых.

Вернулся. «Где же мой дурак?
Пускай нас позабавит!»
И шут, кривляясь так и сяк,
Победы графа славит.

«А где красавица моя?
Пускай меня потешит!»
И дева, слезы затая,
Герою кудри чешет.

Герой опять в ладоши — хлоп;
Весь двор пришел в движенье.
«А где же поп? Скорее, поп,
Давай мне отпущенье!»

И служит жирный духовник
Молебен покаянный,
И вторит сил небесных лик,
Весельем обуянный,

И херувимов светлый рой,
Надув усердно губы,
Трубит победно над землей
В серебряные трубы.

<1907>

БЕЗМОЛВНЫЙ ГНЕВ

На трупах трупы. Слепая злоба
На пир кровавый ведет полки.
Орудий грохот — как голос гроба;
Как взоры смерти, горят штыки.

Их мучит голод. Они готовы,
Как змеи, впиться — сильней, сильней

И глубже, глубже!.. Для них не новы
Ни груди женщин, ни кровь детей...

Мятеж подавлен. В объятья гроба
За жертвой жертву несет палач.
На поле битвы пирует злоба,
И в бездны неба уходит плач...

И вдруг — затишье... И над гробами
Смолкают стоны, утих напев...
По грудам трупов, скрипя зубами,
Идет незрячий Безмолвный Гнев.

Из тихой дали, от мирных пашен
Его дорога лежит в огнях.
Святыни храмов, твердыни башен —
Он всё повергнет во тьму и прах.

И сердце славит его удары,
И сердце верит, что эта кровь,
Что это мщение, что эти кары —
За Человека и за Любовь.

<1907>

ИЗ ЦИКЛА «МОЛИТВЫ»

Д. А. Гохбауму

В ПУСТЫНЕ

Прощения!.. Одним безумным криком
Давно полны земля и небеса;
Давно слились в отчаяньи великом
Перед тобой людские голоса!
Прощения!.. Довольно мы терпели!
Тебя зовут сыны твоей земли!
Ты видишь ли: уста оледенели!..
Ты слышишь ли: сердца изнемогли!..

В ужасной тьме вражды и озлобленья
От наших глаз сокрылись все пути...
Прощения!.. Довольно искупленья!
Исполнен долг!.. Помилуй и прости!..

Когда в грехе упал народ избранный
И поднял лик мятежного Тельца,
Ты путь сокрыл к земле обетованной
И поразил проклятием сердца.
Без радости, без неба и святыни
Народ твой шел в отчаяньи и зле.
Ты сорок лет томил его в пустыне,
Но вновь привел к святой твоей земле!..
О, будь и нам владыкой милосердным!..
Прости и нас, возлюбленный отец!
Воззри к земле: в раскаяньи усердном
К тебе летят молитвы всех сердец!
Тебя поем на арфах и кимвалах,
Тебе звучит торжественный орган...

О господи!.. Для путников усталых
Еще ль далек желанный Ханаан?!

<1909>

НА МОТИВ ИЗ ИОАННА ДАМАСКИНА

В скорбном чине погребения
Вспомним, братья, о Христе,
Вспомним смертные мучения
Агнца мира на кресте!
Ныне властью Зверя сильного
Нам затворены уста, —
Но из сумрака могильного
Молим господа Христа:
«Иисусе, вечной славою
Осиянный в небеси!
Ты стезею шедших правую,
Взятых смертью кровавою
К жизни вечной воскреси!

Обрати на души черные
Светлых ангелов мечи,
Потряси столпы позорные,
Силу ада расточи!
От земли к твоим обителям
Мы возносим скорбный стон:
Гнев яви земным властителям,
Гнев врагам и гнев губителям,
Сокрушившим твой закон!
Но сильнее слез и пения
Да ударит в твой чертог
Крик безумного мучения
И невинной крови ток.
Мы, от плача истомленные,
Предаем земле твоей
Трупы, кровью обогранные,
Жалом смерти уязвленные,
Падших братий и друзей.
Их уста земле поведали
Скорбь и ужас бытия,
Их Иуды тайно предали,
Им Пилат был судия.
Над могилой их кровавою
Не поет церковный клир:
Он бежит за тленной славою,
Дорожит земной державою,
Ценит блеск земных порфир.
Но лишенным отпевания
Не затворишь ты дверей!
На Голгофе в час страдания
Не молился иерей!
Внидут в горние селения
Все сраженные в борьбе,
Силу скорби и терпения
Возносящие к тебе.
Нас же, преданных рыданию,
Ты, владыко, не покинь
И спаси небесной дланию
Мир измученный!.. Аминь.

<1909>

СИМОН БИРИНЕЙСКИЙ

Пилат умыл в молчаньи руки,
Неумолим синедрион,
И тихий стон великой муки
Безумным ревом заглушен.

Как разъяренные пантеры,
Толпятся, злобою горя,
Рабы, купцы, вожди, гетеры,
Жрецы святого алтаря.

Устами жадного удава
Иуда славит черный грех,
Ликует бешено Варавва,
И Каиафы слышен смех...

А он, усталый, одинокий,
Лежит под тяжестью креста,
И скорбью темной и глубокой
Дрожат прекрасные уста.

Исполнен мукою кончины,
В лазурь небес восходит стон,
И капли крови, как рубины,
С чела струятся на хитон.

Стоят смущенною толпою
Ученики его окрест, —
Но одному даны судьбою
Ужасный путь и тяжкий крест!

А там во мгле, вдали от шума,
Тоскуя тайно о кресте,
Голгофа высится угрюмо
В своей печальной наготе...

.
<1909>

Пировать в горящем доме, спать у пасти крокодила,
На клокочущем вулкане затевать лихую пляску, —
Никому на ум, конечно, никогда не приходило,
Ибо все представить могут неизбежную развязку.

Но плясать и веселиться в дни народного страдания,
Но не думать о голодных за роскошными столами
И среди ужасов и скорби жить в восторгах ликования, —
Все грешили очень часто мы подобными делами.

И теперь сердца невольно дума черная тревожит,
Что на сытом нашем теле мы почувствуем удары
И страдания испытает, пред которыми, быть может,
Побледнеют все вулканы, крокодилы и пожары.

<1909>

КУЗНЕЦ

Чуть зорька в небе заиграет,
Едва пробьется первый свет,
Внизу работу начинает
Мой оглушительный сосед.
Ночные тени не сбежали,
А уж из кузницы давно
Удары молота по стали
Ко мне доносятся в окно.
Сосед-кузнец могуч и молод,
И грудь на зависть широка,
И, точно пух, тяжелый молот
Вздымает крепкая рука.
Всегда в труде, угрюм и черен,
А голос звучен, как труба,
А взгляд открыт и непокорен,
А речь правдива и груба.

На шумной площади недавно
Мы были рядом. Долгий час

Кипел, как лава, бой неравный,
Пока в бессильи не погас.
Трещали, лопаюсь, гранаты,
И вихри пуль нам смерть несли...
Утомлены, разбиты, смяты,
Мы отступили, мы ушли...
Едва дыша, в изнеможеньи
Добрел я к вечеру домой.
Позор и ужас пораженья
Мне рисовал мой ум больной.
Всему конец! Напрасна трата
Трудов, и доблести, и сил!
Пришла кровавая расплата —
Мы пали, недруг победил!
Опять бессилье, скорбь и злоба,
И в мертвом царстве новых мук
Не прогремит для нас до гроба
Призывный клич, свободы звук...

И вдруг в ответ моей печали
Из черной кузницы ко мне
Удары молота по стали
Примчались мерно в тишине.
Вскочил. Смотрю. Она открыта,
И горн пылает вдалеке,
И молот мощно и сердито
Гремит в мозолистой руке!

В жестоком гневе, негодуя,
Кончал работу мой сосед...
И, весь дрожа и весь ликуя,
Ему послал я свой привет.
Привет ударам укоризны,
Что силы вновь дарят борцу,
Привет спасителю отчизны,
Привет святому кузнецу,
Кто не боится пораженья,
Кому потерь в борьбе не жаль,
Кого не сгубят ни сомненья,
Ни малодушная печаль.

<1909>

ПЕСНЯ О КОРОЛЕ КУПОНЕ

Высоко над целым светом
Золотой вознесся трон,
И сидит на троне этом
Властелин король Купон.

А внизу над всей страной
Мчится стонов ураган,
И кровавой пеленою
Густо стелется туман.

Там кошмарные виденья
Вьются в сумраке ночей,
Там сквозь жаркие моленья
Слышен хохот палачей.

В корчах гнева и боязни
Задыхается земля...
Страшны пытки, страшны казни
У Купона-короля.

Но, защитой победной
Окружив свой пышный трон,
День и ночь, как призрак бледный,
Молчалив король Купон...

Чутко-чутко ловит звуки
Он из грозной темноты,
И туманит ужас муки
Королевские черты.

Зоркий взгляд он устремляет
На кровавые поля...
Что же радость омрачает
У Купона-короля?

Там вдали, за океаном,
Блещет красная звезда:
Там стоят могучим станом
Дети Вольного Труда.

Их дружины боевые
С грозной песней подойдут, —
Дрогнут замки вековые,
Башни крепкие падут,

Трон разрушится на части,
И восставшая земля
Гневно вырвет скипетр власти
У Купона-короля.

1909 (?)

НОЧЬ В ОДЕССЕ

Южной ночи синяя завеса
Опустилась трепетно к земле.
Дремлет море. Шумная Одесса
Утонула в теплой полумгле.

Я один. Вдали, с туманом споря,
Чуть блестят ночные огоньки
И дрожат на черной глади моря
Ласковы, неверны, далеки...

Рев сирен то глуше, то звучнее,
Ночи мгла то реже, то плотней,
А кругом неспящая аллея
В паутине бликов и теней.

И кругом, до самой глади моря,
Где огни последние горят,
Всюду стонет жалоба и горе
И не дремлет сумрачный разврат.

Мукой боли, судорогой страсти
Вся дрожит полуночная мгла,
И дверей зияющие пасти
Жадно ловят женские тела...

<1910>

К Р Ы М

БАЙДАРЫ

Над Байдарами — буря, над Байдарами — тени,
Над Байдарами ветер тяжело ходит по скалам.
И несутся толпою мимолетных видений
Мутно-сизые тучи над крутым перевалом.

А на взморье под солнцем золотятся долины,
Рассыпаются волны бриллиантовой пылью,
И сверкают над пенным малахитом пучины
Разметавшихся чаек белоснежные крылья...

<1910>

АЛУПКА

М. В. Дидерихс

Многозвучный, многоцветный,
Отсиял весенний день,
И тропюю неприметной
По горам спустилась тень.

Гаснут пламенные зори
Над горами в вышине,
Затуманенное море
Тихо плещет в полусне.

Точно белая голубка,
Притаившись за холмом,
Дремлет тихая Алупка
В светлом сумраке немом...

Лишь порой под рев сирены,
Подымая клубом пыль,
По дороге на Лимены
Пролетит автомобиль;

Да в прозрачном полусвете
Четко виден, одинок,
Муэдзин на минарете
Тихо плачет на Восток...

<1910>

ГОРНЫЙ ЛЕС

Над зеленым царством встали цепи гор...
Голубого моря искрится простор...
В ярком блеске солнца спит сосновый бор...

В воздухе клубится аромат смолы...
Высятся рядами желтые стволы...
Реют в синем небе горные орлы...

Радостен и светел, звонок и певуч
Вьется узкой лентой серебристый ключ,
Резвый сын тумана и холодных туч...

Вся трепещет светом голубая даль...
Веет над душою тихая печаль...
И о чем-то грустно, и чего-то жаль...

Солнце! Ты уходишь за лазурный свод!
Счастье! Как недолог легкий твой полет!
Сердце, сердце, сердце!.. Кто тебя зовет?

<1910>

ПЕРЕД БУРЕЙ

С Черным морем, темнея, слились небеса,
Затуманилось Черное море.
Утонули турецких фелюг паруса
В необъятном воздушном просторе.

Беспокойная ночь ожиданьем полна.
Волны дремлют тревожно и чутко.
На пустом берегу тишина, тишина,
В тишине одиноко и жутко.

Точно дышит во тьме притаившийся враг;
Точно чьи-то незримые очи
Сторожат и следят каждый звук, каждый шаг,
Каждый трепет под сводами ночи.

Где-то чайка кричит. Надвигается мрак,
Ночь ползет по холмам молчаливым.
Бледно-желтым огнем засветился маяк
Над холодным и темным заливом.

Тишина, тишина... А в туманной дали
Уж клокочут и пенятся воды,
И среди молний растет от небес до земли
Черный призрак морской непогоды.

<1910>

ВЕЧЕР В МИСХОРЕ

Белоснежные чаши магнолий
Заалели в сияньи заката,
Теплый сумрак воздушных раздолий
Напоая волной аромата.

И синеют безгранные дали,
И померкли заливы и мысы,
И, как тени могильной печали,
Молчаливо стоят кипарисы.

А за ними далекие горы
Поднялись в очертаньях знакомых,
И тускнеющих красок узоры
Умирают на горных изломах.

<1910>

ЗОРИ

Сияют закатные зори.
Безмолвная ночь подошла.
На взморье от темных предгорий
Спускается белая мгла.

На взморье от темных предгорий
В молчании полночь плывет...
Склони на плечо мне головку
И слушай, как море поет.

Склони на плечо мне головку,
Свободно и тихо вздохни.
В тревоге земного скитанья
Одни мы с тобою, одни...

В тревоге земного скитанья
Истерзаны сердце и грудь...
Как сладко забыть о минувшем
И как хорошо отдохнуть.

Как сладко забыть о минувшем,
Как сладко шепнуть: «Подожди!...»
Сияют закатные зори,
Последний покой — впереди.

Сияют закатные зори,
Кончаются трудные дни...
В иное, безбрежное море
Уйдем мы с тобою одни.

<1910>

НОЧЬ В АЛУПКЕ

Посмотри: яснее высь,
Волны в море улеглись,
Зачернели в полумгле
Кипарисы на скале.

Неба синего простор
Выступает из-за гор,
На угрюмый минарет
Робко льется бледный свет.

Всё яснее небосвод. . .
По равнине сонных вод,
Разливаясь и скользя,
Реет лунная стезя.

Тонет в чаще каждый звук,
Только сердца слышен стук.
Тише! Тише! Этот час
Создан вечностью для нас.

1910 (?)

АЙ-ПЕТРИ

Здравствуй, гордый сын Тавриды!
Я иду к тебе с приветом.
Здравствуй, мощный и безмолвный
Царь холодной вышины,
От вершины до подножья
Озаренный лунным светом,
Величавый, точно замок
Заколдованной страны!

В глубине твоих провалов
Спят кочующие тучи,
У твоих зеленых сосен,
У твоих орлиных гнезд,
И стоишь ты в южном небе,
Молчаливый и могучий,
В созерцаньи синей шири
И холодных, вечных звезд.

На полях моих далеких
Много тихого простора,
Много прелести убогой
На раздолье желтых нив,
Но тебя недоставало
Для тоскующего взора,
И томился я душою,
Очи к югу устремив. . .

Здравствуй, гордый сын Тавриды!
Я иду к твоим стремнинам
Затеряться и забыться
В вековых твоих лесах,
Где поет и стонет ветер,
Пробегая по вершинам,
И дрожат потоки света
В бирюзовых небесах.

1910 (?)

БЕЛОРУССИЯ

КОСОВИЦА

«Коси, коса, пока роса,
Роса долой — и мы домой!»
Шуршит трава, звенит коса,
И небо блещет синевой.

Едва на утренней заре
Зажглись алмазы белых рос,
Уж по лугам и на горе
Трепещут взмахи синих кос.

В прозрачной желтой полосе
Не видно солнца. День далек.
А ноги вымокли в росе,
И пробирает холодок.

Зато спорчей идет коса
В траве холодной и сырой...
«Коси, коса, пока роса,
Роса долой — и мы домой!»

<1911>

ИЮЛЬ

Горит заря. Под лесом вдоль опушки,
Как белый дым, ползет ночная мгла.
За ближней рощей квакают лягушки,
И впереводку кричат перепела.

Куда ни глянь — с востока до заката
Лежит в полях туманная теплынь.
В густой траве сильнее пахнет мята,
Цветут шалфей, ромашка и полынь.

В глуши болот пронзительно и тонко
Звенит-поет ночная мошкара.
И крик совы, как жалкий плач ребенка,
Тревожит лес. Теперь ее пора.

Над гладью вод, недвижной и глубокой,
Дымится пар, прохладный и седой...
Там утки спят под свежую осокой,
Как поплавки, качаясь над водой.

Крик петуха пронесся от задворка...
А ночь плывет, туманна и тепла...
За темной рощей светит хлебозорка,¹
И до зари кричат перепела.

<1911>

В БОРУ

Дикий бор. Из темной чаши
Веет сыростью лесной.
Ароматнее и слаще
Пахнет свежую сосной.

Из трущобы перелеском
На открытые поля
В синем небе с тихим плеском
Протянули дупеля.

И надолго тихо снова...
Вдруг раздастся легкий хруст,

¹ Июльская зарница.

И орешника густого
Шевельнется темный куст.

Тенью легкой и пушистой
Белка прыгнет на сосну
И дорогою смолистой
Унесется в вышину.

Между веток, как в оконце,
Смотрит книзу: «Не достать?..»
Что за день! Какое солнце!
И какая благодать!

<1911>

ДОРОГА

Тучи да ветер. На черной дороге
Гати, живые мосты.
Тускло блестит молодик круторогий,
Мрачно темнеют кусты.

«Эй, Капитон! Погоняй же ты, леший!..»
— «Что там? Куда погоню?
Этаким шляхом не ходит и пеший,
Где ж тут проехать коню?»

Что потащился ты, глядя-то на ночь?
Дал бы хоть людям покой!
К нашим дорогам приставлен Ульяныч,
Член, что ли, земский такой...

Ловкая шельма! Живет и не тужит...
Ну, а дороги — того...
Вот как под осень намокнет, разлужит,
Тут и вспомянешь его!

Маешься... Кóней зарежешь до смерти,
Либо увязнешь, — хоть брось!..
Что за оказия? Стойте вы, черти!..
Вылазь, брат! Лопнула ось!»

<1911>

БУДЬ БЛАГОСЛОВЕННА!

Все восторги прожиты, все огни потушены,
Отцвели и умерли радужные сказки.
Клятвы, обещания и слова нарушены,
И остыли жгучие, трепетные ласки.

Но лелеет прошлое память неустанная:
Пусть сердца изменчивы, пусть любовь

мгновенна...

О моя прекрасная, о моя желанная,
О моя далекая, будь благословенна!

<1911>

ЮЖНОЕ МОРЕ

Ты помнишь южное море?
Там тени ложатся у скал,
И пенится в светлом просторе
Малахитовый вал.

Там песок золотой и горячий,
И как жемчуг — прибой,
И парус рыбачий
Там тонет в дали голубой.

А ночью в скалах пустынных
Отзываются всплески волны,
И крабы на отмелях длинных
Пробегают при свете луны.

<1911>

ЭКСТАЗ

Мы бежали спастись, разойтись, отдохнуть,
Мы бросали свои баррикады...
Разрывая огнями туманную муть,
Грохотали и били снаряды.

Ты предстала, как смерть. Заградила наш путь,
Приковала смущенные взгляды,
Как тигрица, метнулась и бросила в грудь:
«Оробели, трусливые гады?!»

И никто не узнал дорогого лица...
Но, сплотившись, под звуки напева,
Мы отхлынули прочь — умирать до конца...

Грозным словом могучего гнева
В пасть орудий ты бросила наши сердца,
О Валькирия, страшная дева!

<1911>

ЮНОСТЬ

На взморье шум. Светло и жарко.
Крутой тропинкой по горе
Сбегают юная татарка
В цветной узорчатой чадре.

Глядит пугливо в чашу парка:
Безлюден берег на заре.
Лишь море в пенном серебре
Звенит, пбдет и светит ярко...

Ах, хорошо в тени скалы
Раздеться, стать над пенной мутью,
Смеяться морю и безлюдью,

Смотреть в завесу дальней мглы
И смело прыгнуть смуглой грудью
На бирюзовые валы!

<1911>

БОЖИЙ ЧЕЛОВЕК

Бредет проселочной дорогой
Зимой в опорках, летом бос,
Высокий, стройный, тонконогий,
С копной нечесаных волос.

Смеются радостно и кротко
Большие, синие глаза.
Прямая русая борода
Густа, как девичья коса.

До первых звезд по темным чашам
Бредет, не зная сам, куда,
Внимая весело звенящим
Напевам черного дрозда.

Идет звериною тропою,
Где дремлет сумрачная ель,
Где с яркой, овежею листвою
Переплелся кудрявый хмель,

Где крик гусей несется внятно,
Спускаясь с неба до земли,
И, нежась, солнечные пятна
На зелень влажную легли...

Весь день идет, поет припевки,
Берет грибы, плетет венки.
Встречаясь с ним, хохочут девки,
Над ним смеются мужики:

«Такую взял себе охоту!
Ленив, хоть бей его колом,
Весь век не ходит на работу!
Прямое дело, дуrolом.

Молиться, — молится помногу,
Ребятам сказывает сны,
А в храм нейдет: «Забыл дорогу!»
Попов пугается: «Черны!»

Не вор, не пьяница. Чудачит,
А не обидит никого.
Поет, поет... А то заплачет.
Пускаем на ночь. Ничего!

Часок поспит. А день засветит —
Вскочил, и тягу из-села.

«Чего ты?» — спросишь. Он ответит:
«А нонечь зорька весела!»

— «Куда пойдешь?» А он: «Не видно. —
Кричит, — отселе далеко!..»
И то сказать: порой завидно!
Живет он больно уж легко.

Ведь мы-то пашем, мы-то сеем,
А он шатается весь век.
Не зря крестили Алексеем!
Известно — божий человек.

<1912>

УХАРЬ

Весел, шапка на затылке,
Красен, как индюк.
Смотрит горлышко бутылки
Из кармана брюк.

Пиджачок его короткий,
Грязен и прожжен,
И штилеты без подметок,
Да зато — фасон!

Где ни ступит, что ни скажет —
Дрянь и срамота!
Деревенским девкам мажет
Дегтем ворота;

Мать, убогую старушку,
Гонит со двора,
Тычет в шею, хлещет в ухо:
«В гроб тебе пора!»

Матерщиной поливает
Деда-старика;
Баб замужних зазывает
В двери кабака...

Год на воле, год в остроге.
Шляясь в деревнях,
Мерзнет пьяный на дороге,
Тонет в полыньях.

Лютой хворостью недужен,
Смертным боем бит, —
А живет! Чертям не нужен,
Богом позабыт.

<1912>

ВЕДЬМА

Вышла в поле на заре.
Травы в росном серебре
На пригорке просыпались.
У соседок во дворе
Петухи перекликались.

Нахлобучила платок,
Заплела плотней онучи
И тропой пошла в лесок,
Озираясь на восток,
Где в заре купались тучи.

С тайной, тихой ворожкой
Рвала мяту, зверобой,
И не чуяла старуха,
Как в кустах между собой
Мужики шептались глухо:

«Глянь-ка: травки и сума...
Вишь ты, чертова кума!
То-то озими невсхожи,
До Егорья вплоть зима,
А Петровки непогожи...»

И опять же, скажем, хворь
Пятерых в селе скосила...

Всё от ведьмы, как ни спорь...
Вишь, колдует с первых зорь...
Эка дьявольская сила!»

<1912>

КОНОКРАД

Без пояса, в драной рубахе,
С кровавым рубцом на щеке,
В предсмертном томительном страхе,
За ригой, на влажном песке,

Метался под взмахами палки,
Свивался, как серый паук,
И были бессильны и жалки
Движенья закрученных рук.

Пьянящее бешенство злости
Гудело над сонным селом.
«Попался!» — «Пожаловал в гости!»
— «Колом, лиходея, колом!»

Откинувши полы тулупа,
Живот подтянув кушаком,
Хозяин размеренно-тупо
Гвоздил беглеца каблуком.

А сын наклонился с оглядкой,
Коленом уперся в песок
И молча тяжелой свинчаткой
Хватил конокрада в висок.

И рухнул он мягко и вяло
И замер на взрытой земле.
Дыханье в груди клокотало,
Как влага в закрытом котле.

И только глаза не мигая
Смотрели в кровавую грязь,
Тускнея, в слезах застывая
И точно чему-то дивясь.

<1912>

* * *

Снилось мне, что в небе бледный месяц гас,
И дрожали звезды в предрассветный час,
И восточный ветер от пустых полей
Шелестел верхами темных тополей.

И спокойно спящей мне приснилась ты:
Ровное дыханье, бледные черты,
И ресниц сомкнутых трепетная тень,
И по стеклам окон крадущийся день...

<1912>

ПОД ГРОЗОЙ

Душный вечер в июле
Стал внезапно темней,
И поля потонули
В серой дымке теней.

Низко реяли птицы,
Низко тучи ползли,
Трепетали зарницы
От небес до земли.

И в стремительной силе
Сквозь кусты и бурьян
Желтым облаком пыли
Налетел ураган.

От далекого гула
Потряслись небеса.
Ты, робея, взглянула
И закрыла глаза.

И бессильно склонилась
С первой дрожью стыда...
И навек сохранилось
Всё, как было тогда:

Прелесть ласки несмелой,
Трепет, жуткий до слез,
Шелест кофточки белой,
Тонкий запах волос,

Разметавшийся локон
На холодной щеке,
Ряд темнеющих окон,
Черный лес вдалеке,

Сумрак комнат огромных,
Крик встревоженных птиц,
И в глазах твоих темных
Отраженье зарниц.

<1912>

ЖЕНЩИНЕ

Я люблю тебя загадочно и странно,
Я люблю тебя в таинственных мечтах,
Как мерцанье тихих звезд в дали туманной,
Как зарницу на холодных небесах.

Что-то светлое, минутное, родное
В красоте твоей таится для меня
И уходит, как видение ночное,
Перед взорами нахлынувшего дня.

И на смену вдохновенных откровений
Выползает, как уродливая тень,
Сладострастье и безумье наслаждений,
И усталая, томительная лень.

Силой страсти властно брошены в объятья,
Мы дрожим, как две натянутых струны, —
Но в душе у нас растут уже проклятья,
И — не знаю, чем — сердца разделены...

И не знаю я, зачем мечты ликуют,
И зачем растет в душе моей гроза,

И о чем так нежно просят и тоскуют
Побелевшие, глубокие глаза...

Я не знаю, и не верю, и не вижу,
Но ищу в тебе родную красоту...
Только женщину в мечте я ненавижу,
Только в женщине люблю мою мечту.

<1912>

PICCOLA MARINA¹

(Капри)

Над морем целый день проходят облака,
Сквозные, легкие, румяные от солнца.
Закатные лучи скользят издалика
И сыплют по волнам горячий блеск червонца.

Под камни бьет волна жемчужной чешуей,
На камнях стелется, как хризолит сквозистый,
А вниз сливается кипящею струей:
В ней золото горит, и брызжут аметисты.

И пена легкая, как нежный белый газ,
Течет по заводи над гладью малахита.
Оттенков — тысячи, но их не видит глаз:
Всё блещет, всё кипит, и всё чудесно слито.

Струится легкий бриз. Под гаснущим лучом
Ясней рисуется холмистая вершина,
Обрывы желтых скал, венчаные плющом,
И белые столбы на Villa Serafina.

Мелькают паруса. Песчаный берег пуст.
Горит и светит даль лазурью и опалом.
И веет свежестью дыханье мощных уст,
От пенистых валов бегущее по скалам.

<1912>

¹ Маленькая бухта (итал.). — Ред.

ДОРОГА НА АНАКАПРИ

Ущелья, скалы и кусты
Покрыл туман сквозистой мутью,
И веет холодом и жутью
От темной горной высоты.

Не видно звезд. Лежит кругом
Полночный мрак, сырой и сонный.
Едва горит в Скале Мадонны
Лампада тусклым огоньком.

И только дальний стук шагов
В молчаньи ночи ловит ухо,
Да волны сумрачно и глухо
Шумят у черных берегов.

<1912>

МАРТ

На Алексея с гор потоки...
Сквозь тучи просини горят.
Мутны, игривы и глубоки,
Ручьи весенние звенят.

Уж по холмам на голых скатах
Темнеет бурая трава,
И ярче запад на закатах,
И глубже неба синева,

И зори ясны и багряны,
И на востоке поутру
Сквозные, бледные туманы
Ведут волшебную игру.

Дни тихи. Капают капли.
К полудню сыро и тепло.
Узор смолы на темной ели
Блестит, как желтое стекло.

Пушатся вербы: им не страшен
Мороз в безветренной ночи.
По мягким комьям черных пашен
Гуляют черные грачи.

Покинув зимние жилища,
Снуют голодные хорьки,
Звончей, и радостней, и чище
Поют-горланят петухи.

И всюду сладкое томленье,
И всюду светлая тоска,
И тайна вечного рожденья
Душе понятна и близка.

<1912>

ЗЕМЛЯ ЦВЕТЕТ

Земля цветет. В зеленой пуше
Оделись влажные бугры.
Что ночь — туманнее и гуще
Плывут весенние пары.

И долго в солнечных объятьях
Ты не устанешь трепетать,
Неистошима в зачатях
Моя таинственная мать!

И долго в муках темной страсти
Я вешней ночью не усну:
Мой дух — в твоей всесильной власти,
В твоём томительном плену.

И в смене дней, в кругу явлений
Мне неразгаданно-близка
Твоих весенних вождедений
Неутолимая тоска.

<1912>

БЕЛАЯ НОЧЬ

Ночь — не ночь... Луна в туманном мареве
Бледной тенью бродит в небесах.
Ясный запад мреет в ясном зареве,
Белый пар колыхается в лесах.

Мирно спят трущобы непробудные.
А в полях алмазами росы
Серебрятся травы изумрудные
И блестят зеленые овсы.

Спать — не спишь, а сладко, жарко маешься...
К темным окнам молча подойдешь,
Тихой думе нежно улыбаешься
И чего-то радостного ждешь.

Ждешь, как прежде, праздника зеленого
На рассвете троицына дня.
В тайных недрах сердца истомленного
Чей-то шепот носится, звеня.

Небо веет радостными сказками,
Вечной тайной синей глубины,
А земля — девическими ласками
И прощальной прелестью весны...

Поглядишь: с востока загорается
Алый свет, яснее и дрожит...
В эту ночь заря с зарей встречается,
Тихий вечер утро сторожит,

Ласки солнца ждет земля туманная,
С темным лесом шепчется вода...
Только нам с тобой, моя желанная,
Не встречаться больше никогда.

<1912>

НА ВЕЧЕРНЕЙ ЗАРЕ

На заре догорающей
Выхожу на крыльцо:
Мне прохладой ласкающей
Веет сумрак в лицо.

Как лампы вечерние,
В небе звезды зажглись.
Всё синей и безмернее
Светозарная высь.

Ароматами росными
Напоенная мгла
Под высокими соснами
Неподвижно легла.

И тоскливая, странная
Надвигается тень
На равнины туманные,
На огни деревень.

Тихо травы колышутся
У крыльца моего...
Колокольчики слышатся...
Я не жду никого.

<1912>

ОГОНЕК

Душен летний вечер. Даль небес объята
Мертвым, мутным светом бледного заката.
Вьется путь в туманах. Колокольчик плачет.
На лесной опушке огонек маячит.

Огонек дрожащий, огонек далекий...
Радость прожитая... Путь мой одинокий...
Кто тоску развеет? Только ветер в поле,
Только ночь да тучи... Погоняй же, что ли!

<1912>

У ОБНА

Летний вечер ясен, тих и долог.
Призрак ночи прячется в лесах,
И зари пурпурно-желтый полог
Высоко раскинут в небесах.

Сад застыл в таинственном покое...
Холодеют росы. Под окном
Пряно пахнут бледные левкои
И кусты, обвеянные сном...

О, как ясно небо! Как чудесен
Светлый сон! До утренних часов
Буду ждать рассветных птичьих песен
И людских веселых голосов.

И под шелест листьев полусонных
Буду грезить ярко и светло
О весне, о девушках влюбленных,
Обо всем, что в сердце зацвело.

<1912>

* * *

Нынче в поле мутно, влажно.
След чуть виден по росе.
Стонут совы, и протяжно
Коростель скрипит в овсе.

Светом тусклым и зеленым
Задремавший дол облит.
И круги над темным кленом
Мышь летучая чертит.

Лес таинственно чернеет,
И высоко над селом
В мутном небе полночь реет
Мягким, трепетным крылом.

<1912>

ЗАРНИЦЫ

Темнеет даль на севере.
Туманы налегли.
В сыром душистом клевере
Кричат коростели.

Под яркими Стожарами,
За мглой лесных границ,
Широкими пожарами
Горят огни зарниц.

Сквозь тучи льется струями
Огнистая волна,
И неба поцелуями
Вся ночь обожжена.

Не бог ли там, за тучами,
В надвинувшейся мгле
С объятьями могучими
Склоняется к земле?

Сверкает и проносится
Далекая гроза,
И песня к сердцу просится,
А слезы — на глаза.

<1912>

РАССВЕТ

Девушка стояла на высокой башне...
В небе угасала бледная звезда...
Спали в белой дымке и луга и пашни...
Тихо колыхалась сонная вода...

Крыльями звенели голуби на крыше...
Звучно крикнул коршун, в воздухе паря...
Алые туманы поднимались выше...
Ярче разгоралась алая заря...

В небе трепетали тающие звуки,
Точно где-то пела звонкая струна...
Девушка к востоку протянула руки...
Солнце! Солнце! Солнце! Ночь побеждена.

<1912>

СВЕТЛЫЙ ЗНОЙ

В неподвижном, светлом зное
Спят зеленые луга,
Спит и озеро лесное,
Отражая берега.

Над песчаным косогором
Четко сосны поднялись,
Уходя резным узором
В голубеющую высь.

Заводь сонная трепещет,
Точно зыбкое стекло,
В светлой влаге тихо плещет
И купается весло.

В неге сладкого бессилья
Над зеркальной глубиной
Я плыву, и чьи-то крылья
Мягко веют надо мной.

И журчит волна, далеко
Расплываясь за кормой,
И бежит-бежит осока
Изумрудною каймой.

Вот навес ее зеленый
Раздвигается, шурша...
И в объятья грезы сонной
Опускается душа.

Светлый зной течет дремотно...
Лягу. Весла уроню.
И отдамся безотчетно
Солнцу, воздуху и дню.

<1912>

БЕРЕЗЫ

Любите вы север, белые березы:
Вешние разливы, зимнюю метель,
Радужные зори, утренние росы,
Жаворонка трель,

Теплые туманы, свежий, сочный клевер —
Всё, что сердцу снится здесь, в чужом краю...
Белые березы, любите вы север,
Родину мою.

<1912>

БОР

За черным бором пели петухи.
Осенний ветер плыл по перелескам,
И влажные, серебряные мхи
В глуши болот дрожали тусклым блеском.

Зловещая, багровая луна
Всходила ввысь. Прогалины светлели.
Как сквозь узор литого чугуна,
Огромный диск краснел сквозь ветви ели.

И просека широкая вела
Куда-то вдаль — загадочно и прямо.
И сумрачно дышала полумгла
Величием неведомого храма.

<1912>

БАБЬЕ ЛЕТО

Тихо в чаще. Ласковая осень
Золотит берез поблекший лист.
Даль прозрачна. Воздух свеж и чист,
Но бледна задумчивая просинь.

Каждый звук, родившийся в тиши,
Точно призрак, тает без ответа...
В эти дни в таинственной глуши
Умирает царственное лето.

От болота сонного кругом
Веет хвоей, сыростью и гнилью...
Дождевик, задетый сапогом,
Обдает сухой, зеленой пылью...

Грустно блекнут травы и цветы...
И вокруг ни трепета, ни зноя —
Лишь одно сиянье красоты,
Красоты последнего покоя.

<1912>

ПОГОСТ

Сумрачные ели, да кресты погоста,
Да курган песчаный, да дорога в поле.
Всё вокруг безмолвно, всё убого, просто...
Но как много грусти и как много боли!

Или скорбь земная и в могилах снится?
Оттого, быть может, в тягостном покое
Воздух цепенеет, и едва струится
Ладан смол еловых в мертвой, темной хвое.

<1912>

СЕВЕРНЫЕ СНЫ

По лазури потемнелой
Тенью тусклой и несмелой
Проплывают облака.
В вышине над синей бездной
Тихо стелет полог звездный
Ночи темная рука.

Реки спящие облиты,
Дали мутные повиты,
И холмы озарены,
Точно кружевом волшебным,
Светом бледным и враждебным
Затуманенной луны.

Весь наполнен грезой ложной
Темный час тоски тревожной,
Чуждый небу и земле...
Где-то мерно, однозвучно,
Одиноко и докучно
Стонет колокол во мгле.

Точно жалобой унылой
Над неведомой могилой
Льется долгою волной
Звон протяжный, погребальный,
Звон полночный, звон печальный,
Безответный и больной.

На заснувшие курганы
Лезут белые туманы
Из дымящихся болот.
И проснувшиеся травы
Пьют болотные отравы.
Меркнут зори. Ночь идет.

<1912>

МАТЕРИ-ЗЕМЛЕ

В часы бесцельных вождлений
На утре юношеских дней
Я знал заветный край видений,
Влекущих звуков и огней.

И мне в мистическом тумане
Сквозь тонкий радужный покров
Сияли призрачные грани
Недосягаемых миров.

К их красоте, немой и лживой,
От дольных радостей и слез
Я убегал, как раб ленивый
От невозделанных полос...

Но вот глаза мои прозрели;
Виденья скрылись в пустоту,

И я познал иные цели,
Иных стремлений красоту.

Томясь в поту, в полдневном зное,
Влачась во прахе и в пыли,
Я весь земной, люблю земное
И славлю радости земли!

Земля!.. Кто в силах мне ответить:
Когда я смертным сном усну?..
Но дай, о мать, восторгом встретить
Мою последнюю весну!

Небесный свод в лучистых звездах
Раскинь над сумраком полей!
Взрасти цветы, и вешний воздух
Благоуханием налей!

Его целительным причастьем
Меня, больного, причасти
И освети последним счастьем
Мои последние пути!

И у преддверия могилы,
У зева Вечности немой
Пошли мне, гаснущему, силы
Идти дорогою прямой:

Следить восторженно и чутко,
Как первый гриб в бору растет,
Как зацветает незабудка
На свежей зелени болот;

Как голубеет и трепещет
Небес широкий кругозор,
Алмазной зыбью ярко блещет
Живая гладь лесных озер,

Луга цветут, а над лугами,
Как одинокая свирель,
Плывет незримыми кругами
Степного жаворонка трель.

<1912>

И. А. БУНИН

Выдающийся русский писатель (поэт и беллетрист) Иван Алексеевич Бунин происходил из обедневшего старинного дворянского рода.

Родился он 10 октября 1870 года в Воронеже. Детство, отрочество, да отчасти и юность Бунин провел в небогатом отцовском поместье Бутырки, Елецкого уезда, нынешней Орловской области. Одиннадцати лет будущий писатель начал учиться в гимназии, в Ельце, по окончании которой четыре года прожил в имении бабки Озерки, в том же Елецком уезде.

В 1887 году в журнале «Родина», в одном из майских номеров, появилось первое (в печати) стихотворение Бунина — «Деревенский нищий». С сентября 1888 года стихи его начали печататься в книжках «Недели» П. А. Гайдебурова. С осени 1889 года он работает в «Орловском вестнике» и в то же время странствует по России. «Жил в Орле, Харькове, Полтаве — и все в радикальских кружках, — учился, немного работал в провинциальных газетах, странствовал по югу России, года два служил в полтавском губернском земстве статистиком, библиотекарем, временами порядочно нуждался...»¹

В 1891 году в Орле вышел первый сборник стихов Бунина «Стихотворения 1887—1891 гг.». В апрельской книге «Русского богатства» за 1894 год был напечатан его первый рассказ «Деревенский эскиз». В то же время он начал печататься в «Вестнике Европы».

В январе 1895 года Бунин впервые в Петербурге. В том же году в Москве он знакомится с Чеховым, Бальмонтом, Брюсовым. В октябре 1895 года в «Новом слове» появился рассказ «На край

¹ Так писал Бунин в автобиографической заметке для книжки Ф. Ф. Фидлера «Первые литературные шаги». СПб., 1911, стр. 264.

света», а в январе 1897 года в Петербурге вышла первая книга рассказов Бунина. После этого он снова в течение двух лет много путешествует по родине (Орловская губерния, Украина, Крым). С конца 1890-х годов и на долгое время Бунин — ближайший участник московского кружка писателей-реалистов «Среда». В конце 1896 года издан бунинский перевод «Песни о Гайавате». С 1902 по 1911 год Бунин — сотрудник «Знания». В 1902 году «Знание» издает первый том его сочинений, за которым последовали другие. В 1909 году Бунин избран в число почетных академиков, в 1912 году — почетным членом Общества любителей российской словесности. В 1915 году книгоиздательство А. Ф. Маркса выпустило приложением к «Ниве» собрание сочинений Бунина в шести томах. Годы 1906—1916 — лучшая пора в творчестве Бунина. Близкий к Горькому, соратник его по «Знанию», Бунин в эти годы создает свои лучшие стихи, рассказы и повести в духе критического реализма, среди которых такие шедевры, как «Деревня», «Суходол», «Господин из Сан-Франциско».

После Великой Октябрьской социалистической революции начинается другая жизнь Бунина. Классовая ограниченность писателя не только помешала ему понять великий социальный переворот — рождение новой России, но и отбросила в стан злейших врагов рабочего класса и его партии. В 1920 году Бунин эмигрировал и вскоре поселился во Франции.

За многие годы эмигрантской жизни Бунин создал целый ряд новых произведений. Он оставался тонким художником, первоклассным стилистом. Но оскудела его тематика. Бунин варьировал старые темы и мотивы.

Умер он в Париже 8 ноября 1953 года.

МОРОЗ

Так ярко звезд горит узор,
Так ясно Млечный Путь струится,
Что занесенный снегом двор
Весь и блестит, и фосфорится.

Свет серебристо-голубой,
Свет от алмазов Ориона,
Как в сказке, льется над тобой
На снег морозный с небосклона.

И фосфором дымится снег,
И видно, как мерцает нежно
Твой ледяной, душистый мех,
На плечи кинутый небрежно,

Как серьги длинные блестят,
И потемневшие зеницы
С восторгом жадности глядят
Сквозь серебристые ресницы.

21 июля 1903

ДИЗА

Вечернее зимнее солнце
И ветер меж сосен играют,
Алеют снега, а в светлице
Янтарные пятна мелькают.

Узорные тени от сосен,
Играя, сквозят позолотой
И по столу ходят, но тихо
Склонилась она за работой.

На бронзу волос, на ланиты,
На пальцы и руки широко
Вечернее льется сиянье,
А думы далеко, далеко!

Тяжелое, зимнее море
Грохочет за фьордом в утесах,
И стелется по ветру пена
И стынет на снежных откосах;

Качаются с криками чайки
И падают в пену и тают,
Но звонкой весенней слюдою
Давно уж откосы блистают!

Пусть ночи пожарами светят
И рдеют закаты, как раны,
Пусть ветер бушует, — он с юга,
Он гонит на север туманы!

Пусть милый далеко, — он верен...
И вот на вечернее солнце,
На снег, на зеленые ветви
Она загляделась в оконце.

Забыты узоры цветные,
Забыты точеные пальцы,
И тихо косою играют
Прозрачные, тонкие пальцы,

И тихо алеют ланиты,
Сияя, как снег, белизною,
И взоры так мягки и яркие,
Как синее небо весною.

21 июля 1903

ТЛЕН

В гостиную, сквозь сад и пыльные гардины,
Струится из окна веселый летний свет,
Хрустальным золотом ложась на клавишины,
На ветхие ковры и выцветший паркет.

Вкруг дома — глушь и дичь. Там клены и осины,
Приюты горлинок, шиповник, бересклет...
А в доме — рухлядь, тлен: повсюду паутины,
Все двери заперты... И так уж много лет.

В глубокой тишине, таинственно сверкая,
Как мелкий перламутр, беззвучно моль плывет.
По стеклам радужным, как бархатка сухая,
Тревожно бабочка лиловая снует...

Но фортки нет в окне, и рама в нем — глухая...
Тут даже моль недолго наживет!

29 июля 1903

ХРИЗАНТЕМЫ

На окне, серебряном от инея,
Точно хризантемы расцвели.
В верхних стеклах — небо ярко-синее
И застреха в снеговой пыли.

Всходит солнце, бодрое от холода,
Золотится отблеском окно:
Утро тихо, радостно и молодо,
Белым снегом всё запушено.

И всё утро яркие и чистые
Буду видеть краски в вышине,
И до полдня будут серебристые
Хризантемы на моем окне.

Август 1903

ДОМА

Ночь тепла, светла и золотиста,
Месяц встал и замер над гумном,
Всё уснуло. Темен тихий флигель...
Степь и небо видны за окном.

За окном по лопухам чернеет
Тень от крыши; дальше, на кусты
И на жнивье, лунный свет ложится,
Как льняные белые холсты.

Далеко на севере Капелла
Блещет семицветным огоньком,
И оттуда, с поля, тянет ровным,
Ласковым полуночным теплом.

Сладко этой лаской упиваться,
Сладок отдых ночью... Ночь светла,
Всё вокруг как прежде: хутор, поле...
Всё как было... Только жизнь прошла!

1903

ЖИЗНЬ

Набегают впотьмах,
И узорною пеною светится,
И лазурным сиянием реет у скал на песке...
О, божественный отблеск таинственной жизни,
мерцающей
В мирадах незримых существ!

Ночь была бы темна,
Но всё море насыщено тонкою
Пылью света, и звезды над морем горят.
В полусвете всё видно: и рифы, и взморье зеркальное,
И обрывы прибрежных холмов.

В полусвете ночном
Под обрывами волны качаются —
Переполнено зыбкое, звездное зеркало волн!

Но, колеблясь упруго, лишь изредка складки
тяжелые
Набегают на влажный песок.

И тогда, фосфорясь,
Загораясь мистическим пламенем,
Рассыпаясь на гравий мирьядами бледных огней,
Море светит сквозь сумрак таинственно, тонко
и трепетно,
Озаряя песчаное дно.

И тогда вся душа
У меня загорается радостью:
Я в пригоршню ловлю закипевшую пену волны,
И сквозь пальцы течет не вода, а сапфиры —
несметные
Искры синего пламени — Жизнь.

О божественный свет!
О великое зеркало водное!
Переполнено ты, — переполнена жизнью Земля.
Всё мгновенно, всё — искры, но искры Единого,
Вечного,
И во всем — Красота, Красота!

1904

ПЕРЕД БУРЕЙ

Тьма затопляет лунный блеск,
За тучу входит месяц полный,
Холодным ветром дышат волны,
И всё растет их шумный плеск.

Вот на мгновенье расступился
Зловещий мрак, и, точно ртуть,
По гребням волн засеребрился
Дрожащий отблеск — лунный путь.

Но как за ним сгустились тучи!
Как черный небосклон велик!..
О ночь! Сокрой во тьме свой лик,
Свой взор тревожный и могучий!

<1904>

ОУМЕРБИ

Как дым, седая мгла мороза
Застыла в сумраке ночном.
Как привидение, береза
Стоит, серея за окном.

Таинственно в углах стемнело,
Чуть светит печь, и, точно тень,
Над всем простерлася несмело
Грусть, провожающая день,

Грусть, что разлита на закате
В полупомеркнувшей золе,
И в тонком, теплом аромате
Сгоревших дров, и в полумгле,

И в тишине — такой угрюмой,
Как будто бледный призрак дня
С какою-то глубокой думой
Глядит сквозь сумрак на меня.

<1904>

БОЛЬЦО

В белом песке золотое блеснуло кольцо...
Я задремал над Днепром у широкого плеса,
Знойною ласкою ветер повеял в лицо,
Легкой прохладой и запахом свежего теса, —
Ярко в воде золотое блеснуло кольцо.

Как его вымыли волны на отмели белой! —
Точно к венчанию... Искрился солнечный блеск,
Видел я плахты, сорочки и смуглое тело,
Слышал я говор, веселые крики и плеск...
Жадной толпою сошлись они к отмели белой.

Жадно дыша, одевались они на песке,
Лоснились косы, и карие очи смеялись...
С звонкими песнями скрылись они вдалеке,

Звонко о берег прозрачные волны плескались...
Чье-то кольцо золотится в горячем песке.

О, красота, тишина и раздолье Днепра!
Помню, как ветер в лугах серебрил верболозы,
Помню, как ряла дальних миражей игра,
Помню о счастье безумные, сладкие грезы...
Знойные полдни на белых побережьях Днепра!

<1904>

В ЕВПАТОРИЙСКИХ СТЕПЯХ

Синеет снеговой простор,
Померкла степь. Белее снега
Мерцает девственная Вега
Над дальним станом крымских гор.

Уж сумрак пал, как пепел сизый,
Как дым угасшего костра;
Лишь светится багряной ризой
Престол Аллы — Шатер-гора.

<1904>

НАД ОКОИ

Домой я шел по скату вдоль Оки,
По перелескам, берегом нагорным,
Любуясь сталью вьющейся реки
И горизонтом, низким и просторным.
Был теплый, тихий, серенький денек.
Среди берез желтел осинник редкий,
И даль лугов за их прозрачной сеткой
Синела чуть заметно — как намек.
Уже давно в лесу замолкли птицы,
Свистели и шуршали лишь синицы.

Я уставал, — кругом всё лес пестрел,
Но вот на перевале за ложиной
Фруктовый сад листвою покраснел,
И глянул флигель серою руиной.

Глеб отворил мне двери на балкон,
Поговорил со мною в позе чинной,
Принес мне самовар — и по гостиной
Полился нежный и печальный стон.
Я сбросил патронташ и, отдыхая,
Следил, как замолкал он, потухая.

В тиши звенел он чистым серебром,
А я глядел на клены в дверь балкона,
На вишенник, красневший под бугром...
Вдали синели тучки небосклона,
И умирал спокойный, серый день,
Меж тем как в доме, тихом, как могила,
Неслышно Одиночество бродило
И реяла задумчивая тень.
Пел самовар, а комната беззвучно
Мне говорила: «Пусто, брат, и скучно!»

В соломе возле печки, на полу,
Лежала грудка яблок; паутины
Под образом качались в углу,
А у стены темнели клавишины.
Я тронул их — и жалобно в тиши
Раздался звук. Дрожащий, романтический,
Он жалок был, но я душой привычной
В нем уловил напев родной души:
На этот лад, исполненный печали,
Когда-то наши бабушки певали.

Чтоб мрак спугнуть, я две свечи зажег,
И весело огни их заблестели,
И побежали тени в потолок,
А стекла окон сразу посинели...
Но отчего мой домик при огне
Стал и бедней, и меньше? О, я знаю —
Он слишком стар... Пора родному краю
Сменить хозяев в нашей стороне.
Нам жутко здесь. Мы все в тоске, в тревоге...
Пора подбить последние итоги.

Печален долгий вечер в октябре!
Любил я осень в тишине России,

Любил лесок багряный на горе,
Простор полей и сумерки глухие;
Любил холодно-серую Оку,
Когда она, теряясь лентой длинной
В дали лугов, широкой и пустынной,
Мне навевала русскую тоску...
Но дни идут, — наскучило ненастье,
И сердце жаждет блеска дня и счастья!

Томит меня немая тишина,
Томит гнезда родного запустенье...
Я вырос здесь... Но смотрит из окна
Заглохший сад... Над домом реет тленье,
И скупое в нем мерцает огонек...
Уж свечи нагорели и темнеют,
И комнаты в молчаньи цепенеют,
А ночь долга, и новый день далек.
Часы стучат, и старый дом беззвучно
Мне говорит: «Да, без хозяев скучно!

Мне на покой давно, давно пора...
Поля, леса — всё гложет без заботы...
Я жду веселых звуков топора,
Жду разрушенья дерзостной работы,
Могучих рук и смелых голосов!
Я жду, чтоб жизнь — пусть даже в грубой
силе —

Вновь расцвела из праха на могиле,
Я стар, я дряхл, и мертвый стук часов
Мне самому внимать нет больше мочи
В молчании осенней долгой ночи!..»

<1904>

* * *

Леса, скалистые теснины,
И целый день, в конце теснин,
Громада снеговой вершины
Из-за лесных глядит вершин.

Селений нет, ущелья дики,
Леса синеют и молчат,

И серых скал нагие пики
На скатах из лесов торчат.

Но целый день, куда ни кину
Вдоль по горам смущенный взор,
Лишь эту белую вершину
Повсюду вижу из-за гор.

Она полнеба заступила,
За облака ушла венцом, —
И всё смирилось, всё застыло
Пред этим льдистым мертвецом.

<1905>

* * *

В открытом море — только небо,
Вода, да ветер. Тяжело
Идет волна, и низко кренит
Фелюка серое крыло.

В открытом море ветер гонит
То свет, то тень — и в облака
Сквозит лазурь... А ты забыта,
Ты бесконечно далека!

Но волны, пенясь и качаясь,
Идут, бегут навстречу мне —
И кто-то синими глазами
Глядит в мелькающей волне.

И что-то вольное, живое,
Как эта синяя вода,
Опять, опять напоминает
О том, что я искал всегда,

О том, что сердце не забудет, —
О том, что я люблю в тебе
Наперекор вражде, разлуке,
Наперекор самой судьбе.

<1905>

Нет ничего грустней ночного
Костра, забытого в бору.
Как он дрожит, то потухая,
То разгораясь на ветру!

Ночной холодный ветер с моря
Внезапно залетает в бор;
Он, бешено кружась, бросает
В костер истлевший хвойный сор —

И пламя вспыхивает жадно,
И тьма, висевшая шатром,
Вдруг затрепещет, открывая
Стволы и ветви над костром.

Но ветер пролетает мимо,
Теряясь где-то в высоте,
И ветру отвечает гулом
Весь бор, незримый в темноте,

И снова затопляет тьмою
Свет замирающий... О да!
Еще порыв, еще усилие —
И он исчезнет без следа,

И явственней во мраке станет
Звон сонной хвои, скрип стволов
И этот жуткий, всё растущий,
Протяжный гул морских валов.

<1905>

Древнюю чашу нашел он у шумного синего моря,
В древней могиле, на диком песчаном побережье.
Долго трудился он; долго слагал воедино
То, что гробница хранила три тысячи лет, как
святыню,

И прочитал он на чаше
Строгую повесть безмолвных могил и гробниц:
«Вечно лишь море, безбрежное море и небо,
Вечно лишь солнце, земля и ее красота,
Вечно лишь то, что связует таинственной связью
Душу и сердце живых с темной душою могил».

<1905>

ВОСТОК

ТАЙНА

Элиф. Лам. Мим.

Коран

Он на клинок дохнул — и жало
Его сирийского кинжала
Померкло в дымке голубой:
Под дымкой ярче заблестали
Узоры золота на стали
Своей червонною резьбой.

«Во имя бога и пророка.
Прочти, слуга небес и рока,
Свой бранный клич: скажи, каким
Девизом твой клинок украшен?»
И он сказал: «Девиз мой страшен.
Он — тайна тайн: Элиф. Лам. Мим».

— «Элиф, Лам, Мим? Но эти знаки
Темны, как путь в загробном мраке:
Сокрыл их тайну Мохаммед...»
— «Молчи, гяур! — сказал он строго. —
Нет в мире бога, кроме бога,
Сильнее тайны — силы нет».

Сказал, коснулся ятаганом
Чела под шелковым тюрбаном,

Окинул знойный Атмейдан
Ленивым взглядом хищной птицы —
И тихо синие ресницы
Опять склонил на ятаган.

<1905>

ТЭМДЖИД

Он не спит, не дремлет.

Коран

В тихом, старом городе Скутари,
Каждый раз, как только надлежит
Быть середине ночи, — раздается
Грустный и задумчивый Тэмджид.

На середине между ранним утром
И вечерним сумраком встают
Дервиши Желвети и на башне
Древний гимн, святой Тэмджид поют.

Спят сады, и спят гробницы в полночь,
Спит Скутари... Всё, что спит, молчит...
Но под звездным небом, с темной башни
Не для спящих этот гимн звучит:

Есть глаза, чей скорбный взгляд с тревогой,
С тайной мукой в сумрак устремлен,
Есть уста, что страстно и напрасно
Призывают благодатный сон.

И для них-то, страждущих во мраке —
Для больных, для старцев, для сирот,
Для лишенных, — песню утешенья
Братский голос ласково поет:

«Темен мир, трудна стезя земная...
Но зачтется в небе каждый вздох:
Спите, спите! Он не спит, не дремлет,
Он нас помнит, милосердный бог».

<1905>

ЧЕРНЫЙ КАМЕНЬ

Он драгоценной яшмой был когда-то,
Он был неизреченной белизны —
Как цвет садов блаженного Джинната,
Как горный снег в дни солнца и весны.

Дух Гавриил для старца Авраама
Его нашел среди песков и скал,
И гении хранили двери храма,
Где он жемчужной грудой сверкал.

Но шли века — со всех концов вселенной
К нему неслись молитвы, и рекой
Текли во храм, далекий и священный,
Сердца, обремененные тоской...

Аллах! Аллах! Померк твой дар бесценный —
Померк от слез и горести людской!

<1905>

ЗА ИЗМЕНУ

Их господь истребил за измену несчастной отчизне,
Он костями их тел, черепами усеял поля.
Воскресил их пророк: он просил им у господя жизни.
Но позора Земли никогда не прощает Земля.

Две легенды о них прочитал я в легендах Востока.
Милосердна одна: воскрешенные пали в бою.
Но другая жестока: до гроба, по слову пророка,
Воскрешенные жили в пустынном и диком краю.

В день восстанья из мертвых одежды их черными стали
В знак того, что на них — замогильного тления след,
И до гроба их лица, склоненные долу в печали,
Сохранили свинцовый, холодный, безжизненный цвет.

<1905>

МИРАЖ

Мы дали тебе Ковсерь.

Коран

Здесь царство снов. На сотни верст безлюдны
Солончаков нагие берега.
Но воды в них небесно-изумрудны,
А шелк песков белее, чем снега.

В шелках песков лишь сизые полыни
Растит аллах для кочевых отар.
Но небеса здесь несказанно сини,
И солнце в них — как адский огонь, Сакар.

И в знойный час, когда мираж зеркальный
Сольет весь мир в один великий сон,
В безбрежный блеск, за грань земли печальной,
В сады Джиннат уносит душу он.

А там течет, там льется за туманом
Река всех рек, лазурная Ковсерь,
И всей земле, всем племенам и странам
Сулит покой. Терпи, молись — и верь.

1903

ДЖИНЫ

Стынут пески в тишине и молчании ночи...
Вдруг зашумело сухим и холодным песком,
Пыль заклубилась, сверкнули несметные очи,
Ветром пахнуло — и снова затихло кругом.

Звезды горят над безлюдною, мертвой землею,
Царственно блещет святое созвездие Пса...
Вдруг потемнело — и огненно-красной змеею
Кто-то прорезал над темной землей небеса.

Путник, не бойся! В пустыне чудесного много:
Это не вихри, а джины тревожат ее,

Это архангел, слуга милосердного бога,
В демонов ночи метнул золотое копьё.

Демоны всюду преграды куют человеку —
Им ненавистна святая дорога во храм.
Но не страшись: на рассвете увидишь ты Мекку
И облечешься в Ирам.

<1905>

ГРОВНИЦА САФИИ

Горный ключ по скалам и оврагам,
Полусонный, убегает вниз.
Как чернец, над белым саркофагом
В синем небе замер кипарис.

Нежные, как девушки, мимозы
Льют под ним узор своих ветвей,
И цветут, благоухают розы
По кустам, где плачет соловей.

Ниже — дикий берег и туманный,
Еле уловимый горизонт:
Там простор воздушный и безгранный,
Голубая бездна — Геллеспонт.

Мир тебе, о юная! Смирненно
Я целую белое тюרבэ:
Пять веков бессмертна и нетленна
На Востоке память о тебе.

Счастлив тот, кто жизнью мир пленяет.
Но стократ счастливей тот, чей прах
Веру в жизнь бессмертную вселяет
И цветет легендами в веках!

<1905>

ЕГИПЕТ

Ра-Озирис, владыка дня и света,
Хвала тебе! Я, бог пустыни Сет,
Горжусь врагом: ты, побеждая Сета,
В его стране царил пять тысяч лет.

Ты славен был, твоя ладья воспета
Была стократ. Но за ладьей вослед
Шел бог пустынь, бог древнего завета —
И вот, о Ра, плоды твоих побед:

Безносый сфинкс среди полей Гизеха,
Ленивый Нил да глыбы пирамид,
Руины Фив, где гулко бродит эхо,
Да письмена в куски разбитых плит,

Да обелиск в блестящей политуре,
Да пыль песков на пламенной лазури.

1905

ДЕТСКАЯ

От пихт и елей в горнице темней,
Скучней, старинней. Древнее есть что-то
В уборе их. И вечером красней
Сквозь них зари морозной позолота.

Узорно-легкой, мягкой бахромой
Лежит их тень на рдеющих обоях —
И грустны, грустны сумерки зимой
В заброшенных помещицких покоях!

Сидишь и смотришь в окна из угла
И думаешь о жизни старосветской...
Увы! Ведь эта горница была
Когда-то нашей детской!

<1906>

ПЕЧАЛЬ

На диких скалах, среди развалин —
Рать кипарисов. Она гудит
Под ветром с моря. Угрюм, печален
Пустынный остров, нагой гранит.

Уж берег темен — заходят тучи.
Как крылья чаек, среди камней
Мелькает пена. Прибой всё круче,
Порывы ветра — всё холодней.

И кто-то скорбный, в одежде темной,
Стоит над морем... Вдали — печаль
И сумрак ночи... Мы все бездомны,
Все бесприютны, но смотрим — в даль.

<1906>

ПЕСНЯ

Я — простая девка на баштане,
Он — рыбак, веселый человек...
Тонет белый парус на лимане —
Много видел он морей и рек.

Говорят, гречанки на Босфоре
Хороши... А я черна, худа.
Утопает белый парус в море —
Может, не вернется никогда!

Буду ждать в погоду, в непогоду...
Не дождусь — с баштана разочтусь,
Выйду к морю, брошу перстень в воду
И косою черной удавлюсь.

<1906>

ЭСХИЛ

Я содрогаюсь, глядя на твои
Черты немые, полные могучей
И строгой мысли. С древней простотой
Изваян ты, о старец. Бесконечно
Далеки дни, когда ты жил, и мифом
Теперь те дни нам кажутся. Ты страшен
Их древностью. Ты страшен тем, что ты,
Незримый в мире двадцать пять столетий,
Незримо в нем присутствуешь донныне,
И пред твоею славой легендарной
Бессильно время: рок неотвратим,
Всё в мире предначертано судьбою,
И благо поклоняющимся ей,
Всесильной, осудившей на забвеньё
Дела всех дел. Но ты пред Адрастеей
Склонил чело суровое с таким
Величием, с такою мощью духа,
Какая подобает лишь богам
Да смертному, дерзнувшему впервые
Восславить дух и дерзновенье смертных!

<1906>

КАМЕННАЯ БАБА

От зноя травы сухи и мертвы.
Степь — без границ, но даль синее слабо...
Вот остов лошадиной головы.
Вот снова — каменная баба.

Как сонны эти плоские черты!
Как первобытно-грубо это тело!
Но я стою, боюсь тебя... А ты
Мне улыбаешься несмело.

О дикое исчадьё древней тьмы!
Не ты ль когда-то было громовержцем?
О да, не бог нас создал. Это мы
Богов творили рабским сердцем.

<1906>

АЙЯ-СОФИЯ

Светильники горели, непонятный
Звучал язык: великий шейх читал
Святой Коран, — и купол необъятный
В угрюмом мраке пропадал.

Кривую саблю вскинув над толпою,
Шейх поднял лик, закрыл глаза — и страх
Царил в толпе — и мертвою, слепую
Она лежала на коврах...

А утром храм был светел. Всё молчало
В смиренной, христианской тишине,
И солнце ярко купол озаряло
В непостижимой вышине.

И голуби в нем, рея, ворковали,
И с вышины, из каждого окна,
Простор небес и воздух сладко звали
К тебе, Любовь, к тебе, Весна!

<1906>

У СЕВЕРНЫХ БЕРЕГОВ МАЛОЙ АЗИИ

Здесь царство амазонок. Были дики
Их буйные забавы. Много дней
Звучали здесь их радостные клики
И ржание купавшихся коней.

Но век наш — миг. И кто укажет ныне,
Где на пески ступала их нога?
Не ветер ли среди морской пустыни?
Не эти ли нагие берега?

Давно унес, развеял ветер южный
Их голоса от этих берегов...
Давно слизал, размыл прибой жемчужный
С сырых песков следы подков...

<1906>

АТЛАНТ

..И долго, долго шли мы плоскогорьем,
Меж диких скал — всё выше, выше, к небу,
По камням и кустарникам, в тумане,
То закрывавшем солнце, то, как дым,
По ветру пронесившемся пред нами, —
И вдруг обрыв, бездонное пространство
И глубоко в пространстве — необъятный,
Туманно восходящий к горизонту
Своей воздушно-зыбкою равниной
Лилово-синий южный океан! ..
И Сатана спросил, остановившись:
«Ты веришь ли в предания, в легенды?»

Еще был март, и только что мы вышли
На высший из утесов над обрывом,
Навстречу нам пахнуло зимней бурей,
И увидел я с горной высоты,
Что пышность южных красок в океане
Ее дыханьем мгlistым смягчена,
И что в горах, к востоку уходящих
Излучиной хребтов своих, белеют
Сквозь тусклость отдаления снега —
Заоблачные царственные края
В холодных, вечных саванах своих.
И Дух спросил: «Ты веришь ли в Атланта?»

Крепясь, стоял я на скале, а ветер
Сорвать меня пытался, проносясь
С звенящим завываньем в низкорослых,
Измятых, искривлённых бурей соснах,
И доносил из глубины глухой
Широкий шум — шум вечности — протяжный
Шум дальних волн... И, как орел, впервые
Взмахнувший из родимого гнезда
Над ширью океана, был я счастлив
И упоен твоею перевозданной
Непостижимой силою, Атлант!
— О да, Титан, — я верил, жадно верил.

<1906>

ОДИНОЧЕСТВО

П. А. Нилусу

И ветер, и дождик, и мгла
Над холодной пустыней воды.
Здесь жизнь до весны умерла,
До весны опустели сады.
Я на даче один. Мне темно
За мольбертом, и дует в окно.

Вчера ты была у меня,
Но тебе уж тоскливо со мной.
Под вечер ненастного дня
Ты мне стала казаться женой...
Что ж, прощай! Как-нибудь до весны
Проживу и один — без жены.

Сегодня идут без конца
Те же тучи — гряда за грядой.
Твой след под дождем у крыльца
Расплылся, налился водой.
И мне больно глядеть одному
В предвечернюю серую тьму.

Мне крикнуть хотелось вслед:
«Воротись, я сроднился с тобой!»
Но для женщины прошлого нет:
Разлюбила — и стал ей чужой.
Что ж! Камин затоплю, буду пить...
Хорошо бы собаку купить.

<1906>

ПУГАЧ

Он сел в глуши, в шатре столетней ели,
На яркий свет сквозь ветки и сучки
С безумным изумлением глядели
Сверкающие золотом зрачки.

Я выстрелил. Он вздрогнул — и бесшумно
Сорвался вниз, на мох корней витых.

Но и во мху блестят, глядят безумно
Круги зрачков лучисто-золотых.

Раскинулись изломанные крылья,
Но хищный взгляд всё так же дик и зол.
И сталь когтей с отчаяньем бессилья
Вонзается в ружейный скользкий ствол.

<1906>

ДЖОРДАНО БРУНО

«Ковчег под предводительством осла —
Вот мир людей. Живите во Вселенной.
Земля — вертеп обмана, лжи и зла.
Живите красотой неизменной.

Ты, мать-земля, душе моей близка —
И далека. Люблю я смех и радость,
Но в радости моей — всегда тоска,
В тоске всегда — таинственная сладость!»

И вот он посох странника берет.
«Открой забрало, sancta asinita!¹
Готовься в бой!» — Мечта зовет вперед,
И келья монастырская забыта.

«В дни детства, у Везувия, весь свет
Кончался там... за древним валом в Поле.
В дни юности ему предела нет, —
Предела нет для знания и воли.

Вы все — рабы. Царь вашей веры — зверь.
Я свергну трон слепой и мрачной веры.
Вы в капище: я распахну вам дверь
На блеск и свет, в лазурь и бездну Сферы.

Ни бездне бездн, ни жизни грани нет.
Мы остановим солнце Птоломея —
И тьмы миров, горящий вихрь планет,
Пред нами развернется, пламенея!»

¹ Святая глупость (итальянск.). — *Ред.*

И он дерзнул на всё — вплоть до небес.
Но разрушенье — жажда созиданья,
И, разрушая, жаждал он чудес —
Божественной гармонии Созданья.

Глаза сияют, дерзкая мечта
В мир откровений радостных уносит.
Лишь в истине — и цель и красота.
Но тем сильнее сердце жизни просит.

«Ты, девочка! ты, с ангельским лицом,
Поющая над старой звонкой лютней!
Я мог твоим быть другом и отцом...
Но я один. Нет в мире бесприютней!

Высоко нес я стяг своей любви.
Но есть другие радости, другие:
Оледенив желанья свои,
Я только твой, познание, София!»

И вот опять он странник. И опять
Глядит он вдаль. Глаза блестят, но строго
Его лицо. Враги, вам не понять,
Что бог есть свет. И он умрет за бога.

«Мир — бездна бездн. И каждый атом в нем
Проникнут светом, жизнью, красотой.
И ответ есть бог. И в боге том живем
Единою, всемирною душою.

Ты, с лютнею! Мечты твоих очей
Не эту ль Жизнь и Радость отражали?
Ты, солнце! вы, созвездия ночей!
Вы только этой Радостью дышали».

И маленький тревожный человек
С блестящим взглядом, ярким и холодным,
Идет в огонь. *«Умерший в рабский век
Бессмертием венчается — в свободном!»*

Я умираю — ибо так хочу.
Развей, палач, развей мой прах, презренный!
Привет Вселенной, Солнцу! Палачу! —
Он мысль мою развеет по Вселенной!»

<1906>

УТРО

И скрип, и визг над бухтой, наводненной
Буграми влаги пенисто-зеленой:
Как в забытьи, шатаются над ней
Кресты нагих запутанных снастей,
А чайки с криком падают меж ними,
Сверкая в ряях крыльями тугими,
Иль белою яичной скорлупой
Скользят в волне зелено-голубой.
Еще бегут поспешно и высоко
Лохмотья туч, но ветер от востока
Уж дал горам лиловые цвета,
Чеканит грани снежного хребта
На синем небе, свежем и блестящем,
И сыплет в море золотом кипящим.

1906

СТАРИННЫЕ СТИХИ

«Мимо острова в полночь фрегат проходил:
Слева месяц над морем светил,
Справа остров темнел — пропадали вдаль
Дюны скудной родимой земли.

Старый дом рыбака голубою стеной
Там мерцал над кипящей волной...
Но в заветном окне не видал я огня:
Ты забыла, забыла меня!»

— «Мимо острова в полночь фрегат проходил:
Поздний месяц над морем светил,
Золотая текла по волнам полоса —
И, как в сказке, неслись паруса.

Лебединою грудью белели они,
И мерцали на мачтах огни...
Но в светлице своей не зажгла я огня:
Ты забудешь, забудешь меня!»

1906

МАГОМЕТ В ИЗГНАНИИ

Джины близ Тайифа пролетали
В сумерки долиной каменистой.
Чу! Пророк! — Его слова звучали,
Как источник сладостный и чистый.

На камнях, среди кустов дзарига,
Он сидел и говорил, тоскуя:
«Я один. Мне тяжело божье иго.
Я вдали от тех, кого люблю я!»

И сказали джины: «Недостойно
Быть Пророку слабым и усталым!»
И Пророк печально и спокойно
Отвечал: «Я жаловался скалам».

1906

ЦВЕТНЫЕ СТЕКЛА

ЦВЕТНЫЕ СТЕКЛА

Люблю цветные стекла окон
И сумрак от столетних лип,
Звонящей люстры серый кокон
И половиц прогнивших скрип.

Люблю неясный винный запах
Из шифоньерок и от книг
В стеклянных невысоких шкапах
Где рядом Сю и Патерик.

Люблю их синие странички,
Их четкий шрифт, простой набор,
И серебро икон в божничке,
И в горке матовый фарфор.

И вас, и вас, дагерротипы,
Черты давно поблекших лиц!
И сумрак от столетней липы,
И скрип прогнивших половиц.

1906

Проснусь, проснусь — за окнами, в саду,
Всё тот же снег, всё тот же блеск полярный!
А в зале — сумрак... Слушаю и жду:
И вот опять — таинственный, коварный,
Чуть слышный треск... Конечно, пол ильмышь...
Но как насторожишься, как следишь
За кем-то притаившимся у двери
В повисшей без движения портъере!
Но он молчит, он замер... Тюль гардин
Сквозит в голубоватом лунном блеске,
Да чуть мерцают — искорками льдин —
Под люстрой стеклянные подвески.

1906

За окнами — снега, степная гладь и ширь,
На переплетах рам — следы ночной пурги...
Как тих и сучен дом! Как съежился снегирь
От стужи за окном!.. Но вот слуга. Шаги.

По комнатам идет седой, костлявый дед,
Несет вечерний чай... «Опять глядишь в углы?
Небось всё писем ждешь, депеш да эстафет?
Не жди. Ей не до нас. Теперь в Москве — балы».

Смутясь, глядит барчук на строгие очки,
На седину бровей, на розовую плешь...
«Да нет, старик, я так... Сыграем в дурачки,
Пораньше ляжем спать... Каких уж там — депеш!»

<1907>

СЛЕПОЙ

Вот он идет проселочной дорогой,
Без шапки, рослый, думающий, строгий,
С мешками, с палкой, в рваном армячишке,
Держась рукой за плечико мальчишки.

Мальчишке беззаботно в чистом поле —
На васильки, на нежный цвет куколи
Глазеет он, скучающий ребенок...
Но показался хутор. «Пой, чертенок!»

И звонким альтиком, жалобным и страстным,
Затягивает мальчик о прекрасном,
Об Алексее, божьем человеке,
Под загрубевший, мрачный бас калеки.

«Вы пожалейте, — плачет альт, — бездомных!
Вы пожалейте, люди, сирых, темных!»
И бас грозит: «В аду, в огне сгорите!
На пропитанье бедным сотворите».

И, угрожая, властным, мерным шагом
Идет к избушке ветхой над оврагом,
Над скучной балкой вдоль иссохшей речки,
А там одна старуха на крылечке.

И крестится старуха и дрожащей
Рукою ищет грошик заваливший,
И жалко плачет, сморщивая брови,
Об окаянной грешнице Прасковье.

1907

ПУГАЛО

«Страх — батюшка».

Пословица

На задворках, за ригами
Богатых мужиков,
Стоит оно, родимое,
Одиннадцать веков.

Под шапкою лохматою —
Дубинка-голова.
Крестом по ветру треплются
Пустые рукава.

Старновкой — чистым золотом! —
Набит его чекмень,
На зависть на великую
Соседних деревень. . .

Он, огород-то, выпахан, —
Уж есть и лебеда,
И глинка означается, —
Да это не беда!

Не много дел и пугалу. . .
Да разве огород
Такое уж сокровище? —
Пугался бы народ!

1907

ИСТАРА

Луна, бог Син, ее зарей встречает.
Она свой путь свершает на быке,
Ее тиара звездная венчает,
Стрела и лук лежат в ее руке.

Царица битв, она решает битвы,
Судья царей, она неправым мстит —

И уж ни дым, ни фимиами молитвы
Ее очей тогда не обольстит.

Но вот весна. Среди речного пара
Свой бледный лик подымлет Син, луна, —
И как нежна становится Истара!

Откинув лук, до чресл обнажена,
Таинственна и сладостна, как чара,
С какой мольбой ждет страстных ласк она!

<1907>

ОДИН

Он на запад глядит — солнце к морю спускается,
Светит по морю красным огнем.
Он застыл на скале — ветхий плащ развевается
От холодного ветра на нем.

Опираясь на меч, он глядит на багровую
Чешую беспредельных зыбей.
Но не видит он волн — только думу суровую
Означают изгибы бровей.

Древен мир, — он древней. Плащ Одина как вретиче,
Ржа веков — на железном мече. . .
Черный ворон Хугин, скорбной Памяти детище,
У него на плече.

<1907>

РОЗЫ ШИРАЗА

Пой, соловей! Они томятся
В шатрах узорчатых мимоз,
На их ресницах серебрятся
Алмазы томных крупных слез.

Сад в эту ночь — как сад Ирема.
И сладострастна, и бледна,
Как в шакнизир, тайник гарема,
В узор ветвей глядит луна.

Белеет мел стены неясно.
Но там, где свет, его атлас
Горит так зелено и страстно,
Как изумруд змеинных глаз.

Пой, соловей! Томят желанья.
Цветы молчат — нет слов у них:
Их сладкий зов — благоуханья,
Алмазы слез — покорность их.

<1907>

БЕССМЕРТНЫЙ

Ангел Смерти в судный день умрет:
Истребит живущих — и со стоном
Прилетит к аллаху — и прострет,
Бездыханный, крылья перед троном.

Ангел Мести, грозный судия!
На твоём стальном клинке иссечен
Грозный клич: «Бессмертен только Я.
Трепещите! Ангел Мести вечен».

<1907>

РАССКАЗЫ В СТИХАХ

С ОБЕЗЬЯНОЙ

Ай, тяжела турецкая шарманка!
Бредет худой, согнувшийся хорват
По дачам утром. В юбке обезьянка
Бежит за ним, смешно поднявши зад.

И детское, и старческое что-то
В ее глазах печальных. Как цыган,
Сожжен хорват. Пыль, солнце, зной, забота...
Далеко от Одессы на Фонтан!

Ограды дач еще в живом узоре —
В тени акаций. Солнце из-за дач
Глядит в листву. В аллеях блещет море...
День будет долог, светел и горяч.

И будет сонно, сонно. Черепицы
Стеклом светиться будут. Промелькнет
Велосипед бесшумным махом птицы,
Да прогремит в немецкой фуре лед.

Ай, хорошо напиться! Есть копейка,
А вон киоск: большой стакан воды
Даст с томною улыбкою еврейка...
Но путь далек... Сады, сады, сады...

Зверок устал, — взор старичка-ребенка
Томит тоской. Хорват от жажды пьян.
Но пьет зверок: лиловая ладонка
Хватает жадно пенистый стакан.

Поднявши брови, тянет обезьяна,
А он жует засохший белый хлеб
И медленно отходит в тень платана...
Ай, далекó, далёко ты, Загрéб!

1907

ТРОН СОЛОМОНА

На письмена исчезнувших народов
Похожи руны Времени — значки
Вдоль старых стен и полутемных сводов,
Где завелись точильщики-жучки.

Царь Соломон повелевал ветрами,
Был маг, мудрец... «Недаром сеял я, —
Сказал господь. — Какими же дарами
Венчать тебя, царь, маг и судия?»

— «Сев славных дел венчает солнце славы, —
Ответил царь. — Вот гении пустынь
Покорны мне. Но гении лукавы,
Они не чтят ни долга, ни святынь.

Трон Мудрости я им велел построить,
Но я умру — и, бросив труд, в Геджас
Уйдут они. Ты мог мне жизнь утратить:
Сокрой от них моей кончины час».

— «Да будет так», — сказал господь. И годы
Текли в труде. И был окончен трон —
Из яшмы древней царственной породы,
Из белой яшмы был изваян он.

Под троном — львы, над троном — коршун
горный,
На троне — царь. И ты сокрыл, творец,
Что на копье склоняется в упорной,
Глубокой думе — высохший мертвец.

Но рухнет он! Древко копья — из кедра,
Оно как сталь, но уж стучат жучки:
Стучат, стучат и рассыпают щедро
Могильные зловещие значки!

<1908>

РУСЬ

В РОЩЕ

Там иволга, как флейта, распевала,
Там утреннее солнце пригревало
Труд муравьев — живые бугорки.
Вдруг пегая легавая собака,
Тропинкой добежав до буерака,
Залаяла. Я быстро взвел курки.

Змея? Барсуک? — Плетенка с костяником!
А на березе девочка — и дикий
Испуг в лице и глазках. Над ручьем
Дугой береза белая склонилась —
И вот она вскарабкалась, схватилась
За ствол и закачалась на нем.

Поспешно повернулся я, поспешно
Пошел назад. . . Младенчески-безгрешно
И радостно откликнулась душа
На этот ужас милый. . . Вся пестрела
Березовая роща, флейта пела —
И жизнь была, как утро, хороша.

1907

СИРОТКА

Шла сиротка пыльною дорогой,
На степи боялась заблудиться.
Встретился прохожий, глянул строго,
К мачехе велел ей воротиться.

Долгими лугами шла сиротка,
Плакала, боялась темной ночи.
Повстречался ангел, глянул кротко
И потупил ангельские очи.

По пригоркам шла сиротка, стала
Подниматься тропочкой неровной.
Встретился господь у перевала,
Глянул милосердно и любовно.

«Не трудись, — сказал он, — не разбудишь
Матери в ее могиле тесной:
Ты моей, сиротка, дочкой будешь», —
И увел сиротку в рай небесный.

<1908>

ПУСТОШЬ

Мир вам, в земле почившие! За садом
Погост рабов, погост дворовых наших:
Две десятины пустоши, волнистой
От бугорков могильных. Ни креста,
Ни деревца. Местами уцелели
Лишь каменные плиты, да и то
Изъеденные временем, как оспой.

Теперь их скоро выберут — и будут
Выпахивать то пористые кости,
То суздальские черные иконки...

Мир вам, давно забытые! Кто знает
Их имена простые? Жили в страхе,
В неизвестности почили. Иногда
В селе ковали цепи, засекали,
На поселенье гнали. Но стихал
Однообразный бабий плач — и снова
Шли дни труда, покорности и страха.
Теперь от этой жизни уцелели
Лишь каменные плиты. А пройдет
Железный плуг — и пустошь всколосится
Густою рожью. Кости удобряют...

Мир вам, неотомщенные! Свидетель
Великого и подлого, бессильный
Свидетель зверств, расстрелов, пыток, казней,
Я, чье чело отмечено навеки
Клеймом раба, невольника, холопа,
Я говорю почившим: «Спите, спите!
Не вы одни страдали: внуки ваших
Владык и повелителей испили
Не меньше вас из горькой чаши рабства!»

1907

БУДНИ

Бегут, бегут листы раскрытой книги,
Бегут, струятся к небу тополя,
Гул молотилки слышится из риги —
Дохнули в шторы вольные поля.
Помещик встал и, окна закрывая,
Глядит на юг. Но туча дождевая
Уже прошла. Опять покой и лень.
В горячем свете весело и сухо
Вокруг террасы лоснится сирень.
Зажглась река, как зеркало. Старуха
Несет сажать махотки на плетень.

Кричит петух. В крапиву за наседкой
Спешит десяток желтеньких цыплят.
И тени штор узорно-легкой сеткой
По конскому лечению пестрят.

1905

КРУЖЕВО

Весь день метель. За дверью, у соседа,
Стучат часы и каплет с окон лед.
У барышни-соседки с мясоеда
Поет щегол. А барышня плетет.

Сидит, выводит крестики и мушки —
Бела, как снег, скромна, как лен в степи...
Темно в уездной крохотной избушке,
Наскучили гремучие коклюшки,
Весна идет... Да как же быть? Терпи!

Синеет дым метели, вьются галки
Над старой колокольней... День прошел,
А толку что? — Текут с окна мочалки,
И о весне поет дурак щегол.

<1908>

СОНЕТЫ

ПОСЛЕДНИЕ СЛЕЗЫ

Изнемогла, в качалке задремала
Под дачный смех. Синели небеса,
Зажглась звезда... Потом свежее стало.
Взошла луна — и смолкли голоса.

Текла и млела в море полоса.
Стекло балконной двери заблестало.
И вот она проснулась и устало
Поправила сухие волоса.

Подумала. Полюбовалась далью.
Взяла ручное зеркальце с окна —
И зеркальце сверкнуло синей сталью.

Ну да, виски белеют: седина.
Бровь поднята, измучена печалью...
Светло глядит холодная луна.

<1908>

РЫБАЧКА

«Нет, не стучи. Не встану. Не открою
Намокшей двери в хижине моей.
Тревожна ночь осеннюю порою,
Рассвет еще тревожней и шумней».

— «Тебя пугает гул среди камней
И скрежет мелкой гальки под горою?»
— «Нет, я больна. И свежестью сырою
По одеялу дует из сеней».

— «Я буду ждать, когда уgomонится
От бури охмелевшая волна
И станет блеклым золотом струиться
Осенний день на лавку из окна».

— «Уйди! Я ночевала не одна.
Он был смелей. Он бури не боится».

<1908>

ГОРНЫЙ ЛЕО

Тих горный лес. В долину тень сползла.
Сосною пахнет. Чисто и глубоко
Зарею небо. Млечный змей потока
Шуршит слышней вдоль белого русла.

Слышней звенит далекий плач козла.
Острей стрекочет легкая сорока.
Гора, весь день глядевшая с востока,
Свой алый пик высоко унесла.

На ней молились волчьему Зевесу.
Не раз, не раз с вершины этих скал
И дым вставал, и пели гимны лесу,
И медный нож в руках жреца сверкал.

Я тихо поднял древнюю завесу.
Я в храм отцов забытый путь искал.

14 августа 1908

В АРХИЦЕЛАГЕ

Осенний день в лиловой крупной зыби
Блистал, как медь. Эол и Посейдон
Вели в снастях певучий, долгий стон,
И наш корабль нырял подобно рыбе.

Вдали был мыс. Высоко на изгибе,
Сквозя, вставал чуть желтый ряд колонн.
Но песня рей меня клонила в сон —
Корабль нырял в лиловой крупной зыби.

И что мне в том, что это старый храм,
Что на мысу — забытый портик Феба?
Запомнил я лишь ряд колонн да небо.

Дым облаков курился по горам,
Пустынный мыс был схож с ковригой хлеба...
Я жил во сне. Богов творил я сам.

12 августа 1908

И У Д Е Я

Сонеты

КАРАВАН

Звон за оградой, нежный, полусонный,
Звон бубенцов подобен роднику:
Течет, течет... Листва и цвет лимонный,
Чуть золотясь, склонились к гамаку.

Давно затих базар неугомонный.
Луна сквозь сад сияет по песку...
Они идут под лепет монотонный.
Вожак прилег на жесткую луку.

Вот потянуло ветром — и свежее
Вдохнула ночь... Как сладко спать в седле,
Прильнув лицом к верблюжьей теплой шее!

Луна зашла. Поет петух в Рамлэ.
И млечной синью горы Иудеи
Свой зыбкий кряж означили во мгле.

15 августа 1908

ИЕРИХОН

Скользят, текут огни зеленых мух.
Над Мертвым морем знойно и туманно
От блеска звезд. Песок вдали — как манна.
И смутный гул, дрожа, колдует слух.

То ропот жаб. Он длится неустанно,
Зовет, томит... Но час полночный глух.
Внимает им, быть может, только дух
Среди камней в пустыне Иоанна.

Там, между звезд, чернеет острый пик
Горы Соблазна. Теплится лампадка.
Внизу — истома. Приторно и сладко

Мимозы пахнут. Сахарный тростник
Горит от мух... И дремлет лихорадка,
Под жабий бред откинув бледный лик.

14 августа 1908

БЕДУИН

За Мертвым морем — пепельные грани
Чуть видных гор. Полдневный час, обед.
Он выкупал кобылу в Иордани
И сел под куст. Песок, как медь, нагрет.

За Мертвым морем, в солнечном тумане,
Течет мираж. В долине — зной и свет,
Воркует дикий голубь. На герани,
На олеандрах — вешний алый цвет.

И он дремотно поет, воспевая
Зной, олеандр, герань и тамариск.
Сидит, как ястреб. Пегая абайя
Сползает с плеч... Поэт, разбойник, гикс!

Вон закурил — и рад, что с тонким дымом
Сравнит в стихах вершины за Сиддимом.

20 августа 1908

В ДЕТСТВЕ

Я помню сумрак каменных аркад,
В середине свет — и красный блеск атласа
В сквозном узоре старых царских врат,
Под золотой стеной иконостаса.

Я помню купол грубо-голубой:
Там Саваоф с простертыми руками
Над скудною старушечьей толпой
Царил меж звезд, повитых облаками.

Был вечер, март, сияла синева
Из узких окон, в куполе пробитых,
Мертво звучали древние слова.

Весенний отблеск был на скользких плитах —
И грозная седая голова
Текла меж звезд, туманами повитых.

28 июля 1908

ОЕНОКОС

Среди двора, в батистовой рубашке,
Стоял барчук и, шурясь, звал: «Корней!..»
Корней молчал. Две пегие дворняжки,
Щенки, катались в сене. Всѣ синей
Над крышами и садом небо млело,
Как сказочная сонная река,
Всѣ горячей палило зноем тело,
Всѣ радостней белели облака,
И всѣ душней благоухало сено...
«Корней, седлай!» — Но и Корней в лесу:
Остались только скотница Елена
Да пчельник Дрон... Вот фокс замаял осу
И сено взрыл. Вот снежный голубь комом
Упал на крышу скотного варка...
Везде открыты окна. А над домом
Так серебрится тополь, так ярка
Листва вверху, как будто из металла,
И воробьи шныряют то из зала
В тенистый палисадник, в бересклет,
То снова в зал... Покой, лазурь и свет.

В конюшне полусумрак и прохладно;
Навозом пахнет, сбруей, лошадьми,
Касаточки щебечут... И Ами,
Соскучившись, тихонько ржет и жадно
Косит свой глаз лилово-золотой
В решетчатую дверку. Стременами
Звенит барчук, подняв седло с уздой,
Кладет, подпруги ловит, — и ушами
Прядет кобылка, делаясь стройней
И выходя на солнце. Там к кадушке
Склоняется: блеск, небо видит в ней
И долго пьет... И солнце жжет подушки,
Луку, потник, играя в серебре...

А через час заходят побирушки,
Слепой с поводырем, и на дворе
Сидят как дома. Мальчик босоногий
Заглядывает в окна, на пороге
Стоит и медлит... робко входит в зал.

С восторгом смотрит в светлый мир зеркал,
Касается до клавиш фортепьяно —
И, вздрогнув, замирает: звонко, странно
И весело в хорах!.. На балкон
Открыта дверь — и солнце жарким светом
Зажгло паркет, и глубоко паркетом
Зеркальный отблеск двери отражен,
И воробьи крикливою станицей
Пронесятся у самого стекла
За золотой, сверкающею птицей —
За иволгой, скользящей, как стрела.

3 июля 1909

СОБАКА

Мечтай, мечтай. Всё уже и тусклей
Ты смотришь золотистыми глазами
На вихри вьюги, стонущие в раме,
На метлы гулких, дымных тополей.

Вздыхая, ты свернулся потеплей
У ног моих — и думаешь... Мы сами
Томим себя — тоской иных полей,
Иных пустынь... за пермскими горами.

Ты вспоминаешь то, что чуждо мне:
Седое небо, тундры, льды и чумы
В твоей студеной дикой стороне.

Но я всегда делю с тобою думы:
Я человек; как бог, я обречен
Познать тоску всех стран и всех времен.

4 августа 1909

МОГИЛА В СКАЛЕ

То было в полдень, в Нубии, на Ниле.
Пробили вход, затеплили огни —
И на полу преддверия, в тени,
На голубом и тонком слое пыли
Нашли живой и четкий след ступни...

Я, пилигрим, был с ними. Я в могиле
Дышал теплом сухих камней: они
Тот древний шаг пять тысяч лет хранили!

Хранили день, — быть может, только час,
Иль даже миг! — когда в последний раз
Вздыхнул здесь тот, кто узкою стопою
В атласный прах вдавил свой узкий след...

Тот миг воскрес. И на пять тысяч лет
Умножил жизнь, мне данную судьбою.

6 августа 1909

ПОЛДЕНЬ

Горит хрусталь, горит рубин в вине,
Звездой дрожит на скатерти в салоне...
Последний остров тонет в небосклоне,
Где зной и блеск слились в горячем сне.

На баке бриз. Там, на носу, на фоне
Сухих небес, на жуткой крутизне,
Сидит ливиец в белом балахоне,
Глядит на снег, кипящий в глубине.

И влажный шум над этой влажной бездной
Клонит в дрему. И острый ржавый нос,
Как в забыты, своей броней железной
В снегу взрезает синий купорос.

Сквозь купорос, сквозь радугу от пыли,
Струясь, краснеет киноварь на киле.

14 августа 1909

ЦИБАДЫ

Прибрежный хрящ и голые обрывы
Степных равнин луной озарены.
Хрустальный звон сливает с небом нивы.

Как светлый дождь, кропит он бурьяны,
Стоит в цветах, колосьях — и не будит
Бесстрастной предрассветной тишины.

Ночь стелет тень и влажный берег студит,
Ночь тянет вдаль свой невод золотой —
И скоро блеск померкнет и убудет.

Но степь цветет. Как колос налитой,
Полна душа. Земля зовет: спешите
Любить, творить, пьянить себя мечтой!

От бледных звезд, раскинутых в зените,
И до земли, где стынет лунный сон,
Текут хрустально-трепетные нити. . .

Из сонма жизней соткан этот звон.

10 сентября 1910

ПРИМЕЧАНИЯ

Стихотворения А. М. Горького в настоящем издании сгруппированы по двум разделам. В первый раздел вошли самостоятельные стихотворные произведения писателя. Первую половину этого раздела составляют стихотворения, опубликованные Горьким. Все они приходятся на 1890-е и 1900-е годы. Вторая половина раздела объединяет стихотворения, которые создавались Горьким в течение всей его творческой жизни, но никогда не публиковались им. В этой группе — интимно-лирические стихотворения, сатира, шуточные стихи.

Второй раздел содержит многочисленные стихотворения Горького, которые он приписал герою своих произведений и которые, без особого ущерба для восприятия их читателями или при наличии соответствующих комментариев, можно публиковать вне контекста. В тексте рассказов, повестей, романов, пьес Горького эти стихотворения служат главным образом средством для характеристики персонажей.

Заголовки к стихотворениям этого отдела принадлежат составителю; им же введена нумерация стихов, извлеченных из тех или иных произведений Горького. Стихи, извлеченные из текста какого-либо произведения писателя, публикуются в той последовательности, в какой они расположены в нем (за исключением стихов Калерии из пьесы «Дачники»: это отступление вызвано тесной связью стихов поэтессы с пародией на них Власа, поэтому удобнее стихотворение в прозе «Эдельвейс» поместить первым). В данное издание не включена широко известная песня из пьесы «На дне» («Солнце всходит и заходит...»), так как в настоящее время установлено, что она не принадлежит Горькому.

Внутри всех отделов стихотворения расположены хронологически.

Тексты подавляющего большинства стихотворений Горького даны по последнему, тридцатитомному собранию его сочинений (Гослитиздат, М., 1949—1955), что специально в примечаниях не оговаривается. Стихотворения, не вошедшие в это издание, печатаются по первым публикациям или по другим источникам, специально указанным в примечаниях. В комментариях отмечены все слу-

чан, когда стихотворные произведения Горького при его жизни не включались в собрания его сочинений и отдельные сборники.

Рукописи подавляющего большинства публикуемых в данном издании стихотворных произведений Горького хранятся в Архиве А. М. Горького (в Москве). Неизвестны в настоящее время автографы лишь следующих стихотворных текстов: «Прощай!», «В Черноморье», «Легенда о Марко», «Как странники на большой дороге...», стихи из рассказов «Грустная история», «Неприятность», «Воробышко», из фельетонов «Между прочим», песнь Рагнара из «Возвращения норманнов в Англию».

Вторая часть настоящего сборника объединяет стихотворения поэтов, печатавшихся в горьковском книгоиздательстве «Товарищество „Знание“» (1903—1912): в серийных выпусках «Дешевой библиотеки т-ва „Знание“», в отдельных сборниках стихотворений того или иного поэта, выпущенных „Знанием“, и, главным образом, в «Сборниках т-ва „Знание“».

Цель данного издания — представить поэзию «Знания» в качестве целостного исторического явления (см. вступит. статью), сыгравшего заметную роль в передовом литературном движении 1900-х гг., возглавлявшемся Горьким. Этим определяется основной принцип публикации стихотворений поэтов-«знаниевцев», тексты которых даются по изданиям «Знания», а не по последним авторским редакциям (если они, конечно, не совпадают с «знаниевским» периодом творчества того или иного поэта).

Поэты-«знаниевцы», особенно И. А. Бунин, впоследствии не раз исправляли некоторые свои стихотворения, опубликованные в «Знании». Во многих случаях творческий просмотр приводил к совершенствованию стиля произведений, но иногда редактирование вело к изменению идейного содержания стихотворений. Подобного рода явления можно наблюдать у Скитальца и А. С. Черемнова, то есть у главных поэтов-«знаниевцев».

Таким образом, если бы в составлении данного сборника, отличающегося своим заданием от других книг «Библиотеки поэта», мы руководствовались принципом публикации последних прижизненных редакций, то не смогли бы представить исторически правдиво такое литературное явление, как поэзия «Знания».

Принцип отбора стихотворных текстов для настоящего издания также полностью определяется его целью. Из стихотворений Бунина, опубликованных «Знанием», здесь приводятся только те, которые были напечатаны в сборниках «Знания». Из стихотворений Скитальца мы публикуем почти исключительно те, которые в 1902—1906 гг. вошли в «знаниевских» изданиях. Ввиду того, что стихотворения А. Лукьянова и Е. Тарасова публиковались в «Знании» в небольшом количестве, разделы, посвященные этим поэтам, для полноты картины дополнены стихами, взятыми из сборников их стихотворений «знаниевской» поры. В разделы стихотворений И. Воронова и А. Черемнова включены их неопубликованные стихотворения, которые были приняты «Знанием» к публикации, одобрены Горьким, но не были напечатаны в силу неко-

торых обстоятельств, главным образом по цензурным соображениям. Раздел стихотворений Черемнова также дополнен несколькими стихотворениями из его сборника 1913 г., идейно-эстетически близкими к циклам, опубликованным в «знаниевских» сборниках.

В тех случаях, когда в примечаниях к произведениям поэтов-«знаниевцев» отсутствуют специальные ссылки на источник текста, по которому публикуется данное стихотворение, следует иметь в виду, что оно печатается по тексту первой публикации.

В перечне первых публикаций возможны отдельные неточности, так как полного обследования громадной по объему периодической печати 1900-х гг. осуществить не удалось.

Примечания содержат сведения о включении стихотворений в те или иные прижизненные издания сочинений поэта; проводятся наиболее существенные различия поздних редакций.

Ввиду того, что некоторые сборники «Знания» выходили позднее указанного на их титульном листе года (например, «Сборник т-ва „Знание“» за 1903 г. вышел в 1904 г.), за основу при определении датировок берется год фактического выхода сборника в свет.

Даты в угловых скобках означают год, не позднее которого написано данное стихотворение; часто эта дата совпадает со временем публикации произведения. Даты с вопросительным знаком являются предположительными.

Условные сокращения, принятые в примечаниях

АГ — Архив А. М. Горького (в Москве, при Институте мировой литературы им. Горького АН СССР).

Архив — Архив А. М. Горького, т. 6. М., 1957. Серийное издание Архива А. М. Горького.

З. кн. — «Сборники т-ва „Знание“». Книги 1—40. СПб., 1904—1912. Изд. 1902 г. — Скиталец. Рассказы и песни. Книга 1. СПб., изд. «Знание», 1902.

Изд. 1906 г. кн. — Скиталец. Стихотворения. Книга 1-я и 2-я. СПб., 1906. «Дешевая библиотека т-ва „Знание“».

Изд. 1913 г. — А. Черемнов. Стихотворения. Том первый. М., 1913.

Изд. 1915 г. — Полное собрание сочинений И. А. Бунина в шести томах. Пг., 1915.

Изд. 1919 г. — Скиталец. Песни Скитальца. М., 1919.

Изд. 1936 г. — Скиталец. Избранные стихи и песни. М., 1936.

Сб. 1906 г. — Евг. Тарасов. Стихи 1903—1905. СПб., 1906.

Сб. 1908 г. — А. Лукьянов. Стихи. СПб., 1908.

Сб. 1919 г. — Евг. Тарасов. Стихотворения. Пб., 1919.

ССБ — Собрание сочинений И. А. Бунина в одиннадцати томах. Берлин, 1934—1936.

ССГ — М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах. М., 1949—1955.

I

Стихотворения, опубликованные М. Горьким

Девушка и Смерть (стр. 63). Впервые — «Новая жизнь», 1917, № 82, 23 июля. С подзаголовком «Сказка» — М. Горький. Ералаш и другие рассказы. Пг., 1918, стр. 217—226. В письме к И. Груздеву, в 1928 г., Горький писал: «Девушка и Смерть» написана в Тифлисе, значит в 92 г. Напечатал «Д<евушку> и С<мерть>» в 15 или 16 г., кажется, в книжке «Ералаш» и с намерением услышать: что скажут? Никто ничего не сказал» (Илья Груздев. Горький и его время. Л., 1948, стр. 417). В письме к И. Груздеву, в 1926 г., Горький сообщал о том, как он тотчас по написании сказки пытался ее напечатать в казанской газете «Волжский вестник», но неудачно — редактор газеты Рейнгардт «нашел ее нецензурной». 11 октября 1931 г. Горький прочитал посетившим его И. В. Сталину и К. Е. Ворошилову свою сказку. На 56-й странице экземпляра 1 тома Сочинений Горького (М., 1928), там, где напечатан конец сказки, И. В. Сталин написал: «Эта штука сильнее, чем «Фауст» Гете (*Любовь побеждает смерть*). И. Сталин. 11.X—31 г.» К. Е. Ворошилов сделал надпись на 57-й странице книги: «Я люблю М. Горького, как моего и моего класса писателя, который духовно определил наше поступательное движение». *Каин* — по библейской легенде, сын первого человека на земле, Адама, убивший своего брата Авеля. *Искарриот* — Иуда Искарриот (из селения Кариот) — один из 12 учеников Иисуса Христа, предавший своего учителя.

Песня о Соколе (стр. 70). Впервые — «Самарская газета», 1895, № 50, 5 марта, под названием «В Черноморье (Песня)», в серии: «Теневые картинки. III». Рассказ старика чабана имел подзаголовок «О Соколе и Уже». С небольшими стилистическими исправлениями произведение вошло в 1-й том «Очерков и рассказов» Горького (СПб., 1898, стр. 50—54) под названием «Песня о Соколе». Во второе издание тех же «Очерков и рассказов» (СПб., 1899, стр. 52—55) «Песня о Соколе» вошла в значительно переработанном виде. Окончательный текст, имеющий незначительные исправления, опубликован в изд.: М. Горький. Собрание сочинений, т. 1. Берлин, 1923, стр. 182—186. Приводим наиболее существенные разночтения.¹ В первой части «Песни», в 3-м абзаце: «...поток стремился навстречу морю, [скача чрез камни] *гремя камнями*...»; в 10-м: «...Я славно пожил!.. [Я много прожил!..] *Я знаю счастье!*...»; 17-й первоначально включал в себе только такую фразу:

¹ Здесь и в дальнейшем в квадратные скобки заключен текст, исключенный автором при исправлении стихотворений; курсивом набран текст, вновь введенный автором.

«О, если б в небо хоть раз подняться!..», Горький дополнил ее следующими словами Сокола: «*Врага прижал бы к ранам груди и... захлебнулся б моей он кровью!.. О, счастье битвы!..*»; в 21-м: «И дрогнул Сокол, и, [слабо] *гордо* крикнув...»; в 23-м: «И сам, как камень, скользя по [камням] *скалам*...»; в 25-м (последнем): «...И труп птицы не видно было в морском [просторе] *пространстве*...» Во второй части коренным образом была изменена концовка — со слов: «Блестело море всё...» (8-й абзац): «Блестело море всё в [южном солнце] *ярком свете* и [с шумом] *грозно* волны о берег бились.

В их [тихом шуме] *львином реве* [звучала] *гремела* песня о [смелой] *гордой* птице, [любившей небо]. Первоначально этот абзац и заканчивался словами: «любившей небо». Исключив их, Горький вставил знаменательный текст: «дрожали скалы от их ударов, дрожало небо от грозной песни:

Безумству храбрых поем мы славу!
Безумство храбрых — вот мудрость жизни!»

В первоначальном тексте после слов «любившей небо» было: [«О смелый сокол! Ты, живший в небе, бескрайнем небе, любимец солнца!

О смелый сокол, нашедший в море, безмерном море, себе могилу!]. Горький вместо этого текста дал другой, содержащий в себе героические пророческие слова: «О смелый Сокол! В бою с врагами истек ты кровью... Но будет время — и капли крови твоей горячей, как искры, вспыхнут во мраке жизни и много смелых сердец зажгут безумной жаждой свободы, света!» Решительно были изменены и заключительные строки «Песни»: «Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь [купаться в небе, свободном небе, где нет помехи размаху крыльев свободной птицы, летящей кверху!..] *живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!*

Безумству храбрых поем мы песню!..» Таким образом, переработкой «Песни» Горький значительно усилил революционное звучание образа Сокола, приблизив его к образу Буревестника. Образ волн в новой редакции стал символом революции.

Прощай! (стр. 72). Впервые — «Самарская газета», 1895, № 50, 5 марта. Есть основания связывать возникновение стихотворения с личными мотивами в биографии молодого Горького (см. рассказ «О первой любви»). В прижизненные издания сочинений не включалось.

В Черноморье (стр. 73). Впервые — «Самарская газета», 1895, № 71, 2 апреля. В газетном тексте в стихе 40-м явная опечатка: «Между камня выползали». Печатаем эту строку с конъектурой: «Между камней выползали». В прижизненные издания сочинений не включалось. *Азалии* (или рододендрон) — декоративное растение из семейства вересковых.

Баллада о графине Эллиен де Курси, украшенная различными сентенциями, среди которых

есть весьма забавные (стр. 75). Впервые — «Летопись», 1917, № 7—8, стр. 81—84. В последнее время установлено, что «Баллада» написана Горьким в 1896 г. По свидетельству Е. П. Пешковой, Горький эту «Балладу» читал своим близким в конце 1896 г. В годы первой мировой войны Горький, видимо, отредактировал первоначальный текст, снабдив его название подзаголовком: «Приписывается Гюгу де Брюн, труверу доброго короля Рене, властителя Прованса». *Бретань* — область во Франции.

Песня о Буревестнике (стр. 80). Впервые — «Жизнь», 1901, № 4, стр. 322—323. Первоначально стихотворение являлось последней частью аллегории «Весенние мелодии», написанной в марте 1901 г. и предназначенной для апрельской книжки журнала «Жизнь». Цензура, усмотрев в образах птиц сатиру на правящие круги России, запретила «Весенние мелодии». Вот что доносил начальству один из цензоров по поводу «Весенних мелодий»: «В апрельской книжке «Жизнь» предназначался к напечатанию рассказ Пешкова «Весна» <«Весенние мелодии»>, в коем характеризуется современный момент — момент возрождения сознания в обществе. Действие происходит в пернатом царстве, которое разделяется как бы на два поколения, одно — консервативное, старое, а другое — молодое, стремящееся к свободе. Представитель молодого поколения — Чиж — поет крайне возбуждающую песнь „О Буревестнике”» (сб. «Революционный путь Горького». М.—Л., 1933, стр. 49—50). Но как раз эту-то «крайне возбуждающую песнь», которая была концом «Весенних мелодий», и удалось напечатать в № 4 журнала «Жизнь». «Песня о Буревестнике», эта, по выражению Е. Ярославского, «боевая песня революции», имела огромное пропагандистское революционное значение. «Вряд ли в нашей литературе, — писал Е. Ярославский, — можно найти произведение, которое выдержало бы столько изданий, как «Буревестник» Горького. Его перепечатывали в каждом городе, он распространялся в экземплярах, отпечатанных на гектографе и на пишущей машинке, его переписывали от руки, его читали и перечитывали в рабочих кружках и в кружках учащихся. Вероятно, тираж «Буревестника» в те годы равнялся нескольким миллионам» (там же, стр. 8—9). В собрание своих сочинений Горький включал только «Песню о Буревестнике». Однако «Весенние мелодии», несмотря на запрет, были хорошо известны среди широких передовых общественных слоев, так как в том же 1901 г. они были опубликованы в нелегальном издании, кроме того, в огромном количестве размножались на гектографе, от руки и т. д. Революционизирующая роль «Песен» Горького, конечно, не была ограничена эпохой первой русской революции. Вот что, например, заметил о горьковском «Буревестнике» Андрей Упит: «В трудные годы, когда над Латвией сгустились тучи фашистского режима, я вспомнил свое первое знакомство с Максимом Горьким и перевел на латышский язык «Песню о Буревестнике», «Песню о Соколе». Тупоголовые цензоры не заметили «явной крамолы», — книги вышли в свет, читатели буквально расхватывали их. Думается, что горьковский «Буревестник» сыграл свою революционную роль в подготовке незабываемых июньских событий 1940 г.» («Литературная газета», 1951, 28 апреля).

Легенда о Марко (стр. 82). Впервые в тексте сказки «О маленькой фее и молодом чабане. Валашская сказка» — «Сармарская газета», 1895, № 98, 11 мая. Как самостоятельное произведение и в переработанном виде под заглавием «Легенда о Марко» — в изд.: М. Горький. Песня о Соколе. Песня о Буревестнике. Легенда о Марко. СПб., 1906, стр. 8 (№ 1 «Дешевой библиотеки т-ва „Знание“»). Для этого издания Горький сократил первоначальный текст, внес в него поправки и добавил четыре новых заключительных стиха. В дальнейшем при жизни Горького «Легенда о Марко» как самостоятельное произведение не перепечатывалась. Текст произведения был положен на музыку композитором А. Спендиаровым («Рыбак и фея». Баллада, 1903). Вслед за ним на этот текст была написана музыка С. Волковым-Давыдовым («Рыбак и фея». Мелодекламация, 1907), Базилевским («Фея», 1907), А. Туренковым («Фея», 1917).

Стихотворения, не публиковавшиеся М. Горьким

«Не браните вы музу мою...» (стр. 84). Впервые — Н. К. Пиксанов. Горький — поэт. Л., 1940, стр. 51—52, где опубликовано по автографу из АГ. Печ. этот текст.

«Я плыву, за мною следом...» (стр. 84). Впервые — там же, стр. 81—82, по автографу из АГ. Печ. этот текст.

«Тому на свете тяжело...» (стр. 85). Впервые — М. Горький. Стихотворения. Л., 1947, стр. 21—22, где опубликовано по автографу из АГ. Печ. этот текст.

«Нет! Там бессильна голова...» (стр. 85). Впервые — «Ленинская смена». Горький, 1934, № 198, где опубликовано по автографу из АГ. Печ. этот текст. Эти стихи были написаны Горьким на обороте его фотокарточки, подаренной Марии Ивановне Метлиной, в семье которой (в Нижнем Новгороде) он однажды жил. Стихи подписаны: «Максим. 5 апреля 1891 года».

«Как странники по большой дороге...» (стр. 86). Впервые — И. А. Груздев. Горький и его время, т. 1. Л., 1938, стр. 507. Печ. этот текст. Написано в Тифлисе.

«Это дивная рамка была!...» (стр. 86). Впервые — там же, 1938, стр. 507, где опубликовано по автографу из АГ. Печ. этот текст. Последнее четверостишие в автографе перечеркнуто, — вероятно, Горьким.

«Живу я на Вэре без веры...» (стр. 87). Впервые — там же, стр. 585—586. Печ. этот текст. Стихи входили в тифлискую тетрадь, которая была найдена в 1933 г., но Горький ее уничтожил. По счастливой случайности, из этой тетради сохранилось несколько стихотворений. Один листок из нее Горький прислал И. А. Груздеву с такой припиской: «И еще — курьеза ради — прилагаю неоспоримо подлинные и постыдные стишки Горького». На листке и были эти шуточные стихи. Двустихие датиро-

вано: август, 1892; первое четверостишие написано лиловыми чернилами и датировано: сентябрь, 1892, второе четверостишие написано черными чернилами с датой: октябрь; слова «очень» и «я» поставлены Горьким в скобки в 1933 г. Стихи были написаны в Тифлисе. *Вера* — район в Тифлисе.

Рассвет (стр. 87). Впервые — «Октябрь», 1941, № 6, стр. 17—18, где опубликовано по автографу из АГ. Печ. этот текст. 5-я строфа («Но готов поклясться даже...» и т. д.) вписана между строк и, если судить по почерку, — значительно позднее. Вероятно, написано в Тифлисе в 1892 г. и входило в тифлисскую тетрадь с юношескими стихами.

<Сатиры на Д. С. Мережковского> (стр. 88). Впервые — альм. «Волга», № 15, 1957, стр. 235, 238, публикация В. П. Скобелева. Печ. этот текст. Написаны эпиграммы (в период между 1892—1896 гг.) на страницах книги Д. Мережковского «Символы», которая вышла в свет в 1892 г. Первое стихотворение идет непосредственно после поэмы Мережковского «Смерть» и как бы продолжает ее: последняя строфа поэмы имела порядковый номер: LXVIII (68). Горький пометил первую строфу своего стихотворения номером 69, а вторую — 70 и выдержал структуру строфики Мережковского, так что с этой стороны его стихи имеют пародийный характер. Однако оба стихотворения Горького, по существу, являются злыми сатирами на одного из первых декадентов-символистов. Во второй эпиграмме Горький имел в виду поэму Мережковского «Вера», о чем говорит его стих — «С фрегатом и локомотивом». В поэме есть такие стихи:

У нас культуру многие бранят
(Что, в сущности, остаток романтизма),
Но иногда мне душу веселят
Локомотив и царственный *фрегат*
Изяществом стального механизма.

Горький подчеркнул слова локомотив и фрегат, а около слова локомотив поставил: Н. В. (см. В. Скобелев. Неизвестная рукопись А. М. Горького. Альм. «Волга», стр. 234—238). Книгу Мережковского со своими пометами и стихами в ней Горький подарил журналисту и театральному критику А. А. Смирнову (он же А. Треплев), с которым работал в «Самарской газете». *Пантеизм* — религиозно-философское учение, отождествляющее бога с природой, которая будто бы является воплощением божества.

«Как медведь в железной клетке...» (стр. 89). Впервые — ССГ, т. 28, стр. 160. Этим стихотворением Горький закончил письмо к своей жене Е. П. Пешковой из тюрьмы, от 1 или 2 мая 1901 г. В *башне* № 3-й — камера в нижегородской тюрьме, в которой был заключен Горький.

«Поутру штору подымая...» (стр. 90). Впервые — ССГ, т. 28, стр. 342. Стихотворение включено в письмо Горького

к А. А. Дивильковскому (1873—1932), большевистскому публицисту, критику, автору работы «Максим Горький» (см. «Правда», 1905, № 2—4). В письме Горький, находившийся тогда в Риге, негодует по поводу антиреволюционного отношения проживавшей в Прибалтийском крае немецкой буржуазии к начинающейся в России революции. В связи с этим родилось и стихотворение Горького. «Такая непоколебимо идиотская лойяльность у этих чертовых немцев, — писал Горький в этом письме, — прямо беда. Но латыши — великолепный народ во всех отношениях».

«На страницы Вашего альбома...» (стр. 90). Впервые — Архив, стр. 170. Печ. по этому тексту. В 1904 г., 25 или 26 февраля, Горький писал жене — Е. П. Пешковой: «Прошу тебя — возьми из стола тетрадку моих стихов, вырви оттуда листы, на которых написано стихотворение

«На страницы Вашего альбома
Я смотрел в смущении немом...» —

и со всеми поправками пришли мне заказным письмом.

Пожалуйста, скорее — мне нужно это для пьесы. Я ее кончил и — начинаю всю писать с начала, с первой до последней строки. Теперь в ней куча стихов» (ССГ, т. 28, стр. 304). Имелась в виду пьеса «Дачники». Можно высказать предположение, что эти стихи предназначались для Власа. В пьесу они все же не вошли.

«Сим докладываю Вам...» (стр. 91). Впервые — Архив, стр. 169. Печ. по этому тексту. На обороте автографа запись Горького: «Перепиши и пошли ему сейчас же». Возможно, это — шутивное послание в стихах, адресованное редактору какого-то издания. Написано, вероятно, в конце 1890-х или в 1900-е годы.

«День сгоревший хороня...» (стр. 91). Впервые — ССГ, т. 14, стр. 203—204. Строфы 4-я и 5-я (от слов: «Вот глядит в мое окно») в рукописи заключены в скобки синим карандашом. *Латания* — декоративное комнатное растение с веерообразными листьями, из семейства пальм.

«Нравится мне вся земля...» (стр. 92). Впервые — Архив, стр. 172—173. Печ. по этому тексту. На автографе есть пометка Горького о Художественной комиссии Петроградского Совета, в работе которой он участвовал в 1917 г., что и дает нам основание датировать стихи этим годом. Последнее четверостишие было написано Горьким раньше, так как в виде «Песенки пчел» оно включено в рассказ «Утро» (1910).

«Уважаемые покупатели!...» (стр. 93). Впервые — начальные 12 стихов — «Новый мир», 1940, № 8, стр. 204; полностью — Архив, стр. 204. Печ. по тексту Архива.

«Рыжая, как ржавое железо...» (стр. 93). Впервые в отрывках — «Новый мир», 1940, № 8, стр. 203; полностью —

Архив, стр. 174. Печ. по тексту Архива. В Финляндии Горький был в 1904—1906 и 1914—1917 гг. Стихотворение, принимая во внимание орфографию рукописи, написано после 1918 г.

«Под медным оком злой луны...» (стр. 94). Впервые — Архив, стр. 174—175. Печ. по этому тексту. Если судить по орфографии рукописи, стихотворение написано после 1918 г. Но оно могло быть написано и раньше, в 1914—1915 гг., а потом пересмотрено и переписано. В стихотворении нарисован пейзаж, типичный для Карельского перешейка, и ассоциирован он с войной, с полем битвы. В 1914—1915 гг. Горький жил около станции Мустаямки на Карельском перешейке.

«Иду межой среди овса...» (стр. 95). Впервые — ССГ, т. 14, стр. 205—206. Стихи написаны, вероятно, одновременно с очерком «Пожары», включенным в цикл: «Заметки из дневника. Воспоминания», который создавался в начале 1920-х гг. И в очерке, и в стихотворении отражены впечатления Горького от виденного им в 1893 или 1894 г. лесного пожара за Волгой. В очерке и стихах есть сходные зарисовки и образные выражения: «В дыму висело оранжевое солнце» (очерк) — «А солнце — точно апельсин, Совсем оранжевого цвета» (стихотворение); «По земле, под ногами у меня, темной кружевной полостью ползли муравьи, обегая навозного жука, он поспешно катил свой шарик» (очерк) — «Ползут ватагой муравьи И гибнут на земле горячей, В пыли дорожной колени Навозный жук свой шарик прячет» (стихотворение). *Неопалимая купина* — по библейской легенде, чудесный куст терновника, который горел не сгорая.

«О, сколь разнородны...» (стр. 96). Впервые — «Октябрь», 1941, № 6, стр. 18, где опубликовано по автографу из АГ. Печ. этот текст. Датируется приблизительно 1931—1933 гг.

II

Песня Лойка Зобара. Из рассказа «Макар Чудра» (стр. 99). Впервые — «Кавказ», 1892, № 242, 12 сентября. По всей вероятности, в этой песне Горький использовал мотивы цыганской песни.

Песни феи и чабана. Из сказки «О маленькой фее и молодом чабане» (стр. 99). Впервые — «Самарская газета», 1895, № 98, 11 мая; № 100, 14 мая; № 105, 20 мая; № 106, 21 мая; № 107, 24 мая. В прижизненные издания сочинений сказка не включалась. В мемуарном очерке «В. Г. Короленко» Горький отмечает, что сказка эта была написана им в Тифлисе. Короленко отверг «Валашскую сказку». Но стихи в ней, видимо, ему понравились. «Из этой панихиды можно напечатать только стихи, они оригинальны, это я вам напечатаю...» — сказал он Горькому, и все же не напечатал (ССГ, т. 15, стр. 37).

Песни ворон и чижа. Из рассказа «О Чиже, который лгал, и о Дятле — любителе истины» (стр. 108). Впервые — «Волжский вестник», 1893, № 226, 4 сентября. В первоначальном тексте рассказа были сделаны цензурные изъятия, однако они не затронули стихотворного текста. В рассказе иносказательно говорится о мрачной полосе политической реакции, наступившей в 1880-е годы после разгрома революционного народничества и породившей среди известной части интеллигенции, и в частности среди писателей, пессимистические настроения. Упадочничество этой интеллигенции Горький зло высмеял в образе унылых, каркающих ворон. Им противопоставлен Чиж, решивший бороться с унынием и покорностью.

Стихи Порока. Из рассказа «Разговор по душе» (стр. 110). Впервые — «Волжский вестник», 1893, № 233, 12 сентября. Рассказ был опубликован с цензурными изъятиями в прозаическом тексте. Впоследствии цензурный экземпляр газеты был найден в казанском архиве. В ССГ опубликован текст с восстановленными цензурными изъятиями. Сохранилась также черновая рукопись рассказа с несколькими различными концами спора между Пороком и Добродетелью — героями произведения. В прижизненные издания сочинений рассказ не включался.

Стихи одного поэта. Из рассказа «Грустная история» (стр. 110). Впервые — «Самарская газета», 1895, № 193, 8 сентября; № 194, 10 сентября. В прижизненные издания сочинений рассказ не включался. В рассказе повествуется о том, как одного поэта, автора этого стихотворения, в момент его вдохновения кусала блоха. На другой день утром, после чая, поэт «сел за стол, охваченный тоскливым вдохновением, с холодом в сердце и с огнем отчаяния в голове, сел за стол и написал эти стихи».

Стихи поэта Миляева. Из рассказа «Неприятность» (стр. 111). Впервые — «Самарская газета», 1895, № 246, 14 ноября. В прижизненные издания сочинений рассказ не включался. Поэт Миляев, развращенный обыватель, разыграл перед наивной гимназисткой Верочкой роль глубоко разочарованного страдальца, намереваясь использовать доверчивость и искреннее чувство девочки для очередной любовной интрижки.

Песнь Рагнара. Из рассказа «Возвращение норманнов из Англии» (стр. 112). Впервые — «Самарская газета», 1895, № 185, 27 августа. Печ. по тексту «Самарской газеты». В прижизненные издания сочинений рассказ не включался. Это стихотворение — вольный перевод песни корсара Раньяра Лодброга (стилизация скандинавской саги) из книги О. Тьерри «История завоевания Англии норманнами». В нем Горький дал яркую характеристику норманнских викингов — этих «волков моря», отличавшихся разбойничьими нравами. В рассказе Горького «Песнь Рагнара» норманны поют, возвращаясь в Скандинавию после разгрома Англии. В 1917—1919 гг., предположительно, Горький работал над пьесой «Норманны». До нас дошли наброски драмы, в них есть начало «Песни Рагнара», но с некоторыми изменениями:

Мы рубились мечами
В пятьдесят одной битве,
Много пролито нами
Крови храбрых врагов.
Мы на копьях служили
Рыжим скоттам обедни,
Много мы положили
В землю мощных бойцов...

(Архив, стр. 145). «Мы на крыльях служили скоттам, бриттам обедню...» (в варианте из пьесы «Норманны»: «на копьях», и это правильнее, ибо, по преданию, язычники-варяги или норманны, разграбив и спалив жителей христианской страны, издевательски заявляли: «Мы им пропели обедню на копьях». *Одйн* (скандин. миф.) — бог войны и победы. *Эрин, Зеленый Эрин* — Британские острова. *Валгала* (правильнее *Валгалла*) — дворец бога Одина.

Стихи Иегудиила Хламида. Из фельетонов «Между прочим» (стр. 113). Впервые — «Самарская газета», 1895, № 226 и 277, 20 октября и 25 декабря. В прижизненные издания сочинений не включались. Фельетоны «Между прочим» Горький печатал в «Самарской газете» в 1895—1896 гг. под псевдонимом: «Иегудиил Хламида». Они носили обличительный характер: Самара 1890-х гг. поразила Горького своим бескультурьем и дикостью нравов.

Стихи Семена Ястребова. Из рассказа «О писателе, который зазнался» (стр. 114). Впервые — «Русский Туркестан», 1901, № 211, 215, 31 октября и 4 ноября. В прижизненные издания сочинений не включался. Рассказ был написан в ноябре 1900 г. После публикации он был цензурой запрещен и распространялся нелегально в гектографированном виде. В 1902 г. вышел за границей отдельной книжкой.

Монолог Васьки Буслаева. Фрагмент неосуществленной пьесы «Васька Буслаев» (стр. 115). Впервые — «Беседа», 1923, № 2, в тексте заметок «Из дневника»; затем включен в очерк «А. П. Чехов» (последней редакции), который впервые был опубликован в книге: М. Горький. Воспоминания. Берлин, 1923, стр. 37. Монолог сочинен в конце 1890-х гг., когда Горький задумал пьесу «Васька Буслаев». Вот что он писал О. Д. Форш: «О Василии Буслаеве могу сообщить нижеследующее: в 97 году XIX-го века аз, многогрешный, соблазнен был картинками художника Рябушкина и тотчас же начал сочинять «плачевную трагедию, полную милой веселости... Живя на Капри, снова взялся за этот сюжет и многожды говорил о нем...» (ССГ, т. 30, стр. 171). В очерке «А. П. Чехов» Горький заметил, что, задумав писать пьесу «Васька Буслаев», он в одну из встреч с Чеховым прочитал ему хвастливый Васькин монолог.

Стихи Павла Грачева. Из повести «Трое» (стр. 115). Впервые — «Жизнь», 1900, № 12, стр. 3—4; 1901, № 1, стр. 17—18. С дополнениями и исправлениями — М. Горький. Собрание со-

чинений, т. 5. СПб., 1903, стр. 130—131, 132, 358—359. Готовя новое издание повести в 1902 г., Горький не только ввел новые стихи Павла Грачева, но и радикально переработал стихотворение «Прежде и теперь», опубликованное в первой редакции повести. В ней относительно этого стихотворения было сказано: «Однажды в воскресенье, развернув газету, Илья увидел на первой ее странице стихотворение «Прежде и теперь», подписанное «П. Грачев».

Раньше, бывало, как черные вороны,
Думы клевали мне сердце усталое...
Были надежды от сердца оторваны,
Горя и муки изведаль немало я!

...В стихах своих Павел рассказывал о том, как будто бы бродил он, оборванный и одинокий, по чужому городу и не видел ни от кого ни ласки, ни привета. И вот, почти умирая с тоски и голода, он встретил добрых людей, а они пригрели его, обласкали, и он «ожил от слова, любовью согретого», которое запало в сердце ему горячей искрой.

И загорелось сердце надеждами,
Думы поют ему песни отрадные...»

В новой редакции (1902—1903) получилось, в сущности говоря, новое стихотворение. Появился и характерный подзаголовок: «Посвящается С. Н. М-ой», то есть Софье Николаевне Медведевой, девушке-пропагандистке, которой Павел был многим обязан в своем политическом пробуждении. На образах трех товарищей Горький показал три пути в жизни молодежи в условиях капитализма: два ложных — путь индивидуализма (Илья Лунев) и путь непротивленчества (Яков Филимонов) и настоящий — путь революционной борьбы. К этому пути пришел сын кузнеца Павел Грачев. Стихи Павла освещают этапы в развитии сознания этого рабочего парня, который наконец увидел, кто его друг и кто враг.

Стихи Калерии. Из пьесы «Дачники» (стр. 117). Впервые — 3. кн. 3, 1904, стр. 93—94, 218. В «Дачниках» Горький выступил против буржуазной интеллигенции разных рангов и профессий, которая в недалеком прошлом была демократической, но быстро эволюционировала в сторону от народа. Реакционно настроенные врачи, юристы, литераторы и прочие — все они, по определению Горького, были лишь «временно исполняющие должности». В одном из писем 1904 г. Горький писал по поводу «Дачников»: «Я хотел изобразить ту часть русской интеллигенции, которая вышла из демократических слоев и, достигнув известной высоты социального положения, потеряла связь с народом — родным ей по крови, забыла о его интересах, о необходимости расширить жизнь для него... И многие из интеллигенции идут за мешанами в темные углы мистической или иной философии — все равно куда, лишь бы спрятаться» (ССГ, т. 6, 552, 553). Поэтесса Калерия Басова — представительница буржуазного упадочного искусства. Для ее поэзии характерны мотивы песси-

мизма, одиночества, обреченности. Стихотворение в прозе «Эдельвейс» надо отнести тоже к весьма удачной стилизации Горького под декадентскую поэзию. Стихотворение «Осени дыханием го- нимы...» было положено на музыку И. Соколовым, Р. Глиэром, Ф. Бобровым, Н. Волковым.

Стихи Власа. Из пьесы «Дачники» (стр. 118). Впервые — там же, стр. 219. Влас — молодой человек, служит письмоводителем у адвоката. Влас протестует против обывательщины, мещанства окружающей его интеллигенции. Он обличает ее и в своих сатирических стихах, которые в то же время являются пародией на декадентскую поэзию — стихи Калерии.

Стихи из рассказа «Тюрьма» (стр. 119). Впервые — 3. кн. 4, 1904, стр. 340. История этих стихов такова: Горький, находясь в 1901 г. в нижегородской тюрьме, написал своей жене Е. П. Пешковой письмо, в котором есть такие строчки: «А знаешь, довольно-таки мудреная штука письмо из тюрьмы. Хочешь нечто вроде двустушия?»

Получи.

Сквозь железную решетку с неба грустно смотрят звезды...
Ах, в России даже звезды смотрят людям сквозь решетку...»

(ССГ, т. 28, стр. 163). Слегка исправив это двустушие, Горький вставил его в в рассказ «Тюрьма» и приписал заключенному Мише.

Стихи Платона Багрова. Из рассказа «Рассказ Филиппа Васильевича» (стр. 119). Впервые — 3. кн. 5, 1905, стр. 298—299. Второе стихотворение — «Прощай! Я поднял паруса...» является вариантом стихотворения «Прощай!» 1895 г. Горький коренным образом переработал его для «Рассказа Филиппа Васильевича»: сократил вдвое — исключил три центральных строфы, которые не соответствовали образу Платона. 1-ю строфу Горький написал заново. Остальные (2-я и 3-я) строфы новой редакции — это переработанные 1-я и 2-я строфы первоначального текста.

Стихи Лизы. Из пьесы «Дети солнца» (стр. 120). Впервые — 3. кн. 7, стр. 84—85, 191. В черновой редакции (АГ) второе стихотворение Лизы («Милый мой идет среди пустыни...») было иным:

Он идет один среди пустыни,
А вокруг горит песок,
А над ним свод неба темно-синий
Нестерпимо зноен и высок.

Я пойду и встану с милым рядом
Для того, чтоб вместе с ним идти,
Чтоб порой хоть только нежным взглядом
Я могла помочь ему в пути...

В «Детях солнца» показана оторванность буржуазной интеллигенции от народа, вся бесплодность, ненужность интеллектуальной

работы этих «детей солнца», если эта работа не направлена на интересы трудящихся. Эту бесплодность усилий и выражают стихи Лизы Протасовой, сестры ученого Протасова. Стихи Лизы своими упадочническими настроениями близки к стихам Калерии Басовой из пьесы «Дачники».

Стихи Вагина. Из пьесы «Дети солнца» (стр. 121). Впервые — там же, стр. 85. Декадентским стихам Лизы противопоставлено революционно-оптимистическое стихотворение, которое читает художник Вагин. Первые четыре стиха из этого стихотворения в виде самостоятельного четверостишия Горький послал в письмо к итальянскому социалисту Цапелли с надписью: «Моему дорогому другу Луиджи Цапелли» (см. К. Злинченко. Из воспоминаний о Горьком. «Красная новь», 1928, № 6, стр. 174—175).

Стихи Симы Девушкина. Из повести «Городок Окуров» (стр. 122). Впервые — 3. кн. 28—29, 1909, стр.: в кн. 28—12, 21, 51—52, 58—59, 63, 64, 65, 67—68; в кн. 29—11. *Сима Девушкин* — окурковский поэт-самоучка. По поводу его первого стихотворения в повести говорится: «Слободской поэт Сима Девушкин однажды изобразил строй души заречных жителей такими стихами». 3-е, 5-е, 6-е, 7-е, 9-е стихотворения развивают тему окурковского быта. Сима Девушкин изображает в них реальные факты окружающей его жизни. Так, например, 3-е стихотворение написано Симой по поводу смерти девочки в одной слободской семье. 4-е стихотворение («Правду рассказать про вас я никак не смею...») — одна из робких попыток Симы сочинять обличительные, сатирические стихи. Пьяница, развратник чиновник Жуков велел Симе сочинить грязные, скверные стишки. Сима не мог сдерживать своей ненависти к чиновнику и сочинил про него обличительное стихотворение, которое он, преодолев свою робость, начал читать Жукову. Стихотворение обрывается, так как рассвирепевший Жуков бросился на Симу, и тот в страхе убежал. 7-е и 8-е стихотворения отражают один из значительных эпизодов в короткой жизни Симы. Однажды ночью он оказался за городом вместе с «первой головой Заречья» — так звали слобожане старого Тиунова за его ум, знания. Во время этой случайной встречи Тиунов советует поэту писать не о горе, нужде, несчастьях, а о радости. В назидание Симе Тиунов и произносит свое слово: «Хорош есть на земле русский народ...» Под говор-наставления Тиунова у Симы сами собой сочиняются стихи «Полею идут двое...»

Песня извозчика Карло Бамболо. Из «Сказок об Италии» (стр. 125). Впервые — «Одесские новости», 1910, 29 декабря, в тексте новеллы под заглавием «Праздник» (21-я сказка).

Стихи поэта Кермани. Из «Сказок об Италии» (стр. 125). Впервые — «Киевская мысль», 1911, № 301, 31 октября. Стихи включены в 9-ю сказку.

Стихи рабочего Винченцо. Из «Сказок об Италии» (стр. 126). Впервые — «Звезда», 1912, № 6, 2 февраля. Стихи включены в 14-ю сказку.

Стихи воробушка Пудика. Из рассказа «Воробьишко» (стр. 126). Впервые — сб. «Голубая книжка». СПб., 1912, стр. 5—14. В прижизненные издания сочинений рассказ не включался.

Песенки рыб. Из рассказа «Случай с Евсейкой» (стр. 127). Впервые — «День», 1912, № 82, 25 декабря. В прижизненные издания сочинений рассказ не включался.

Стихи одного поэта-декадента. Из «Русских сказок» (стр. 127). Впервые — «Современный мир», 1912, № 9, стр. 3—4. Стихи включены во 2-ю сказку.

Стихи поэта Смертяшкина. Из «Русских сказок» (стр. 128). Впервые — «Русское слово», 1912, № 290, 16 декабря. Стихи включены в 3-ю сказку. Стихи 2-й и 3-й сказок созданы Горьким в целях борьбы с декадентской поэзией, особенно активизировавшейся после разгрома первой революции. Поэты-декаденты начали воспевать смерть и тем самым весьма содействовали усилению пессимистических настроений, особенно среди молодежи. Таких поэтов Горький и высмеивал в своих пародиях. В письме (7 января 1933 г.) А. Л. Дымшицу Горький заметил, что в сказке о поэте Смертяшкине «не пародируются стихи Сологуба, но есть пародия на стихи З. Гиппиус — «О, ночному часу не верьте» <стихотворение З. Гиппиус «Цветы ночи»>. Вероятно, когда я писал Смертяшкина, то — «в числе драки» — имел в виду пессимизм Сологуба» (ССГ, т. 30, стр. 275). В числе «поэз» Смертяшкина, помимо пародии на стихи З. Гиппиус, есть и пародия на «поэзу» И. Северянина «В парке плакала девочка...» (в сказке Горького — «Маленькая девочка ходит среди сада...»).

Стихи Егорки. Из «Русских сказок» (стр. 131). Впервые — «Современный мир», 1912, № 9, стр. 14. Стихи включены в 6-ю сказку. Сатира на ренегатов-либералов. Стихи приписаны Егорке, обслуживающему одного барина; в соответствии с переменами в политической обстановке Егорка легко меняет свои взгляды. Стихи Егорка печатает под псевдонимом: П. Б., что значит «побежденный борец». *Петел* — петух.

Стихи проходящего. Из рассказа «Женщина» (стр. 132). Впервые — «Вестник Европы», 1913, кн. 1, стр. 17. Рассказ в «Вестнике Европы» имел заглавие «По Руси» с подзаголовком «Из впечатлений проходящего». Затем в 1915 г. рассказ получил название «Женщина» и вошел в цикл «По Руси». В нем отражены впечатления, вынесенные юным Горьким из его путешествий по просторам родины. В рассказе этим стихам предшествуют такие слова проходящего: «Хочется сказать людям какие-то слова, которые подняли бы головы им, и, сами собою, слагаются юношеские стихи...»

Стихи бабушки Акулины Ивановны. Из повести «Детство» (стр. 132). Впервые — «Русское слово», 1913, № 266, 295, 299, 17 ноября, 22 и 29 декабря. В повести рассказывается о том, какое сильное впечатление произвели на жильца Кашириных,

известного по кличке «Хорошее дело», стихи бабушки про Ивана-воина и Мирона-отшельника. Он «говорил долго, яростно, подвизгивая и притопывая ногою, часто повторяя одни и те же слова: „Нельзя жить чужой совестью, да да!“» Стихи про дьяка Евстигнеева бабушка рассказывала в связи с полученным известием о разорении дедушки Каширина, косвенным образом высмеивала его самодурство. Стихам предшествуют такие слова бабушки: «Ах, дедушка, дедушка, малая ты пылинка в божьем глазу! Ленька, ты только молчи про это! — разорился ведь дедушка-то дотла! Дал барину большущие деньги — тысячи, а барин-то обанкрутился...» Закончив стихи, бабушка заметила: «Не сдался Евстигней-то, крепко на своем стоит, упрям, вроде бы дедушка наш!», *Град Китеж* — легендарный город, который при нашествии татарских полчищ опустился на дно озера. *Пырин* — павлин. *Сирин* — в древнерусской письменности и народных сказках фантастическая птица с женским лицом.

Стихи бабушки Акулины Ивановны. Из повести «В людях» (стр. 137). Впервые — «Летопись», 1916, № 4, стр. 10. Возможно, что стихи-сказы бабушки, героини повестей «Детство» и «В людях», являются произведениями Акулины Ивановны Кашириной, реальной бабушки Горького. С другой стороны, песни А. И. Кашириной могли быть импровизациями бытовавших в ее среде фольклорных произведений. Не исключена возможность, что некоторые почерпнутые Горьким из других источников народные песни также были им включены в автобиографические повести и приписаны бабушке Кашириной. Учитывая все эти возможные обстоятельства, трудно, однако, допустить, что Горький механически воспроизвел эти песни: скорее всего они были им творчески обработаны.

Стихи Алеша Пешкова. Из повести «В людях» (стр. 138). Впервые — «Летопись», 1916, № 2, стр. 32—33.

Самовар. Рассказ для детей (стр. 139). Впервые — альм. «Радуга». Пг., 1915. В прижизненные издания сочинений не включался.

Песни молдавской девушки. Из рассказа «На Чангуле» (стр. 143). Впервые — М. Горький. Ералаш и другие рассказы. Пг., 1918, стр. 201, 205. Рассказ затем вошел в цикл «По Руси». В рассказе повествуется о том, как проходящий — лицо, от имени которого ведется повествование, — подслушал поразившие его песни безумной румынской девушки-поэтессы. Содержание песен коротко пересказал работник девушки. Он сообщил страшную историю ее жизни: разбойники убили жениха девушки, а над ней совершили насилие.

Песенка перса. Из рассказа «Весельчак» (стр. 145). Впервые — там же, стр. 214—215. Рассказ вошел в цикл «По Руси». В рассказе говорится, как проходящему — лицу, от имени которого ведется повествование, — один перс пересказал по-русски содержание забавной песенки. «Смешные слова» перса сложились

в «незатейливую песню». *Фарсистан* — провинция в южном Иране. *Джин* (правильнее — джинн) — злой дух в арабских и персидских сказках.

Стихи рассказчика. Из рассказа «О первой любви» (стр. 146). Впервые — «Красная новь», 1923, № 6, стр. 13. В рассказе стихи обращены к героине произведения, прототипом которой была О. Ю. Каминская. С ней Горький снова встретился в Тифлисе осенью 1892 г. после двух лет разлуки.

Стихи Фомина. Из «Рассказа об одном романе» (стр. 146). Впервые — «Беседа», 1924, № 4, стр. 117—147, под псевдонимом «Василий Сизов».

Стихи Инокова. Из романа «Жизнь Клима Самгина» (стр. 147). Впервые — М. Горький. Собрание сочинений, т. 21. Берлин, 1928, стр. 18. Стихи перекликаются со стихами рассказчика из рассказа «О первой любви».

Стихи дьякона. Из романа «Жизнь Клима Самгина» (стр. 148). Впервые — М. Горький. Собрание сочинений, т. 20. Берлин, 1927, стр. 395. В образе дьякона-стихотворца Егора Ипатьевского Горький изобразил характерное явление в жизни духовенства в годы первой революции: своеобразный бунт, протест некоторой части духовенства против догматов, канонов церкви, завершавшийся иногда снятием сана. Гусев-Оренбургский вывел такого бунтаря в романе «Страна отцов» (1904) в образе снявшего с себя сан священника Ивана Гонибесова. Дьякон у Горького человек религиозный, но еретик. Под суд он попал за то, что «у него, в стихах, богоматерь, беседуя с дьяволом, упрекает его: «Зачем ты предал меня слабому Адаму, когда я была Евой, — зачем? Ведь, с тобой живя, я бы землю ангелами заселила!» *Николай, епископ Мирликийский* — архиепископ в г. Мир в Ликии (область Малой Азии); православная церковь считала его святым.

СКИТАЛЕЦ

Многие из публикуемых нами стихотворений Скитальца написаны до 1902 г. и вошли в первый сборник его сочинений, изданный «Знанием»: Скиталец. Рассказы и песни. Книга 1-я. СПб., 1902 (сокращенно: изд. 1902 г.). Эта книга была составлена Горьким, им же были отредактированы и все произведения, вошедшие в нее. Особенно тщательно правил Горький стихотворения Скитальца.

Из 40 стихотворений, представленных Скитальцем, он отобрал 22 и не оставил ни одного без своих исправлений. Горький устранял длинноты — исключал целые стихи и строфы, слабые в художественном отношении, исправлял бесцветные и тяжеловесные строки или заменял их своими. В стихотворении «Муза» Горький зачеркнул всю вторую часть из 12 стихов. В стихотворении «К ней» он исключил последнее четверостишие:

Ждут страданья нас, как звери, —
Всё снесу, любя!
Пусть нас ждут могилы двери —
Я люблю тебя!

В стихотворении «Волновалась в сердце кровь...» (оно не вошло в данный сб.) в этом начальном стихе Горький слово «волновалась» заменил словом: «закипела». В стихотворении «Волнами мощными я выброшен вперед...» 6-й стих первоначально читался: «Где мрак простер свои широкие объятия». После правки Горького стало: «Где властно мрак простер тяжелые объятия».

В стихотворении «Посвящение» 4-й стих с конца — «Как богатырь, из трупа оживленный» Горький заменил таким: «И мужественно вновь иду вперед». В стихотворении «Там впереди — лежит страна млека и меда...» во 2-й (последней) строфе Горький добавил 6-й, заключительный стих: «Ждет впереди победа и свобода». Иногда он заменял целые строфы Скитальца, сочинял свои заключительные четверостишия, например в стихотворениях: «Я оторван от жизни родимых полей...», «Алмазы», «Узник». Многие стихотворения («Колокол», «Певчие», «Кузнец» и др.) Горький после тщательной правки собственноручно переписывал набело и в таком виде возвращал Скитальцу. Над некоторыми стихотворениями, интересными по замыслу, но плохо исполненными, Горький так много поработал, что они становились почти наполину горьковскими. Таковы: «Алмазы», «Колокол», «Кузнец», «Я оторван от жизни родимых полей...». Но иногда и после весьма значительной переработки стихи не удовлетворяли Горького, и они по его совету в изд. 1902 г. не были включены. Так им были забракованы стихотворения «К ней» и «Словно божи старушки...» Относительно последнего Горький сделал такое примечание: «Я считаю стихи очень важными для психологии автора. Но думаю, что все же не надо помещать их в книжку. Плохо!» (АГ).

Скиталец сознавал «неотделанность», «неказистую и неизящную внешность» своих стихов. «Стихи поправлял сколько мог, — писал он Горькому, — но пришел в отчаяние от их неотделанности и плюнул: больше не могу, как хотите» (АГ). Перепечатав стихи на машинке, Скиталец вернул их Горькому, и Горький снова редактировал текст, но на этот раз в большинстве случаев дело ограничилось отдельными, мелкими поправками. Скиталец принял большинство исправлений, сделанных Горьким, и потому мы печатаем многие стихотворения поэта с горьковской правкой. Все 22 стихотворения Скитальца, включенные Горьким в изд. 1902 г., затем вместе с новыми были изданы «Знанием» в 1906 г. двумя отдельными книжками в серии «Дешево́я библиотека т-ва „Знание“» (сокращенно: изд. 1906 г.).

В дальнейшем Скиталец не раз переиздавал свои стихотворения. Наиболее полный сборник их был издан в Москве в 1919 г. под названием «Песни Скитальца». При переиздании автор делал новые поправки. Иногда он исправлял текст, в свое время отредактированный Горьким, но не публиковавшийся в «Знании», например стихотворение «Посвящение». Объяснялось это, вероятно, тем, что под руками у Скитальца текста, правленного Горьким, не

оказалось. Наиболее значительно Скиталец редактировал свои стихи для последнего прижизненного издания их: Скиталец. Избранные стихи и песни. М., 1936 (сокращенно: изд. 1936 г.).

В настоящем сборнике все стихотворения Скитальца публикуются по текстам, относящимся к «зnanьевскому» периоду его поэтической деятельности, то есть к 1901—1906 гг. Если на протяжении этого периода текст одного и того же произведения исправлялся Скитальцем, то публикуется последняя редакция. Отдельные стихи поэта, хронологически относящиеся к «зnanьевской» эпохе, но ставшие известными много позднее, печатаются по изд. 1919 г.

Из рукописного наследия Скитальца известны автографы всех стихотворений, вошедших в изд. 1902 г. (они хранятся ныне в АГ). Автографы других произведений указаны в примечаниях.

Волжские легенды (стр. 155). Впервые — изд. 1936 г., стр. 67—74, с датой: 1898. *Чуркин* — легендарный разбойник, герой песен («Среди лесов дремучих...» и др.). *Ширяй* — легендарный волжский разбойник. *Уса* — правый приток Волги, впадает в нее в районе Жигулей.

«Вы сказались, бессонные ночи!..» (стр. 159). Впервые — изд. 1902 г., стр. 144.

Посвящение (стр. 160). Впервые — изд. 1919 г., стр. 9—10. Первоначально стихотворение называлось «Из сказки», но Горький, редактируя его для книги сочинений Скитальца в 1901 г. (см. также стр. 385), это заглавие зачеркнул. Однако в изд. 1902 г. стихотворение не вошло. Новое название поэт ввел для изд. 1919 г., где дан текст без исправлений Горького. В изд. 1936 г. значительные различия:

Ст. 11-й:

Любовью к близким скованный, как цепью

Вместо ст. 12—13 Скиталец вставил следующий текст:

Я первым шел, дорогу пролагая,
Шагая вброд, нес на плечах широких
Всех маленьких, беспомощных и слабых,
Еще не выросших, но жарко мной любимых.
И с ношей этою дошедши до болота,
Меж берегов его свое простер я тело,
Служа для них спасительною гатью,

Ст. 25-й:

Стучался в хижины — нигде не отворили

Ст. 29-й:

Стал покорившимся и тупо-равнодушным.

Стихотворение, несомненно, посвящено Горькому, образ его отчетливо очерчен в заключительной части. О том, кем был в ту пору для Скитальца Горький, и что поэт в стихотворении имеет в виду

именно Горького, свидетельствуют письма Скитальца тех лет к Алексею Максимовичу. В них он называет Горького своим «литературным отцом», а отношение Горького к нему «чисто отеческим». В письме к Горькому от 22 мая 1900 г. Скиталец писал: «Моя душа дрожит перед сказочным дворцом литературы, у крыльца которого лежат на цепях ее львы. Но вы берете меня за руку и ведете мимо их, и я войду в роскошные чертоги и не буду растерзан. Вы буквально хотите «вдворить босяка в литературу», то есть меня» (АГ).

Колокол (стр. 161). Впервые — изд. 1902 г., стр. 1. Горький тщательно отредактировал это стихотворение. Воспроизводим его исправления.¹

Ст. 1—13-й:

Я — [мрачный львиный] гулкий, медный рев,
рожденный жизни бездной.
[Как звук] Злой крик набата — я!
[Густ] Груб твердый голос мой, тяжел язык железный,
Из меди грудь моя.
И с вашим пением не может слиться вместе
[Напев] Мой голос, — он поет
Обиду кровную, а сердце — песню мести
В груди моей кует.
Из [ада] грязи выходец, я жил в болотной тине,
Я в [бездне] муках возмужал.
[Где злобный] Суровый рок от [утра] юных дней донныне
Давил и унижал.
О [как] да! Судьба меня всю жизнь нещадно била!

Ст. 18-й:

[В душе горят они] Я весь, всегда — в огне...

Снимок с рукописи с правкой Горького и текст «Колокола», переписанный его рукой, см. на стр. 162—163.

Кузнец (стр. 164). Впервые — изд. 1902 г., стр. 272—273. После правки Горького значительно изменилась начальная часть стихотворения:

Текст Скитальца

Не похож я на певца:
Я похож на кузнеца!
Эта крепкая рука
Любит молот и крепка,
Я для кузницы рожден,
Я — силен!
Пышет горн в груди моей:
Не слова, а угли в ней!

Текст, отредактиро-
ванный Горьким:

Некрасива песнь моя —
Знаю я!
Не похож я на певца —
Я похож на кузнеца,
Я для кузницы рожден,
Я — силен!
Горн горит в груди моей
Не слова, а — угли в ней!

¹ Условные обозначения: слова, взятые в квадратные скобки, — текст Скитальца, исключенный или замененный Горьким; слова, набранные курсивом, — текст Горького.

Следующая, 3-я строфа была по совету Горького исключена:

Гнев — мой молот — он кует!
Гром — мой голос — он поет!
Я не рад,
Что в груди моей живет
Целый ад!

«Гром — мой голос и т. д.» — писал Горький, — вон! Глупо и крикливо. Пожалуйста, исправьте!» И рекомендовал дальше продолжать так:

Я хотел бы вас любить,
Но — не в силах нежным быть.
Нет! Я — груб!

У Скитальца же было:

Я хотел бы вас любить,
Но не в силах нежным быть —
Так я груб!

В стихе «Слишком тверд ты и суров» Горький заменил слово «тверд» словом «прям».

Ручей (стр. 165). Впервые — изд. 1902 г., стр. 158.

«Я хочу веселья, радостного пенья...» (стр. 165). Впервые — «Жизнь», 1901, № 3, стр. 266. Вошло в изд. 1902 г., стр. 118.

Алмазы (стр. 166). Впервые — «Мир божий», 1902, № 3, стр. 278. Печ. по изд. 1902 г., стр. 271, где текст стихотворения дан с поправками Горького. Приводим полностью его редактуру:

Нас давят, [нас тяжело гнетут!]
лежим мы века
[Над нами слои вековые]
Закованы в тяжкий гранит.
[И гребнями горы идут,]
Гнетет нас и тьма, и тоска
[Вершины блестят снеговые.]
Не знаем — как солнце горит!

Холодные головы гор
Хотят раздавить нас гранитом
[Мы звездный не видим узор,]
Не видим мы неба убор,
Нам темно [в могиле] *во мраке зарытым!*
И твердыми сделались мы
[И вечным огнем засверкали]
От гнева, тоски и печали
И мрачным огнем засверкали

[От мрака и тяжелой тюрьмы,
От гнева, тоски и печали]
На дне нашей тесной тюрьмы.

При повторном редактировании Горьким была исключена 2-я строфа, а последняя — целиком переработана (см. стр. 385).

«Я упал с облаков в эту бездну мученья...» (стр. 166). Впервые — сб. «Литературное дело». СПб., 1902, стр. 32. Вошло в изд. 1902 г., стр. 243. В стихотворении варьируются два древнегреческих мифологических мотива: легенда об Икаре, вздумавшем летать на крыльях из воска, которые от солнечных лучей растаяли, и миф о Прометее, похитившем для людей у Зевса огонь и за это прикованном к скале.

«Ты бедна... Трудом, нуждою...» (стр. 167). Впервые — изд. 1906 г., кн. 2, стр. 7. В изд. 1902 г. стихотворение не вошло, хотя Горький тщательно его отредактировал. В изд. 1906 г. оно напечатано без исправлений Горького. Видимо, на сей раз Скиталец не согласился с поправками Горького или у него в руках не было текста, исправленного им. Возможно также, что стихотворение в 1906 г. печаталось К. П. Пятницким без ведома Горького. Горький предлагал первые два стиха заменить следующими:

Вот я весь перед тобою!
Я прошу любви!

Едва ли это был более удачный вариант. Но Горький был прав, предлагая Скитальцу исключить последнюю строфу (см. стр. 385); она лишняя, ибо фактически повторяет предыдущую.

«Колокольчики-бубенчики звенят...» (стр. 167). Впервые — «Жизнь», 1901, № 1, стр. 225—226. Печ. по изд. 1902 г., стр. 116—117. Первоначально в 6-й строфе ст. 3-й: «Не ~~болтайте~~ вы, лукаво затая». В изд. 1919 г. ст. 25-й: «Ночь окутала нас бархатной фатой».

Гусляр (стр. 169). Впервые — «Курьер», 1902, № 344, 13 декабря. Замысел «Гусляра» возник у Скитальца в нижегородской тюрьме (1901). За публикацию «Гусляра» газета «Курьер» была закрыта. По цензурным соображениям «Гусляр» не был включен в «Знание» издания 1902 и 1906 гг. Один из фрагментов этого стихотворения, начиная со слов: «Земля у нас истощена» и кончая: «Таков и я вам дан», Скиталец выделил в самостоятельное произведение и под названием «Поэт» опубликовал в 3. кн. 12 за 1906 г. Полный текст «Гусляра» вошел в изд. 1919 г., стр. 13—15, с некоторыми исправлениями; после ст. «Я вхожу во дворец к богачу» были исправлены три стиха:

И ковры дорогие топчу:
Полны скуки, тоски и мольбы,
Там живут сытой жизни рабы, —

Ст. «Песнь моя не нравится вам» был изменен: «Песнь свободы не нравится вам». Были сделаны и некоторые другие мелкие исправления. Фрагмент, опубликованный Скитальцем под названием «Поэт», составлял часть текста «Гусляра». В этой редакции «Гусляр» затем вошел в изд. 1936 г. Незадолго до смерти, в 1941 г., Скиталец создал новую редакцию «Гусляра». Приводим ее. После ст. 4 строки 5—9 переставлены следующим образом:

Я иду, накинув бедный мой наряд, —
Гусли звонкие рокочут и звенят!
Гусли-мысли да веселых песен дар
Дал в наследство мне мой батюшка-гусляр.
Гусляром быть доля выпала и мне —
Веять песни по родимой стороне.

Ст. 11-й:

Я иду по полям, по горам —

После ст. 16-го строки 17—22 переставлены:

Солнце выйдет, смеясь, из-за туч...
И народ-то, как солнце, — могуч!
Как ударю я в струны мои —
Замолчат над рекой соловьи;
Разливаются песни кругом —
Серебром!

Ст. 25-й:

Только длинные струны звенят —

После ст. 30-го новый текст:

По наследью
Струны — юны —
Позолочены,
Только сверху звонкой медью
Околочены,
Не линяла б позолота!
Прочь, забота!
Пей, голота —
Деньги плочены!
Наша плата —
Силы трата!
Кавардак и трепак:
Веселится кабак
И вот эдак,
И вот так!

Ст. 31-й:

Ах! и звонко ж гусли медные звенят...

Ст. 39-й:

Пусть о том, что я народу — друг и брат,

Ст. 41—51-й:

И пропеть ему песню хочу:
Я пою ему, звонко смеясь:

«На душе твоей копать и грязь;
Не спою тебе песни такой,
Что б тебя очищала собой;
Пусть лежит на душе твоей тень!
Песнь моя не понравится вам,
Ведь звенит она, словно кистень...

После ст. 60-го новый текст:

Смеетесь вы, твердя: «Он лжет»,
Колочий, как бурьян!
О нет! Каков теперь народ,
Таков и я вам дан!

Последние 8 стихов в новой редакции были исключены Скитальцем. Этот текст опубликован в статье П. Бейсова «Заметки о Скитальце» («Ученые записки» Ульяновского гос. педагогического института, вып. 7, 1955, стр. 228—230). «Гусляра» был любимым стихотворением Скитальца. Поэт чаще других исполнял его на литературных вечерах в канун и в дни первой революции. Декламация «Гусляра» всегда имела большой успех, иногда выливавшийся в революционные волнения: так было и в декабре 1902 г. в Москве в Колонном зале бывшего Благородного собрания (см. Н. Телешов. Записки писателя. М., 1948, стр. 46—48) и в Симбирске в начале 1905 г. в здании Городской думы (см. П. Бейсов, указ. статья, стр. 218—220).

Узник (стр. 171). Впервые — изд. 1902 г., стр. 241—242. Горький следующим образом исправил это стихотворение. Он устранил заглавие «Заключенные песни». Предпоследние четыре стиха:

Ржавый ключ, как дикий зверь,
Мой замок грызет сурово,
И окованную дверь
Затворили на засовы —

сделал началом стихотворения. На полях рукописи заметил: «Полагаю — этим начать». Концовку — последние четыре стиха:

Мрачно в башне. Воздух — яд.
Видно, буду умирать я...
А со стен кругом гремят
Молчаливые проклятья. —

Горький переделал так: сохранил первые два стиха, а два последние заменил своими:

А вокруг — в тюрьме — гремят
Песни, крики и проклятья.

Но, видимо, концовка и в исправленном виде его не удовлетворила, так как на полях он написал: «Как будто — лучше закончить словами орла». Скиталец так и сделал.

«Я оторван от жизни родимых полей...» (стр. 171).
Впервые — изд. 1902 г., стр. 240. Редакторская работа Горького над стихотворением:

Ст. 6-й:

Я не сделался [ласковым] близким и другом:

Ст. 8-й:

И [отвержен] отброшен я [шумным] сытым их кругом.

Ст. 9-й:

[Я всей жизни людской] Сытой пошлости я
покориться не мог.

Ст. 14-й:

[Кто истерзан в пути, не изнежен] Кто судьбою
своей не изнежен...

Последнюю строфу Горький забраковал, написав: «Это — плохо». У Скитальца она была такой:

Моя песня — вина искрометный бокал!
Пейте! Сердце согреется жаром;
Тех отвергнем и мы, кто нас всех отвергал,
На удары ответим ударом!

Горький предложил свою концовку: «Хорошо бы это закончить так, — писал он:

Я — не вождь, я — певец — боевая труба,
Но — я чувствую веянье жизни —
Зреет буря в отчизне!
И реву я родному народу:
„Собирайся на бой! Скоро грянет борьба
За свободу!“»

«Это, — писал далее Горький, — и по ритму похоже на ту мелодию, которую поют трубы перед атакой — боевой. Но что скажет цензор? И — Скиталец?» Горький затем предложил такой вариант концовки. «Или закончить так, — пометил он на рукописи, —

Вы живете во мраке, в оковах, в аду...
Я вас к свету, к свободе, к победе — вперед!
— поведу!

Верьте — некуда больше идти,
Нет иного пути!»

Затем Горький переписал все стихотворение и концовкой сделал свой второй вариант. Скиталец принял правку Горького.

«Нет, я не с вами: своим напрасно...» (стр. 172).
Впервые — изд. 1902 г., стр. 166—167. В изд. 1936 г. ст. 3-й последней строфы: «Он грянет тяжкой грозой над вами...»

«Из добродетелей вы цепи мне сковали...»
(стр. 173). Впервые — 3. кн. 2, 1904, стр. 24. Печ. по изд. 1906 г.

(ч. 2), стр. 23. В кн. «Знания» стихотворение состояло из двух последних стрóf и начиналось так: «Я чувствую — во мне растет и зреет сила...» Полностью (то есть из 4-х стрóf) — в изд. 1906 г. В первоначальной публикации первые две стрóфы были опущены, вероятно, под давлением цензуры.

«Там, впереди, лежит страна млека и меда...» (стр. 174). Впервые — 3. кн. 2, 1904, стр. 25. В изд. 1919 г. ст. 8-й: «Священная земля! Привет, привет тебе...» Использованный в стихотворении библейский мотив о стремлении евреев найти обетованную землю содержит в себе аллегорический смысл: призыв к революции, к борьбе за свободу.

Памяти Чехова (стр. 174). Впервые — 3. кн. 3, 1905, стр. 1—2. В изд. 1906 г. не вошло.

«Мы плыли с тобою навстречу заре...» (стр. 175). Впервые — 3. кн. 6, 1905, стр. 315. В изд. 1906 г. ст. 2-й: «Могучее море плескалось». В изд. 1919 г. — под заглавием «Заря». В изд. 1936 г. исключена последняя стрóфа, начинающаяся стихом: «Опять я в тюрьме. Мне улыбку дая...». В конце стихотворения появилась помета: 1904 г. Таганская тюрьма.

Валькирии (стр. 176). Впервые — 3. кн. 9, 1906, стр. 321—322. В изд. 1906 г. не вошло. В изд. 1919 г. — с посвящением финскому художнику А. Галлену. *Валькирии* (скандин. миф.) — воинственные богини, участвовавшие в сражениях и уносившие души убитых воинов в валгаллу, жилище бога Одина (см. стр. 378).

Четверо (стр. 177). Впервые — 3. кн. 16, 1907, стр. 225—226. В изд. 1906 г. не вошло. В новой редакции — С к и т а л е ц. Рассказы и стихи. СПб., 1912, стр. 201—202.

Исправления:

Ст. 4-й:

А сами живите дружней!

Ст. 5-й:

Отец и вы сами — ведь были крестьяне.

Ст. 9—10-й:

Меж тем всё проснулось, земля всколыхнулась,
Страна запылала в огне...

Ст. 15-й:

Второй за собою вел к жаркому бою

5-я стрóфа была полностью изменена:

Певец перед боем спел песню героям
И сгинул в неравном бою...
Второго казнили, а двух присудили
Угаснуть в полночном краю.

6-я (последняя) строфа стала такой:

А мать и не знала — в могиле лежала,
В объятьях желанной земли...
Не знала, что в поле за землю и волю
Все четверо в землю легли!

«Телами нашими устлали мы дорогу...» (стр. 178).
Впервые — изд. 1906 г., ч. 2, стр. 20.

«Шумит, ревет и пляшет море...» (стр. 179). Впервые — изд. 1919 г., стр. 38—39.

Тихо стало кругом... (стр. 180). Впервые — 3. кн. 9, 1906, стр. 320. В изд. 1936 г. — без заглавия. В изд. 1906 г. не вошло. См. вступит. статью, стр. 37.

А. А. ЛУКЬЯНОВ

Все публикуемые здесь стихотворения поэта, за исключением одного, вошли в его сборник: А. Лукьянов. Стихи. СПб., 1908 (сокращенно: сб. 1908 г.).

«Не называй безумными мечты...» (стр. 185). Впервые — сб. 1908 г., стр. 77.

Друзьям (стр. 185). Впервые — там же, стр. 80.

В лесу (стр. 186). Впервые — «Мир божий», 1903, № 4, стр. 43.

«О, если б колокол раздался в тишине...» (стр. 187). Впервые — сб. 1908 г., стр. 54.

Поэту (стр. 187). Впервые — там же, стр. 62.

Маяк (стр. 188). Впервые — там же, стр. 65.

«Я помню этот шум — шум жизни молодой!...» (стр. 188). Впервые — там же, стр. 67.

Истина (стр. 189). Впервые — там же, стр. 76.

Памяти Ант<она> П<авловича> Чехова (стр. 189). Впервые — «Мир божий», 1904, № 8, стр. 1.

Памяти Н. Г. Чернышевского (стр. 190). Впервые — Избранные произведения русской поэзии. СПб., 1905. Печ. по сб. 1908 г., стр. 128. Написано, вероятно, в 1904 г., в связи с пятнадцатилетней годовщиной смерти Чернышевского, что подтверждается первой публикацией в сб. «Избранные произведения русской поэзии», составленном В. Бонч-Бруевичем и выпущенном издательством «Знание». Сборник этот выдержал пять изданий (последнее в 1909 г.) и во всех ст. 7-й с конца читался так: «Про-

шло пятнадцать лет...» (Чернышевский умер в 1889 г.). Пересматривая в 1908 г. свои стихи для сб. 1908 г., Лукьянов слово пятнадцать заменил выражением — «так много», ибо в 1908 г. исполнилось уже девятнадцать лет со дня смерти Чернышевского.

Рабочему (стр. 191). Впервые — сб. 1908 г., стр. 134.

Кузнец (стр. 192). Вольный перевод стихотворения Э. Верхарна «Le forgeron». Впервые — 3. кн. 4, 1905, стр. 321—325. Печ. по сб. 1908 г., стр. 135—137, где в ст. 12-м от конца исправление: «не обновиться» (первоначально: «не оживиться»). По поводу этого стихотворения Лукьянов писал (7 марта 1905 г.) Горькому: «Когда я ознакомился с содержанием «Кузнеца», то стихотворная форма почти невольно сложилась, и думаю, что это далеко не точный перевод, но это мой перевод, в стихотворении этом и мое чувство» (АГ). Горький подчеркнул не удовлетворившие его слова и даже целые стихи, например в последней строфе ст. 6-й («Как пьтку будущую, он...») и два последних стиха («Как будто сталь сердце живых, В терпении закаляя их!»). Лукьянов согласился с замечаниями Горького. На полях своей рукописи он написал: «Все подчеркнутые места мною изменены, но конец четвертого куплета мне хотелось бы оставить в первой редакции, так как фраза — «Чтоб дать им лезвия закал» — мне кажется правильной. Я пробовал закончить так:

Чтоб закалить их, как кинжал,
И дать им молнии сиянье, —

но не будет ли тогда хуже?» (АГ). Лукьянов избрал последний вариант.

Меч врагов (стр. 194). Впервые — 3. кн. 8, 1906, стр. 165—168.

«Слепцы и безумцы! Насильем владея...» (стр. 194). Впервые — 3. кн. 10, 1906, стр. 167. В сб. 1908 г. не вошло.

Восстание (стр. 195). Перевод стихотворения Верхарна «La révolte». Впервые — 3. кн. 10, 1906, стр. 129—134.

«Как звезд на темном небосводе...» (стр. 198). Впервые — сб. 1908 г., стр. 141.

«Кровь... трупы... порвавшийся стон...» (стр. 198). Впервые — там же, стр. 144.

Страдалица страна (стр. 199). Впервые — там же, стр. 145. Это и два предшествующих стихотворения отражают конкретные события из истории героической борьбы русского народа в годы первой революции.

Е. А. ТАРАСОВ

Кроме семи стихотворений Тарасова, опубликованных в «Сборниках т-ва „Знание“» за 1906 г., в состав настоящего издания включено еще восемь, взятых из прижизненных сборников поэта и относящихся ко второй половине 1900-х гг. Евг. Тарасов. Стихи. 1903—1905. СПб., (сокращенно: сб. 1906 г.); Евг. Тарасов. Стихотворения. Пб., 1919 (сокращенно: сб. 1919 г.).

На левом берегу (стр. 204). Впервые — сб. 1906 г., стр. 5. П. Я. — псевдоним поэта-народовольца Петра Филипповича Якубовича (Мельшина) (1860—1911). Эпиграф — из его стихотворения «Песня рубильщиков».

Твои цветы (стр. 205). Впервые — там же, стр. 20.

«Ты говоришь, что мы устали...» (стр. 205). Впервые — там же, стр. 94—95.

«...Возникла в глухую январскую ночь...» (стр. 206). Впервые — там же, стр. 78—79. В *глухую январскую ночь* — имеется в виду «кровавое воскресенье» — 9 января 1905 г.

Дерзости — слава! (стр. 207). Впервые — там же, стр. 82.

Весенние ручьи (стр. 208). Впервые — там же, стр. 103.

«Смеха не надо бояться...» (стр. 209). Впервые — сб. 1919 г., стр. 25—26.

Крепость (стр. 210). Впервые — 3. кн. 12. 1906, стр. 291—292.

Проклятие (стр. 211). Впервые — там же, стр. 293.

За решеткой (стр. 212). Впервые — там же, стр. 294.

Под Новый год в тюрьме (стр. 212). Впервые — там же, стр. 295.

На Волге (стр. 213). Впервые — там же, стр. 296—297.

Дума пролетария (стр. 214). Впервые — там же, стр. 298.

Черный суд (стр. 215). Впервые — 3. кн. 14, 1906, стр. 215—216. Вероятно, описана одна из кровавых расправ царских палачей в Петропавловской крепости, о чем свидетельствуют такие характерные детали: «мост подъемный», «часы собора», «чернеет остров».

Недосказанная поэма (стр. 216). Впервые — сб. 1919 г., стр. 5—6.

К революции (стр. 217). Впервые — сб. 1919 г., стр. 41—42.

И. К. ВОРОНОВ

В октябре—ноябре 1909 г. Воронов послал Горькому на о. Капри рукописный сборник своих стихотворений «От безмятежности к борьбе». Ознакомившись с ним, Горький написал на титульном листе рукописи: «Стихи считаю принятыми» (АГ), а Воронову сообщил (23 ноября 1909 г.), что они будут напечатаны в 28-й и 29-й книгах «Знания», и просил его прислать стихи для 30-й. Но из рукописного сборника Воронова лишь в 29-й книге «Знания» были опубликованы цикл «За решеткой» (4 стихотворения) и 5 других стихотворений. Произошло это, вероятно, вопреки воле Горького: К. П. Пятницкий и В. С. Миролубов не раз игнорировали его мнения в последние годы существования «Знания». В дальнейшем несколько стихотворений Воронова было опубликовано в книгах «Знания» за 1910—1911 гг. Однако отдельным сборником стихи поэта не публиковались. Рукописи всех произведений Воронова, вошедших в данное издание, хранятся в АГ.

За решеткой

1. «Поздно ночью привели...» (стр. 223). Впервые — 3. кн. 29, 1909, стр. 3.

2. «Там, далеко, где я бывал когда-то...» (стр. 223). Впервые — там же, стр. 4.

3. «Лазурней неба глубина...» (стр. 224). Впервые — там же, стр. 5.

4. «Светлые весенние денечки...» (стр. 224). Впервые — там же, стр. 6.

Мой сосед (стр. 225). Впервые — там же, стр. 7.

В ночном безмолвии (стр. 225). Впервые — там же, стр. 8.

Мать (стр. 226). Впервые — там же, стр. 9.

На волю (стр. 226). Впервые — там же, стр. 10—11.

Этап (стр. 227). Впервые — там же, стр. 12.

Обыск (стр. 228). Печ. впервые по автографу.

«От стены твоей тюрьмы...» (стр. 229). Печ. впервые по автографу.

Свидание (стр. 230). Печ. впервые по автографу.

Последние слова (стр. 230). Печ. впервые по автографу.

Над сверкающей рекою (стр. 231). Впервые — 3. кн. 30, 1910, стр. 1—5.

Мудрость дерзающих (стр. 233). Впервые — там же, стр. 6—9.

У моря (стр. 235). Впервые — там же, стр. 10.

У ворот тюрьмы (стр. 236). Впервые — 3. кн. 32, 1910, стр. 3—4.

Подкоп (стр. 236). Впервые — там же, стр. 5.

Два пути (стр. 237). Впервые — там же, стр. 6—7.

Витязи (стр. 238). Впервые — там же, стр. 8—11.

Слесарь (стр. 240). Впервые — 3. кн. 37, 1911, стр. 3—5. Разыскать английский подлинник этого стихотворения Карпентера не удалось. К письму Горькому (21 ноября 1910 г.) Воронов приложил три стихотворения, которые он назвал попыткой «передать по-своему мотивы английских поэтов — Карпентера («Слесарь»), Аллингэма («Оценка») и Джонса («Свобода»); «это не переводы, — заметил Воронов, — а то, что называется „на мотив та-ксо-то“» (АГ).

Свобода (стр. 242). Печ. впервые по автографу. Подзаголовок: «На мотив Джонса» — вписан в оригинал Горьким. Английский подлинник обнаружить не удалось.

«У основания огромной пирамиды...» (стр. 242). Печ. впервые по автографу.

Цепь (стр. 244). Печ. впервые по автографу.

Тому, кто молод (стр. 244). Печ. впервые по автографу.

А. С. ЧЕРЕМНОВ

Многие из публикуемых стихотворений Черемнова впервые были напечатаны в «Сборниках т-ва „Знание“» и печатаются нами по этому изданию, что в примечаниях особо не оговаривается. Часть стихотворений, написанных в 1906—1907 годы, когда поэт был уже сотрудником «Знания», публикуется впервые по автографам из АГ. Остальные стихотворения взяты из прижизненного издания стихов поэта: А. Черемнов. Стихотворения, т. 1. М., 1913 (сокращенно: изд. 1913 г.). Так как работа над этим изданием была закончена автором в 1912 г., а большинство стихотворений, включенных в него, написано, несомненно, раньше, то некоторые из них, наиболее близкие к стихам, опубликованным в сборниках «Знания», включаем в настоящий сборник.

В том же 1912 г. рукопись книги Черемнова была отослана автором Горькому и была им одобрена.

Красный корабль (стр. 252). Печ. впервые по автографу, хранящемуся в АГ. Окончив поэму 10 июня 1906 г. в Петербурге, Черемнов передал ее К. П. Пятницкому. Но через некото-

рое время он взялся за переработку произведения и 29 сентября закончил его, создав вторую редакцию. Она значительно отличается от первой большим художественным совершенством, а также единством идейного замысла. Кроме того, Черемнов написал к поэме «Вступление». Эта редакция и была высоко оценена Горьким. Он только вычеркнул конец поэмы со слов: «Так я познал могущество насилия», но предоставил окончательное решение Черемнову. Поэма из-за цензурных условий не могла быть напечатана. Черемнов очень огорчился. «Конечно, «Красный корабль» никогда не увидит света! — писал он Горькому 16 марта 1910 г. — Переделать его для цензуры невозможно. Это все равно что нарисовать крокодила и подписать под ним: „епископ Гермоген“» (АГ). Черемнову удалось опубликовать в изд. 1913 г. только «Вступление» и еще небольшой отрывок — «Рассвет в океане». *Ваал* — древневосточное языческое божество (в Финикии, Сирии, Палестине). *Ирод* — царь Иудеи (40—4 гг. н. э.), отличавшийся крайней распущенностью и жестокостью; имя его стало нарицательным.

О да на пришествие зимы (стр. 271). Печ. впервые по автографу. *Седой Борей* — (греч. миф) — бог, олицетворяющий северный ветер. *Меньшиков* Михаил Осипович (1859—1919) — крайне реакционный журналист, вдохновитель черносотенства, расстрелян за активную контрреволюционную деятельность в 1919 г. *Эфиальт* (V в. до н. э.) — вождь рабовладельческой демократии в Афинах. *Суворин* Алексей Сергеевич (1834—1912) — реакционный журналист, издатель черносотенной газеты «Новое время». *Гучков* Александр Иванович (1862—1935) — основатель реакционной партии «Союз 17 октября», военный и морской министр Временного правительства, белоэмигрант, злейший враг советской власти. *Грингмут* Владимир Андреевич (1851—1907) — реакционный публицист, идеолог черносотенства и организатор «Русской монархической партии» (впоследствии — «Союз русского народа»). *Пихно* Дмитрий Иванович (род. 1853) — реакционный профессор, экономист, главарь киевской организации «Союза русского народа» и редактор черносотенной газеты «Киевлянин». *Кронштадтский Иоанн* — протоиерей Сергиев, реакционный церковный деятель и писатель. *Стратиги* — военачальники.

Фараон и свинья (стр. 274). Печ. впервые по автографу.

Купчина (стр. 275). Печ. впервые по автографу.

Песня о бедном Макаре (стр. 276). Впервые — 3. кн. 17, 1907, стр. 69—73. В изд. 1913 г. не вошла.

Баллада о гордом графе (стр. 279). Впервые — 3. кн. 17, 1907, стр. 74—75. В изд. 1913 г. не вошла. Горький вернул Черемнову балладу для исправления, ибо его не удовлетворяла последняя строфа. «Обратите внимание на последнюю строфу! — писал Горький. — «Поп на трех листах» — немножко неуклюже, «ангел в небесах» и т. д. — до конца — не сильно ударено! М. б. возможна еще строфа?» (АГ) Все отмеченное Горьким Черемнов исправил.

Безмолвный гнев (стр. 280). Впервые — 3. кн. 17, 1907. стр. 76—77. В изд. 1913 г. не вошло. Стихотворение — гневный отклик на злодейскую расправу царских палачей с восставшим в 1905 г. народом.

Из цикла «Молитвы»

Цикл был посвящен *Гохбауму* Дмитрию Абрамовичу. В изд. 1913 г. название цикла отсутствует, а посвящение Д. А. Гохбауму отнесено только к стихотворению «В пустыне». В этот цикл входило еще стихотворение «Бог», но Горький отнесся к нему критически. «Не находите ли Вы, что «Бог» удался вам меньше других, — писал он Черемнову, — и что как заключительный аккорд он способен понизить настроение и гармонию предыдущих стихов?» Отмечая, что в стихотворении есть неудачные строки, Горький выделил заключительный — «Но разве ты не одинок?» — и по поводу его спрашивал поэта: «Как я, читатель, истолкую ее <строку>? Как злорадство, иронию? Как человечью жалость к одинокому богу и состраданье к нему?» (АГ). Черемнов исключил это стихотворение из цикла. В изд. 1913 г. оно вошло под заглавием «Иегова».

В пустыне (стр. 281). Впервые — 3. кн. 31, 1910, стр. 3—4. Излагается библейская легенда о странствии евреев в поисках Ханаана (древнейшее название Палестины), или Обетованной земли, своего рода земного рая, якобы обещанного богом. За измену богу, которому израильтяне предпочли золотого тельца, то есть идола, они были наказаны: много лет скитались в пустыне. В форме библейской легенды, то есть своеобразным эзоповским языком, Черемнов бичевал в этом стихотворении изменников революции. *Кимвал* — древний еврейский музыкальный инструмент, состоящий из медных тарелок, которыми ударяли друг о друга; употреблялся при богослужении.

На мотив из Иоанна Дамаскина (стр. 282). Впервые — там же, стр. 5—6. В изд. 1913 г. — под названием «Плач по убиенным». Стихотворение представляет собой траурную песнь памяти борцов за свободу, погибших в революционных битвах 1905 г. В этом издании стихотворение ослаблено исключением из него гневных стихов (начиная — «Над могилой их кровавою...» и кончая — «Не молился иерей»), содержащих обличение церкви. Пришлось исключить, вероятно, ввиду давления цензуры. *Иоанн Дамаскин* (вторая пол. VII в.) — византийский богослов, философ и поэт; одно время жил при дворе калифа (светского и духовного властелина) в Дамаске, отсюда и прозвище. Сочинил много религиозных стихотворений, вошедших в культ христианской церкви. Черемнов в годы реакции использует некоторые мотивы поэзии Дамаскина в качестве эзоповского языка. *Пилат* — Понтий Пилат, бывший в 23—36 гг. наместником римского императора в Иудее.

Симон Киринейский (стр. 284). Впервые — там же, стр. 10—11. Излагается евангельская легенда о шествии Христа на

Голгофу. Измученный, он не мог нести крест, на котором его должны были распять, и крест этот понес один простой человек по имени Симон из местечка Киринаея. Как и в двух предыдущих стихотворениях, евангельская легенда выполняет у Черемнова функцию эзоповского языка: страдания Христа — муки народа, революционеров в годы реакции. *Пилат умыл в молчаньи руки*. По евангельской легенде, наместник римского императора в Иудее Пилат разрешил иудейским властям распять Христа, зная, что отдает на смерть невинного. В знак того, что он снимает с себя ответственность за убийство Христа, Пилат умыл руки. *Синедрион* — в древней Иудее совет старейшин, вершивший политические и судебные дела. *Варавва* — по евангельской легенде, злодей, осужденный на смерть, но иудеи потребовали у Пилата, чтобы вместо Вараввы был распят Христос. *Каиафа* — иудейский первосвященник (архирей), осудивший Христа на смерть. *Голгофа* — холм в окрестностях Иерусалима, на котором, по преданию, был распят Христос.

«Пировать в горящем доме, спать у пасти крокодила...» (стр. 285). Впервые — 3. кн. 32, 1910, стр. 3. В изд. 1913 г. не вошло. Стихотворение — инвектива в адрес интеллигенции, безучастной в годы реакции к страданиям народа.

Кузнец (стр. 285). Впервые — 3. кн. 32, 1910, стр. 6—8. В изд. 1913 г. не вошло.

Песня о Короле Купоне (стр. 287). Впервые — изд. 1913 г., стр. 147.

Ночь в Одессе (стр. 288). Впервые — 3. кн. 32, 1910, стр. 4—5. В переработанном виде вошло в изд. 1913 г. под названием «Набережная». Черемнов отбросил первые две строфы «Ночи в Одессе», а исправленную третью сделал первой строфой стихотворения «Набережная»:

Рев сирен то глуше, то звучнее,
Ночи мрак то реже, то плотней, —
А вдали не спящая аллеса
В паутине бликов и теней.

Второй (последней) строфой стала последняя из стихотворения «Ночь в Одессе».

Кры м

Байд ары (стр. 289). Впервые — 3. кн. 33, 1910, стр. 3. *Байд ары* — перевал в Крыму через главную гряду гор на пути Севастополь — Ялта, а также — поселок на южном берегу Крыма.

А л у п к а (стр. 289). Впервые — там же, стр. 4. *Лимены* — местечко в Крыму. *Муэдзин на минарете* — служитель культа у мусульман, обязанность которого выкриками с минарета (башня мечети) оповещать верующих о часе молитвы.

Горный лес (стр. 290). Впервые — там же, стр. 5. Стихотворение было написано в марте 1910 г. в Алушке, где Черемнов лечился от туберкулеза. Он вписал эти стихи в письмо Горькому (от 16 марта 1910 г.). Им предшествуют такие строчки: «В теплые дни катаюсь в Симеиз, Мисхор и к подножью Ай-Петри. Там сосновые леса и очень-очень хорошо. По этому случаю вот Вам вирши...» (АГ).

Перед бурей (стр. 290). Впервые — там же, стр. 6. В изд. 1913 г. исключена 3-я строфа: «Точно дышит во тьме притаившийся враг...» *Фелюга* (или иначе фелука) — небольшое парусное судно на Черном и Средиземном морях.

Вечер в Мисхоре (стр. 291). Впервые — там же, стр. 7. *Мисхор* — курортное место на Южном берегу Крыма.

Зори (стр. 291). Впервые — там же, стр. 8—9.

Ночь в Алушке (стр. 292). Впервые — изд. 1913 г., стр. 84.

Ай-Петри (стр. 293). Впервые — там же, стр. 86. *Ай-Петри* — одна из вершин Крымских гор (1233 м.) на Южном берегу.

Белоруссия

Идущие вслед за данным циклом четыре стихотворения — «Божий человек», «Ухарь», «Ведьма», «Конокрад», по всей вероятности, относятся к той же теме и написаны одновременно с циклом.

Косовица (стр. 294). Впервые — 3. кн. 34, 1911, стр. 3.

Июль (стр. 295). Впервые — там же, стр. 4.

В бору (стр. 295). Впервые — там же, стр. 5. В изд. 1913 г. 1-й ст. 4-й строфы исправлен: «Тенью желтой и пушистой»; целиком переработана 5-я строфа:

И засохшие остинки
Густо сыплются с ветвей
Вдоль протоптанной тропинки
У извилистых корней.

Переделка этой строфы, возможно, была вызвана тем, что сравнение «Между веток, как в оконце...» очень напоминало аналогичный бунинский образ в поэме «Листопад».

Дорога (стр. 296). Впервые — там же, стр. 6. В изд. 1913 г. под заглавием: «Белорусская дорога». В 3-м ст. 3-й строфы стало: «приставлен Степаныч». *Молодик круторогий* — молодая луна или месяц.

Будь благословенна (стр. 297). Впервые — 3. кн. 37, 1911, стр. 4. В изд. 1913 г. исправления; 2-й ст. 1-й строфы: «Отцвели и умерли радостные сказки»; 1-й ст. 2-й строфы: «Но царит по-прежнему память неустанная...»

Южное море (стр. 297). Впервые — изд. 1913 г., стр. 90.

Экстаз (стр. 297). Впервые — 3. кн. 35, 1911, стр. 9. В изд. 1913 г. 1-й ст. последней строфы изменен: «Грозным криком великого гнева».

Юность (стр. 298). Впервые — там же, стр. 10.

Божий человек (стр. 298). Впервые — изд. 1913 г., стр. 138. *Алексей, божий человек* — христианский святой, который оставил жену, богатство, почет и скитался нищим. Образ его был популярен благодаря известному в свое время «духовному» стиху.

Ухарь (стр. 300). Впервые — изд. 1913 г., стр. 141.

Ведьма (стр. 301). Впервые — изд. 1913 г., стр. 143. *До Егорья* — по народному календарю — конец апреля. 23 апреля по старому стилю отмечался день Егория, или Георгия-Победоносца — покровителя скота. *А Петровки непогожи*. Петровки, иначе Петров пост, — по церковному календарю начинается через неделю после троицына дня, или Пятидесятницы (церковный праздник на пятидесятый день после пасхи) и продолжается до 29 июня по старому стилю, когда церковь отмечает память апостолов Петра и Павла.

Конокрад (стр. 302). Впервые — изд. 1913 г., стр. 145.

«Снилось мне, что в небе бледный месяц гас...» (стр. 303). Впервые — изд. 1913 г., стр. 39.

Под грозой (стр. 303). Впервые — изд. 1913 г., стр. 45.

Женщине (стр. 304). Впервые — 3. кн. 39, 1912, стр. 3—4. В изд. 1913 г. 3-й ст. 4-й строфы: «Но в душе у нас кипят уже проклятья...»

Piccola marina (стр. 305). Впервые — изд. 1913 г., стр. 92. *Хризолит* — драгоценный камень золотисто-зеленоватого цвета. *Villa Serafina* — дом на острове Капри, в котором жил Горький. Черемнов в конце 1911 г. приехал по приглашению Горького на Капри и пробыл там около трех месяцев.

Дорога на Анакапри (стр. 306). Впервые — изд. 1913 г., стр. 94. *Анакапри* — верхняя часть острова Капри. *Мадонна* — итальянское название богоматери.

Март (стр. 306). Впервые — изд. 1913 г., стр. 104. *На Алексея* — 17 марта по старому стилю, когда отмечался церковью день святого Алексея, человека божия.

Земля цветет (стр. 307). Впервые — изд. 1913 г., стр. 108.

Белая ночь (стр. 308). Впервые — 3. кн. 38, 1912, стр. 3—4. В изд. 1913 г. 3-й ст. 1-й строфы, 2-й ст. 3-й и 1-й ст. 6-й строфы исправлены: «Ясный запад мреет в алом зареве»; «К светлым окнам молча подойдешь»; «Поглядишь: с восхода загорается».

На вечерней заре (стр. 309). Впервые — изд. 1913 г., стр. 111.

Огонек (стр. 309). Впервые — 3. кн. 38, 1912, стр. 6.

У окна (стр. 310). Впервые — изд. 1913 г., стр. 114.

«Нынче в поле мутно, влажно...» (стр. 310). Впервые — там же, стр. 120.

Зарницы (стр. 311). Впервые — 3. кн. 38, 1912, стр. 5. *Стожары* — народное название звездного скопления Плеяд.

Рассвет (стр. 311). Впервые — там же, стр. 9. В изд. 1913 г., исправлены: 1-й ст. 1-й строфы: «Девушка стояла на восточной башне...»; 3-й ст. 2-й строфы: «Дымные туманы подымались выше...»; 2-й ст. 3-й строфы: «Дрогнула, пылая, неба глубина...»

Светлый зной (стр. 312). Впервые — изд. 1913 г., стр. 123.

Березы (стр. 313). Впервые — 3. кн. 38, 1912, стр. 8.

Бор (стр. 313). Впервые — изд. 1913 г., стр. 125.

Бабье лето (стр. 313). Впервые — 3. кн. 38, 1912, стр. 7. В изд. 1913 г. исключена 2-я строфа.

Погост (стр. 314). Впервые — изд. 1913 г., стр. 128. *Погост* — церковь с прилегающими к ней постройками и домами церковнослужителей; в данном случае — прицерковное кладбище.

Северные сны (стр. 314). Впервые — изд. 1913 г., стр. 109.

Матери-земле (стр. 315) Впервые — изд. 1913 г., стр. 100.

И. А. БУНИН

Ввиду того что публикуемые нами стихотворения Бунина, впервые печатавшиеся в «Сборниках т-ва „Знание“», целиком вошли в собрание сочинений поэта, изданное в 1915 г. том А. Ф. Маркса, приводим в первую очередь различия между «знаньевским» текстом и текстом этого издания (*сокращенно*: изд. 1915 г.). Что касается собрания сочинений Бунина, выпущенного

«Знанием» (т. 1—5. СПб., 1902—1909), то ссылки на него в примечаниях отсутствуют: в этом издании, объединившем группу стихов из «Знаньевских» сборников, исправлены тексты лишь шести стихотворений: «Над Окой», «Древнюю чашу...», «Детская», «Айя-София», «Джордано Бруно», «Пугало» (см. т. 3. 1906), причем эти исправления сохранены в изд. 1915 г. Приводим также наиболее существенные различия между текстом «Знаньевских» сборников и берлинским изданием «Петрополис» 1934—1936 гг. (сокращенно: ССБ).

Мороз (стр. 321). Впервые — 3. кн. 9, 1906, стр. 199. В изд. 1915 г. (т. 3, стр. 15) ст. 6-й: «Свет от созвездий Ориона». В ССБ (т. 6) Бунин поставил точную дату: 21. 7. 03. *Орион* — созвездие.

Диза (стр. 321). Впервые — 3. кн. 1, 1904, стр. 101. В изд. 1915 г. (т. 3, стр. 16) ст. 5-й: «Мохнатые тени от сосен»; ст. 7-й и 8-й: «И по столу ходят; а Диза В светлице одна, за работой».

Глен (стр. 323). Впервые — 3. кн. 9, 1906, стр. 198. В ССБ (т. 1, стр. 297) заглавие исключено и поставлена дата: 29.7.05.

Хризантемы (стр. 323). Впервые — 3. кн. 9, 1906 стр. 200. В изд. 1915 г. (т. 3, стр. 5) ст. 2-й: «За ночь хризантемы расцвели». В ССБ устранено заглавие и поставлена дата: август 1903.

Дома (стр. 324). Впервые — 3. кн. 1, 1904, стр. 105. В ССБ (т. 1, стр. 109) — без заглавия, 1-я и последняя строфы исключены, оставшиеся две переставлены. В результате получилось новое стихотворение, 1-й ст. которого — «Далеко на севере Капелла...» *Капелла* — звезда альфа в созвездии Возничего. Бунин именует Капеллой все созвездие.

Жизнь (стр. 324). Впервые — 3. кн. 9, 1906, стр. 195—196. В изд. 1915 г. (т. 3, стр. 4) ст. 4-й: «О, божественный отблеск незримого — жизни, мерцающей»; ст. 18-й: «Рассыпаясь по гравии кнгенью бледных огней»; 6-я (последняя) строфа исключена.

Перед бурей (стр. 325). Впервые — 3. кн. 1, 1904, стр. 103.

Сумерки (стр. 326). Впервые — 3. кн. 1, 1904, стр. 104. В изд. 1915 г. (т. 3, стр. 40—41): ст. 6-й: «Чуть светит печь, и точно тень...»; ст. 9-й: «Грусть, разлитая на закате...»

Кольцо (стр. 326). Впервые — 3. кн. 1, 1904, стр. 106. В изд. 1915 г. (т. 3, стр. 22) Бунин отбросил последние два стиха.

В Евпаторийских степях (стр. 327). Впервые — 3. кн. 1, 1904, стр. 107. В изд. 1915 г. (т. 3, стр. 56) — новое заглавие: «В Крымских степях». *Девственная Вега* — звезда альфа в созвездии Лиры, голубоватого цвета, одна из самых ярких звезд неба. *Шатер-гора* — гора Чатырдаг в Крыму, издали похожая на огромную палатку.

Над Окой (стр. 327). Впервые — 3. кн. 1, 1904, стр. 108—110. В изд. 1915 г. (т. 3, стр. 23—24) под заглавием «Запустение»; 9-й ст. 2-й строфы: «Я в кресло сел, к окну, и, отдыхая»; 2-й ст. 3-й строфы: «А я глядел на клены у балкона»; 5-й ст. 4-й строфы: «Я тронул их — и горестно в тиши»; последний ст. 5-й строфы: «Пора свести последние итоги»; 2-й ст. 6-й строфы: «Любил я осень позднюю в России»; 5-й ст. 6-й строфы: «Любил стальную, серую Оку»; 8-й ст. 8-й строфы: «Я изнемог, и мертвый стук часов», а последние два стиха Бунин поменял местами.

«Леса, скалистые теснины...» (стр. 329). Впервые — 3. кн. 6, 1905, стр. 291. В изд. 1915 г. (т. 3, стр. 20) — под заглавием «Вершина».

«В открытом море — только небо...» (стр. 330). Впервые — 3. кн. 6, 1905, стр. 292. В изд. 1915 г. (т. 3, стр. 30) — под заглавием «В открытом море»; ст. 16-й: «То, что забыто навсегда!». Последнюю строфу Бунин устранил и тем самым несколько ослабил оптимистический тон стихотворения.

«Нет ничего грустней ночного...» (стр. 331). Впервые — 3. кн. 6, 1905, стр. 293. В изд. 1915 г. (т. 3, стр. 39) — под заглавием «Огонь»; ст. 3-й и 4-й: «О, как дрожит он, потухая И разгораясь на ветру!»; ст. 14-й: «Теряясь в черной высоте» и 16-й: «Весь бор, не видный в темноте...»

«Древнюю чашу нашел он у шумного синего моря...» (стр. 331). Впервые — 3. кн. 6, 1905, стр. 294. В изд. 1915 г. (т. 3, стр. 17—18) под заглавием «Надпись на чаше»; ст. 6-й: «Древнюю повесть безмолвных могил и гробниц...»; ст. 9-й: «Вечно лишь то, что связует незримую связь».

Восток

Т а й н а (стр. 332). Впервые — 3. кн. 7, 1905, стр. 253—254. В изд. 1915 г. (т. 3, стр. 65—66) ст. 21-й: «Окинул жаркий Атмейдан...» *Элиф. Лам. Мим* — названия трех арабских букв (а, л, м). Эти три буквы, не составляющие вместе никакого слова, стоят в начале 2-й суры Корана — священной книги мусульман, сборника религиозно-догматических, этических правил, составленного в VII в. н. э. *Пророк* — Мухаммед или Магомет (около 570—632), араб из Мекки, основатель ислама — мусульманской религии. *Мохаммед* — Магомет. *Гяур* — у мусульман всякий иноверец. *Атмейдан* — название местности.

Т э м д ж и д (стр. 333). Впервые — там же, стр. 255—256. В изд. 1915 г. (т. 3, стр. 65) 5-я строфа исключена; ст. 1-й: «Тяжела, темна стезя земная...» *Скутари* — вероятно, пригород Стамбула на малоазиатском берегу Босфора. *Тэмджид* (вернее — тамджид) — прославление аллаха. *Дервиш* — мусульманский монах.

Черный камень (стр. 334). Впервые — там же, стр. 257. В изд. 1915 г. (т. 3, стр. 343) заглавие изменено: «Черный камень

Қаабы». *Сады блаженного Джинната* (вернее — Джанната) — рай. *Гавриил* — в христианской религии один из архангелов (высших ангельских чинов), служитель бога. *Авраам* — по библейской легенде, родоначальник еврейского народа.

З а и з м е н у (стр. 334). Впервые — там же, стр. 258. В изд. 1915 г. (т. 3, стр. 61) — с эпитафией из Корана: «Вспомни тех, что покинули страну свою ради страха смерти».

М и р а ж (стр. 335). Впервые — там же, стр. 259. В ССБ (т. 1, стр. 106) заглавие — «Ковсерь». *Ковсерь* — река, протекающая в раю. *Сакар* — Сакарна, богатая водою, но несудоходная во всем своем течении река на сев.-зап. Малой Азии.

Д ж и н ы (стр. 335). Впервые — там же, стр. 260. В изд. 1915 г. (т. 3, стр. 62) ст. 5-й: «Звезды горят над безлюдной землею...»; ст. 11-й: «Это архангел, слуга милосердного бога». *Джинны* (правильнее — джинны) — злые духи в мусульманской религии. *Созвездие Пса* — в южном полушарии неба, в его состав входит Сириус, самая яркая звезда на небе. *Мекка* — город в Саудовской Аравии, родина Магомета. *Ирам* — название одной аравийской местности.

Г р о б н и ц а С а ф и и (стр. 336). Впервые — там же, стр. 261. В изд. 1915 г. (т. 3, стр. 64—65) ст. 1-й: «Горный ключ по скатам и оврагам» и ст. 8-й: «На кустах, где плачет соловей».

Е г и п е т (стр. 337). Впервые — 3. кн. 16, 1907, стр. 148. *Ра-Озирис* (египетск. миф.) — бог солнца и Нила, брат и муж Изиды, богини земли и плодородия. *Сет* (египетск. миф.) — бог войны и пустыни, коварно убивший своего брата Озириса. *Гизех* (Гиза) — город в Египте на левом берегу Нила, фактически пригород Каира. Вблизи него — знаменитая группа пирамид (Хеопса и др.), гигантский сфинкс, развалины дворцов и другие памятники древности. *Фивы* — столица древнего Египта.

Д е т с к а я (стр. 337). Впервые — 3. кн. 9, 1906, стр. 197. В изд. 1915 г. (т. 3, стр. 25) ст. 1-й и 2-й последней строфы: «Сидишь и смотришь в окна из угла И думаешь о жизни старосветской...»

П е ч а л ь (стр. 338). Впервые — 3. кн. 9, 1906, стр. 201. В изд. 1915 г. (т. 3, стр. 18) устранены следующие последние слова: «Мы все бездомны, Все неприютны, но смотрим вдаль».

П е с н я (стр. 338). Впервые — 3. кн. 9, 1906, стр. 202.

Э с х и л (стр. 339). Впервые — 3. кн. 9, 1906, стр. 203. *Адрастея* (греч. миф.) — богиня справедливости и мести.

К а м е н н а я б а б а (стр. 339). Впервые — 3. кн. 9, 1906, стр. 204. В изд. 1915 г. (т. 3, стр. 46) ст. 3-й последней строфы: «Не бог, не бог нас создал. Это мы...»

Айя-София (стр. 340). Впервые — 3. кн. 9, 1906, стр. 205. В изд. 1915 г. (т. 3, стр. 57) ст. 10-й: «В смиренной и священной тишине...» *Айя-София* — знаменитый византийский храм в бывшем Константинополе, потом Стамбуле; построен при императоре Юстиниане между 532—537 гг. В 1453 г. турками превращен в мечеть. Ныне — музей. *Великий шейх* — глава мусульманского духовенства.

У северных берегов Малой Азии (стр. 340). Впервые — 3. кн. 9, 1906, стр. 206. В изд. 1915 г. (т. 3, стр. 49) — под заглавием «У берегов Малой Азии». *Амазонки* (греч. миф.) — воинственные женщины, жившие, по преданию, у берегов Черного моря и совершавшие походы в соседние страны.

Атлант (стр. 341). Впервые — 3. кн. 9, 1906, стр. 207. В изд. 1915 г. (т. 3, стр. 53) ст. 3-й: «По спутанным кустарникам, в тумане...» *Атлант* (греч. миф.) — великан, по воле Зевса державший на голове и руках небесный свод. *Титан* (греч. миф.) — название гигантов, вступивших в борьбу с Зевсом за обладание небом и сброшенных за это в тартар.

Одиночество (стр. 342). Впервые — 3. кн. 9, 1906, стр. 209. В изд. 1915 г. (т. 3, стр. 10) посвящение П. А. Нилусу снято. *Нилус* Петр Александрович (род. 1869) — художник-жанрист.

Пугач (стр. 342). Впервые — 3. кн. 14, 1906, стр. 187.

Джордано Бруно (стр. 343). Впервые — 3. кн. 14, 1906, стр. 189—192. В изд. 1915 г. (т. 3, стр. 93—94) 3-я строфа исправлена:

И вот он посох странника берет:
Простите, келий сумрачные своды!
Его душа, всем чуждая, живет
Теперь одним: дыханием свободы.

4-я строфа исключена; исправлены: ст. 3-й 6-й строфы (5-й в изд. 1915 г.): «И вихрь миров, несметный сонм планет»; ст. 2-й и 3-й в 12-й (11-й в изд. 1915 г.) строфе: «Проникнут богом — жизнью, красотой. Живя и умирая, мы живем...». *Джордано Бруно* (1548—1600) — великий итальянский мыслитель, материалист, обличитель религии, мужественный борец с католицизмом, с папством. Был сожжен на костре инквизицией в Риме. *В Ноле*. Нола — древнейший город Кампании, ныне город в итальянской провинции Казерта. *Птоломей* — Птоломей Клавдий (II в.) — древнегреческий астроном, географ, разработал геоцентрическую систему мира.

Утро (стр. 345). Впервые — 3. кн. 14, 1906, стр. 188. В ССБ (т. 6) ст. 3-й: «Как в забытьи, качаются над ней».

Старинные стихи (стр. 345). Впервые — 3. кн. 29, 1910, стр. 1. В ССБ заглавие упразднено.

Магомет в изгнании (стр. 346). Впервые — 3. кн. 16. 1907, стр. 151. В ССБ (т. 1, стр. 134) первые две строфы ради-
кально переработаны:

Духи над пустыней пролетали
В сумерки, над каменистым логом.
Скорбные слова его звучали,
Как источник, позабытый богом.

На песке, босой, с раскрытой грудью
Он сидел и говорил, тоскуя:
«Предан я пустыне и безлюдью,
Отрешен от всех, кого люблю Я!

Ст. 1-й последней строфы: «И сказали Духи: «Недостойно...» Со-
держание — одна из легенд о Магомете, основателе мусульман-
ской веры *Тайиф* (вернее — Таиф) — город в Аравии, недалеко от
Мекки.

Цветные стекла

Цветные стекла (стр. 346). Впервые — 3. кн. 15, 1907,
стр. 195. Сю — Сю Эжен (1804—1857), французский писатель,
автор популярных в свое время романов «Парижские тайны» и
«Вечный жид». *Патерик* (греч.) — сборник житий святых, отцов
церкви. *Дагерротипы* — старинные фотографии на металлических
пластинках.

«Проснусь, проснусь — за окнами в саду...»
(стр. 347). Впервые — там же, стр. 196. В изд. 1915 г. (т. 3,
стр. 80) — под заглавием «Кто-то».

«За окнами — снега, степная гладь и ширь...»
(стр. 347). Впервые — там же, стр. 197. В изд. 1915 г. (т. 3,
стр. 80) — под заглавием «Дядька».

Слепой (стр. 348). Впервые — там же, стр. 198—199. В изд.
1915 г. (т. 3, стр. 76) 2-я строфа была исключена; во 2-й («знаниев-
ская» 3-я) строфе исправлены 2-й ст.: «Поет-вопит мальчишка —
о прекрасном...» и 4-й: «Под мрачный и гудящий бас калеки...»;
4-й ст. в 3-й (4-й) строфе: «На пропитанье сирых сотворите». *Ку-
коль* — цветок из семейства гвоздичных. «Об Алексее, божьем чело-
веке» — распространенный в свое время «духовный стих».

Пугало (стр. 349). Впервые — там же, стр. 200. В изд.
1915 г. (т. 3, стр. 75—76) — без эпиграфа. *Старновка* — (правиль-
нее — сторновка) — немая солома. *Чекмень* — мужская одежда,
род кафтана.

Истара (стр. 349). Впервые — 3. кн. 16, 1907, стр. 148. По
форме стихотворение можно отнести к сонету, по теме — к восточ-
ному циклу, к которому примыкают еще четыре стихотворения:
«Египет», «Розы Ширази», «Магомет в изгнании» и «Бессмертный».

Истара (вернее — Истар или Иштар) — в ассиро-вавилонской религии богиня любви и плодородия. *Бог Син* — в той же религии бог луны. *Тиара* — высокая шапка с диадемой у ассирийских царей.

Один (стр. 350). Впервые — 3. кн. 16, 1907, стр. 149. О́дин — (сканд. миф) — бог войны. *Черный ворон Хугин* — согласно скандинавской мифологии, на каждом плече О́дина сидело по ворону: *Хугин* — Мысль и *Мугин* — Воспоминание. Ежедневно они облетали весь мир и затем сообщали богу все, что видели.

Розы Ширази (стр. 350). Впервые — 3. кн. 16, 1907, стр. 150. *Розы Ширази* — пленницы гарема. *Шираз* — главный город Фарсисстана, южной провинции Ирана. *Сад Ирема* — легендарный сад в Йемене.

Бессмертный (стр. 351). Впервые — 3. кн. 16, 1907, стр. 152. *Аллах* (или Алла) — имя бога у мусульман.

Рассказы в стихах

С обезьяной (стр. 351). Впервые — 3. кн. 20, 1908, стр. 119—120. В изд. 1915 г. (т. 3, стр. 89) последний ст.: «Ты далеко, Загреб!» *На Фонтан*. Фонтан — дачное место в Одессе.

Трон Соломона (стр. 352). Впервые — там же, стр. 121—122. В изд. 1915 г. (т. 3, стр. 72) ст. 21-й: «Под троном львы, над троном — кондор черный». В стихотворении излагается одна из многочисленных легенд, связанных с библейским царем Соломоном. *Руны* — древнейшие письмены, преимущественно у скандинавов (начала нашей эры), на дереве, камне и металле. От древнескандинавского слова *runa* — тайна. Рунами называются древние надписи на готском, немецком, англо-саксонском языках, а также карело-финские народно-эпические песни. У Бунина — в первом значении. *Геджас* — область в Саудовской Аравии, на побережье Красного моря.

Русь

В роще (стр. 353). Впервые — 3. кн. 21, 1908, стр. 305. В ССБ напечатано дважды: в т. I (стр. 164) — без заглавия и с датой: 1907, в т. 2 (стр. 300) — под заглавием «В роще» и с датой: 15.8.09. Последняя датировка явно ошибочна, ибо 21 кн. 3. вышла в свет в 1908 г. В ССБ неудачно исправлен последний стих: «И жизнь была небесно хороша»; в дальнейшем «небесно» было исправлено опять: «чудесно».

Сиротка (стр. 354). Впервые — там же, стр. 306. В стихотворении чувствуется стилизация под житийную литературу и фольклор.

Пустошь (стр. 354). Впервые — там же, стр. 307—308. В изд. 1915 г. (т. 3, стр. 112—113) с датой — 1907. См. вступит. статью, стр. 55.

Будни (стр. 355). Впервые — там же, стр. 309. В изд. 1915 г. (т. 3, стр. 114—115) ст. 13-й: «Спешит десяток крохотных цыплят. *Махотка* (простореч.) — глиняный сосуд.

Кружево (стр. 356). Впервые — там же, стр. 310.

Сонеты

Последние слезы (стр. 356). Впервые — 3. кн. 24, 1908, стр. 99.

Рыбачка (стр. 357). Впервые — там же, стр. 100. В изд. 1915 г. (т. 3, стр. 102), ст. 1-й: «Кто там стучит? Не встану. Не открою...», и последний: «Он был смелей. Он моря не боится».

Горный лес (стр. 357). Впервые — там же, стр. 101.

В Архипелаге (стр. 358). Впервые — там же, стр. 102. В ССБ (т. 2, стр. 278) ст. 6-й и 9-й: «Сквозя, вставал неровный ряд колонн», «Не всё ль равно, что это старый храм...» *Архипелаг* — острова Эгейского моря; в древности название «Архипелаг» распространялось на все море. *Эол* (греч. миф.) — бог ветров. *Посейдон* (греч. миф.) — бог морей.

Иудея

Караван (стр. 358). Впервые — 3. кн. 25, 1908, стр. 3. В ССБ (т. 2, стр. 282) исправлена 1-я строфа:

Звон на верблюдах, ровный, полусонный,
Звон бубенцов подобен роднику:
Течет, течет струею отдаленной,
Баюкая дорожную тоску.

Во 2-й строфе исправлены 2-й и 3-й ст.: «Луна меж пальм сияет по песку. Под этот звон, глухой и однотонный». *Рамла* — город в Палестине.

Иерихон (стр. 359). Впервые — там же, стр. 4. В изд. 1915 г. (т. 3, стр. 103—104) ст. 10-й: «Горы Поста. Чуть теплится лампадка». *Мертвое море* — соленое озеро в Палестине, в него впадает река Иордань. *Пустыня Иоанна* — пустыня, в которой, по евангельской легенде, готовился к духовному подвигу Иоанн Предтеча (т. е. предшественник Христа), или Креститель (он якобы крестил Христа в реке Иордань). *Гора Соблазна* (или Поста) — гора, на которой, по евангельской легенде, Сатана соблазнял Христа, постившегося в пустыне 40 дней.

Бедуин (стр. 359). Впервые — там же, стр. 5. В изд. 1915 г. ст. 4-й: «И сел курить». *Тамариск* — засухоустойчивое растение.

Гикс — гиксосы, кочевые племена, покорившие Египет около 1700 г. до н. э. и господствовавшие в нем около сотни лет. *Сиддим* (еврейск.) — широкая равнина юго-вост. Палестины в районе Мертвого моря.

В детстве (стр. 360). Впервые — 3. кн. 29, 1910, ст. 2. В ССБ — под заглавием «Саваоф»; ст. 7-й: «Над скудную и темную толпой». *Саваоф* — одно из библейских названий бога.

Сенокос (стр. 361). Впервые — 3. кн. 27, 1909, стр. 3—4. В изд. 1915 г. ст. 3-й: «Корней нет». В ССБ (т. 2, стр. 292) исправлены ст. 3-й: «Но двор был пуст. Две пегие дворняжки»; ст. 10-й: «„Корней, седлай!“ — Но нет, Корней в лесу» ст. 12-й: «Да пчельник Дрон... Щенок замыл осу»; ст. 13-й: «И сено взрыл... Молочный голубь комом»; ст. 29-й: «Прядет Ами, вдруг сделавшись стройней»; ст. 35-й: «Слепой и мальчик. Оба на дворе...» *Варок* — стойло, скотный двор.

Собака (стр. 362). Впервые — 3. кн. 30, 1910, стр. 3. В изд. 1915 г. (т. 3, стр. 97) ст. 3-й: «На вьюжный двор, на снег, прилипший к раме».

Могила в скале (стр. 362). Впервые — 3. кн. 30, 1910, стр. 5. В изд. 1915 г. (т. 3, стр. 97—98) ст. 6-й: «Я, путник, видел это. Я в могиле...»; ст. 8-й: «Сокрытое пять тысяч лет хранили...» В ССБ (т. 2, стр. 295) ст. 9-й, 10-й: «Был некий день, был некий краткий час, Прощальный миг, когда в последний раз...»

Полдень (стр. 363). Впервые — 3. кн. 30, 1910, стр. 4. В изд. 1915 г. (т. 3, стр. 100) ст. 11-й: «Не торопясь, своей броней железной...» В ССБ (т. 2, стр. 298) — с датой: 14. VIII. 09.

Цикады (стр. 363). Впервые — 3. кн. 30, 1910, стр. 6. В последней редакции (И. Бунин. Весной, в Иудее. — Роза Иерихона. Нью-Йорк, 1953) изменено заглавие — «Ночные цикады», появилась дата: 10 сентября 1910; ст. 4-й и 5-й: «Цветы, колосья, травы им полны, Он ни на миг не молкнет, но не будит».

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис*. А. М. Горький. Фотография М. Дмитриева. Нижний Новгород. 1901—1902 гг. (Институт Русской литературы Академии наук СССР).

2. *Стр. 29*. Титульный лист № 9 сборника товарищества «Знание» за 1906 г.

3. *Между стр. 48 и 49*. А. М. Горький среди писателей-«знамевцев». Фотография К. Фишера. 1902 г. Слева направо: Скиталец, Л. Н. Андреев, А. М. Горький, Н. Д. Телешов, Ф. И. Шаляпин, Е. Н. Чириков, И. А. Бунин (Институт Русской литературы Академии наук СССР).

4. *Стр. 81*. Автограф рассказа Горького «Весенние мелодии», концом которого была «Песнь о Буревестнике» (Архив А. М. Горького).

5. *Стр. 162*. Автограф стихотворения Скитальца «Колокол» 1902 г., с правкой Горького (Архив А. М. Горького).

6. *Стр. 163*. Текст стихотворения Скитальца «Колокол», переписанный после исправлений Горьким (Архив А. М. Горького).

7. *Между стр. 176 и 177*. А. М. Горький и Скиталец. Фотография начала 1900-х гг. (Институт Русской литературы Академии наук СССР).

8. *Стр. 243*. Автограф стихотворения И. К. Воронова «Свобода» 1901 (?). Подзаголовок — рукой Горького (Архив А. М. Горького).

СОДЕРЖАНИЕ¹

М. Горький и поэты-«знаньевцы». Вступительная статья С. В. Касторского	5
---	---

М. ГОРЬКИЙ

I

Стихотворения, опубликованные М. Горьким

Девушка и смерть. Сказка	63 370
Песня о Соколе	70 370
Прощай!	72 371
В Черноморье	73 371
Баллада о графине Элен де Курси, украшенная различными сентенциями, среди которых есть весьма забавные	75 371
Песня о Буревестнике	80 372
Легенда о Марко :	82 373

Стихотворения, не публиковавшиеся М. Горьким

«Не браните вы музу мою...»	84 373
«Я плыву, за мною следом...»	84 373
«Тому на свете тяжело...»	85 373

¹ Первая цифра указывает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечаний.

«Нет! Там бессильна голова...»	85 373
«Как странники по большой дороге...»	86 373
«Это дивная рамка была!...»	86 373
«Живу я на Вэре без веры...»	87 373
Рассвет	87 374
<Сатиры на Д. С. Мережковского>	88 374
«Как медведь в железной клетке...»	89 374
«Поутру штору подымая...»	90 374
«На страницы Вашего альбома...»	90 375
«Сим докладываю вам...»	91 375
«День сгоревший хороня...»	91 375
«Нравится мне вся земля...»	92 375
«Уважаемые покупатели!...»	93 375
«Рыжая, как ржавое железо...»	93 375
«Под медным окном злой луны...»	94 376
«Иду межой среди овса...»	95 376
«О, сколь разнородны...»	96 376

II

Песня Лойка Зобара. Из рассказа «Макар Чудра»	99 376
Песни феи и чабана. Из сказки «О маленькой фее и молодом чабане»	99 376
Песни ворон и Чижа. Из рассказа «О Чиже, который лгал, и о Дятле — любителе истины»	108 377
Стихи Порока. Из рассказа «Разговор по душе»	110 377
Стихи одного поэта. Из рассказа «Грустная история»	110 377
Стихи поэта Миляева. Из рассказа «Неприятность»	111 377
Песнь Рагнара. Из рассказа «Возвращение норманнов из Англии»	112 377
Стихи Иегудинита Хламиды. Из фельетонов «Между прочим»	113 378
Стихи Семена Ястребова. Из рассказа «О писателе, который зазнался»	114 378
Монолог Васьки Буслаева. Фрагмент неосуществленной пьесы «Васька Буслаев»	115 378
Стихи Павла Грачева. Из повести «Трое»	115 378
Стихи Калерии. Из пьесы «Дачники»	117 379
Стихи Власа. Из пьесы «Дачники»	118 380
Стихи из рассказа «Тюрьма»	119 380
Стихи Платона Багрова. Из рассказа «Рассказ Филиппа Васильевича»	119 380
Стихи Лизы. Из пьесы «Дети солнца»	120 380
Стихи Вагина. Из пьесы «Дети солнца»	121 381
Стихи Симы Девушкина. Из повести «Городок Окуров»	122 381
Песня извозчика Карло Бамболо. Из «Сказок об Италии»	125 381
Стихи поэта Кермани. Из «Сказок об Италии»	125 381
Стихи рабочего Винченцо. Из «Сказок об Италии»	126 381
Стихи воробушка Пудика. Из рассказа «Воробьишко»	126 382
Песенки рыб. Из рассказа «Случай с Евсейкой»	127 382
Стихи одного поэта-декадента. Из «Русских сказок»	127 382
Стихи поэта Смертяшкина. Из «Русских сказок»	128 382

Стихи Егорки. Из «Русских сказок»	131 382
Стихи проходящего. Из рассказа «Женщина»	132 382
Стихи бабушки Акулины Ивановны. Из повести «Детство»	132 382
Стихи бабушки Акулины Ивановны. Из повести «В людях»	137 383
Стихи Алеши Пешкова. Из повести «В людях»	138 383
Самовар. Рассказ для детей	139 383
Песни молдаванской девушки. Из рассказа «На Чангуле»	143 383
Песенка перса. Из рассказа «Весельчак»	145 383
Стихи рассказчика. Из рассказа «О первой любви»	146 384
Стихи Фомина. Из «Рассказа об одном романе»	146 384
Стихи Инокова. Из романа «Жизнь Клима Самгина»	147 384
Стихи дьякона. Из романа «Жизнь Клима Самгина»	148 384

СКИТАЛЕЦ

<i>Биографическая справка</i>	153
Волжские легенды	155 386
«Вы сказались, бессонные ночи!..»	159 386
Посвящение	160 386
Колокол	161 387
Кузнец	164 387
Ручей	165 388
«Я хочу веселья, радостного пенья...»	165 388
Алмазы	166 388
«Я упал с облаков в эту бездну мученья...»	166 389
«Ты бедна... Трудом, нуждою...»	167 389
«Колокольчики-бубенчики звенят...»	167 389
Гусяр	169 389
Узник	171 391
«Я оторван от жизни родимых полей...»	171 392
«Нет, я не с вами: своими напрасно...»	172 392
«Из добродетелей вы цепи мне сковали...»	173 392
«Там, впереди — лежит страна млека и меда...»	174 393
Памяти Чехова	174 393
«Мы плыли с тобою навстречу заре...»	175 393
Валькирии	176 393
Четверо	177 393
«Телами нашими устлали мы дорогу...»	178 394
«Шумит, ревет и пляшет море...»	179 394
Тихо стало кругом...	180 394

А. А. ЛУКЬЯНОВ

<i>Биографическая справка</i>	183
«Не называй безумными мечты...»	185 394
Друзьям	185 394
В лесу	186 394
«О, если б колокол раздался в тишине...»	187 394

Поэту	187 394
Маяк	188 394
«Я помню этот шум — шум жизни молодой!..»	188 394
Истина	189 394
Памяти Ант<она> П<авловича> Чехова	189 394
Памяти Н. Г. Чернышевского	190 394
Рабочему	191 395
Кузнец (По Верхарну)	192 395
Меч врагов	194 395
«Слепцы и безумцы! Насильем владея...»	194 395
Восстание (Из Верхарна)	195 395
«Как звезд на темном небосводе...»	198 395
«Кровь... трупы... порвавшийся стон...»	198 395
Страдалица страна	199 395

Е. М. ТАРАСОВ

<i>Биографическая справка</i>	203
На левом берегу	204 396
Твои цветы	205 396
«Ты говоришь, что мы устали...»	205 396
«. . . Возникла в глухую январскую ночь...»	206 396
Дерзости — слава!	207 396
Весенние ручьи	208 396
«Смеха не надо бояться...»	209 396
Крепость	210 396
Проклятие	211 396
За решеткой	212 396
Под Новый год в тюрьме	212 396
На Волге	213 396
Дума пролетария	214 396
Черный суд	215 396
Недосказанная поэма	216 396
К революции	217 396

И. К. ВОРОНОВ

<i>Биографическая справка</i>	221
За решеткой	
1. «Поздно ночью привели...»	223 397
2. «Там, далеко, где я бывал когда-то...»	223 397
3. «Лазурней неба глубина...»	224 397
4. «Светлые весенние денечки!...»	224 397
Мой сосед	225 397
В ночном безмолвии	225 397
Мать	226 397
На волю	226 397
Этап	227 397

Обыск	228 397
«От стены твоей тюрьмы...»	229 397
Свидание	230 397
Последние слова	230 397
Над сверкающей рекою	231 397
Мудрость дерзающих	233 397
У моря	235 398
У ворот тюрьмы	236 398
Подкоп	236 398
Два пути	237 398
Битязи	238 398
Слесарь	240 398
Свобода. <i>На мотив Джонса</i>	242 398
«У основания огромной пирамиды...»	242 398
Цепь	244 398
Тому, кто молод	244 398

А. С. ЧЕРЕМНОВ

<i>Биографическая справка</i>	249
Красный корабль (<i>Поэма</i>)	252 398
Ода на пришествие зимы	271 399
Фараон и свинья	274 399
Купчина	275 399
Песня о бедном Макаре	276 399
Баллада о гордом графе	279 399
Безмолвный гнев	280 400
Из цикла «Молитвы»	
В пустыне	281 400
На мотив из Иоанна Дамаскина	282 400
Симон Киринейский	284 400
«Пировать в горящем доме, спать у пасти крокодила...»	285 401
Кузнец	285 401
Песня о Короле Купоне	287 401
Ночь в Одессе	288 401
Крым	
Байдары	289 401
Алупка	289 401
Горный лес	290 402
Перед бурей	290 402
Вечер в Мисхоре	291 402
Зори	291 402
Ночь в Алупке	292 402
Ай-Петри	293 402
Белоруссия	
Косовица	294 402
Июль	295 402
В бору	295 402
Дорога	296 402

Будь благословенна!	297 403
Южное море	297 403
Экстаз	297 403
Юность	298 403
Божий человек	298 403
Ухарь	300 403
Ведьма	301 403
Конокрад	302 403
«Снилось мне, что в небе бледный месяц гас...»	303 403
Под грозой	303 403
Женщине	304 403
Riccola marina	305 403
Дорога на Анакапри	306 403
Март	306 404
Земля цветет	307 404
Белая ночь	308 404
На вечерней заре	309 404
Огонек	309 404
У окна	310 404
«Ныне в поле мутно, влажно...»	310 404
Зарницы	311 404
Рассвет	311 404
Светлый зной	312 404
Березы	313 404
Бор	313 404
Бабье лето	313 404
Погост	314 404
Северные сны	314 404
Матери-земле	315 404

Н. А. БУНИН

<i>Биографическая справка</i>	319
Мороз	321 405
Диза	321 405
Тлен	323 405
Хризантемы	323 405
Дома	324 405
Жизнь	324 405
Перед бурей	325 405
Сумерки	326 405
Кольцо	326 405
В Евпаторийских степях	327 405
Над Окой	327 406
«Леса, скалистые теснины...»	329 406
«В открытом море — только небо...»	330 406
«Нет ничего грустней ночного...»	331 406
«Древнюю чашу нашел он у шумного синего моря...»	331 406

Восток	
Тайна	332 406
Тэмджид	333 406
Черный камень	334 406
За измену	334 407
Мираж	335 407
Джины	335 407
Гробница Сафии	336 407
Египет	337 407
Детская	337 407
Печаль	338 407
Песня	338 407
Эсхил	339 407
Каменная баба	339 407
Айя-София	340 408
У северных берегов Малой Азии	340 408
Атлант	341 408
Одиночество	342 408
Пугач	342 408
Джордано Бруно	343 408
Утро	345 408
Старинные стихи	345 408
Магомет в изгнании	346 409
Цветные стекла	
Цветные стекла	346 409
«Проснусь, проснусь — за окнами, в саду...»	347 409
«За окнами — снега, степная гладь и ширь...»	347 409
Слепой	348 409
Пугало	349 409
Истара	349 409
Один	350 410
Резы Ширази	350 410
Бессмертный	351 410
Рассказы в стихах	
С обезьяной	351 410
Трон Соломона	352 410
Русь	
В роще	353 410
Сиротка	354 410
Пустошь	354 410
Будни	355 411
Кружево	356 411
Сонеты	
Последние слезы	356 411
Рыбачка	357 411
Горный лес	357 411
В архипелаге	358 411
Иудея. Сонеты	
Караван	358 411
Иерихон	359 411
Бедуин	359 411
В детстве	360 412

Сенокос	361	412
Собака	362	412
Могила в скале	362	412
Полдень	363	412
Цикады	363	412
Примечания	365	
К иллюстрациям		413

Редакционная коллегия:

***В. Н. Орлов (главный редактор), М. О. Ауэзов,
А. Г. Дементьев, В. П. Друзин, В. О. Перцов,
А. А. Прикофьев, М. Ф. Рыльский, В. М. Саянов,
А. А. Сушков, А. Т. Твардовский, Н. С. Тихонов,
И. Г. Ямпольский (заместитель главного редактора).***

ГОРЬКИЙ И ПОЭТЫ «ЗНАНИЯ»

Редакторы *В. П. Друзин* и *В. С. Киселев*

Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *М. Е. Новиков*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректор *А. Г. Рабинова*

Сдано в набор 4/IX 1958 г. Подписано
в печать 22/XI 1958 г. Бумага 84×108^{1/32}.
Печ. л. 137^{1/16} (22,04). Уч.-изд. л. 19,88.
Тираж 10 000. Зак. № 766. Цена 7 р. 70 к.

Ленинградское отделение издательства
«Советский писатель»
Ленинград, Невский пр., 28

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3

